

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР



АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР



БАКУ-1982

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 1

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

БАКУ — 1982

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

введ
тури
три
2) а
стоя
дар

спор
ет р
ла)
цион
кото
сост
мени
случ
нени
иг-п
морф
морс

эле
слож
брал
1) -i
ческ
-i/-a
мент

извес
1
Морф
струк
док и
ская т
торик
2
3

стр. 11

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

П. И. КУЗНЕЦОВ

СИСТЕМА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Термин «функциональные формы» на материале тюркских языков введен Н. А. Баскаковым в связи с его теорией морфологической структуры тюркского слова. Н. А. Баскаков выделяет в каждой части речи три группы функционально-грамматических форм: 1) субстантивные, 2) атрибутивно-определительные, адъективные и 3) атрибутивно-обстоятельственные, адвербиальные. Применительно к глаголу это: 1) масдары, 2) причастия и 3) деепричастия¹.

Хотя концепция Н. А. Баскакова в целом представляется нам спорной, — в частности, функциональные формы, на наш взгляд, следует рассматривать как принадлежность лишь одной части речи (глагола) — мы вместе с тем полностью принимаем трактовку автором функциональных категорий (форм) глагола как таких, «только посредством которых глагол реализуется в предложении»². Итак, глагол входящий в состав предложения и выполняющий роль одного из его членов, **непрерывно содержит какую-нибудь функциональную форму**. Только в одном случае — во втором лице единственного числа повелительного наклонения — она представлена значимой нулевой формой (al 'возьми', al-iş-tig-il-ta-yabil 'мог и не быть приученным' и т. п.; во втором примере все морфологические элементы следует отнести к числу аффиксальных морфем «лексико-грамматического словообразования»³).

Функциональный ингредиент словоформы нередко состоит из одного элемента (например, *-di*, *-an*, *-arak* и т. п.), но он может быть также сложным и включать два-три элемента. Так, в словоформе *alıyordı* 'он брал' легко вычлениются три элемента функциональной формы: 1) *-ıyor*, 2) *i-*, 3) *-dı*. При этом первый из названных элементов исторически в свою очередь является сложным, распадаясь на деепричастие *-ı/-a* и форму *-yor* (<*yürür*), однако при синхронном анализе этот момент, естественно, не учитывается.

То обстоятельство, что функциональная «форма» одного глагола в известных условиях включает в свой состав корневую и функциональ-

¹ См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык. Т. II. М., 1952, стр. 306—311; *его же*. Морфологическая структура слова в тюркских языках. — В кн. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». М.—Л., 1963, стр. 80 и сл.; *его же*. Порядок и иерархия аффиксов в основе слова в тюркских языках. — В кн. «Морфологическая типология и проблема классификации языков». М.—Л., 1965, стр. 124; *его же*. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979, стр. 40—56.

² Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 306.

³ См.: Н. А. Баскаков. Историко-типологическая морфология тюркских языков, стр. 117 и сл.

ную морфемы другого глагола (в частности, глагола *i-* 'быть' или глагола *ol-* 'быть', 'стать'), можно, разумеется, считать явным нарушением принципа гомогенности грамматической формы, допускающимся лишь в угоду смыслу, ибо в противном случае пришлось бы воспринимать как равные корневые морфемы главного и вспомогательного глаголов, а между тем последняя нередко вообще не несет реально воспринимаемого лексического значения, то есть выполняет подчас лишь чисто строевую роль, как, в частности, в формах абсентивной модальности [например, *alıyogıtuş* (*alıyog i-tiş*) 'он, говорят (оказывается)', берет/он, говорят, брал']. Таким образом, по-видимому, правильнее говорить не о двух лексических единицах, а об одной единице и ее производных.

В индоевропейских языках и языках других систем принято делить глагольные формы на финитные (окончательные) и инфинитные (срединные). Такое членение функциональных форм тем более приложимо к тюркскому глаголу, что финитные словоформы действительно занимают здесь место в самом конце предложения, то есть являются финитными также и в прямом значении этого слова; а словоформы, располагающиеся в начале или середине предложения, как правило, являются именно инфинитными (срединными). Таким образом, в тюркских языках, в том числе и в турецком, следует выделить два основных класса функциональных форм глагола: 1) класс финитных форм (класс А); 2) класс инфинитных форм (класс Б).

Различие между тюркскими и некоторыми другими (в частности, индоевропейскими) языками заключается в данном случае в том, что в этих «других» языках понятие финитные формы воспринимается как синоним понятия предикативные формы, а понятие инфинитные формы — как синоним понятия непредикативные формы; в тюркских же языках все финитные формы являются предикативными, однако такую же квалификацию получает и часть инфинитных форм, о чем подробнее будет сказано ниже.

КЛАСС А: ФИНИТНЫЙ ГЛАГОЛ

Морфологическая характеристика функциональных форм класса А однозначна в большинстве тюркских языков: все они, исключая некоторые формы повелительного наклонения, а также формы третьего лица других наклонений, в обязательном порядке получают словоизменительный аффикс, отражающий лицо и число субъекта действия, то есть личный аффикс и — что еще более существенно — никакими другими словоизменительными категориями (например, падежа или принадлежности) не обладают.

Функциональный класс *verbum finitum* подразделяется на **наклонения**.

В. В. Виноградов говорил о наклонении как о грамматической категории, определяющей модальность действия, то есть обозначающей «отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим»⁴. По определению Р. О. Якобсона, наклонение «характеризует отношения между сообщаемым фактом и его участниками в связи с участниками факта сообщения»⁵.

Можно определить категорию наклонения как морфологическую категорию глагола, реализующую целевую установку высказывания, намеченную говорящим.

⁴ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 581.

⁵ Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн. «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972, стр. 101.

Разумеется, целевую установку имеют не только глагольные, но и именные предложения, в которых категория наклонения не представлена. Однако целевая установка не нуждается в этом случае в специальной фиксации, так как она всегда неизменна и состоит в передаче определенной информации реципиенту. Глагольное же предложение, которому язык обязан своим существованием, может продуцироваться в разных целях — по крайней мере в двух: 1) информировать собеседника о каком-то факте, 2) побудить собеседника (или какое-то иное лицо) к действию⁶. В том и другом случае мы не выделяем особо вопрос, посредством которого говорящий спрашивает у собеседника информацию или указания на необходимость осуществления каких-то действий («Мне идти или остаться?»).

Любой язык, являющийся языком в узком, собственном смысле этого слова, располагает, таким образом, по крайней мере, двумя наклонениями: повелительным и изъявительным. Эти наклонения либо выражаются определенными морфологическими показателями, либо — особенно при их становлении — обозначаются морфологическим нулем; решает здесь не морфология, а семасиология, наличие или отсутствие соответствующих понятийных категорий.

В последние годы появилось несколько работ, авторы которых предлагают вывести императив за рамки категории наклонения⁷. Аргументация в пользу этого взгляда сводится к двум моментам.

Во-первых, подчеркивают, что грамматическая структура побудительных предложений специфична, что императивная парадигма «имеет иной формальный статус сравнительно с индикативной, в которую входят все остальные наклонения»⁸. Однако наклонения, по-видимому, и не должны иметь «один и тот же» формальный статус. Постановка такого условия вряд ли правомерна.

Указывают, во-вторых, на «глубокое, принципиальное различие между высказываниями, содержащими какую-то информацию о действительности для кого-то... и высказываниями неинформативными, в которых говорящий проявляет свою волю, лишь апеллирует к кому-то»⁹. Принципиальное различие, несомненно, существует, однако категория наклонения как раз и призвана выявить многообразные различия в целевых установках высказываний разного типа. Если императив — не наклонение, то что же?

По мнению Р. Пазухина, «императив представляет собой гибридную форму глагола и междометия» и поэтому должен быть отнесен к разряду вербоидов (наряду с отглагольными существительными, прилагательными, герундиями и т. п.)¹⁰. Однако «гибридный» характер императива не может быть доказан тем фактом, что отдельные междометия имеют императивное значение (Nah! 'Ha!' и т. п.). Подавляющая часть глаголов в форме императива не имеет ничего обще-

⁶ Несколько особняком стоит эмотивная функция языка (см.: Д. А. Штелинг. Целе-направленность речи и категории наклонения. — «Русский язык за рубежом», 1973, № 3, стр. 64), которая получает выражение за счет междометий, а также интонационных средств, хотя может найти отражение и в системе наклонений того или иного языка.

⁷ См.: Д. А. Штелинг. Указ. раб.; Р. Пазухин. Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма. — «Studia Rossica Posnaniensia», zeszyt 5, Poznan, 1973; А. П. Володин, В. С. Храковский. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение). — В кн. «Проблемы лингвистической типологии и структуры языка». Л., 1977; *их же*. Особенности строения императивной парадигмы в сопоставлении с индикативной. — «Советская тюркология», 1978, № 6.

⁸ А. П. Володин, В. С. Храковский. Об основаниях выделения грамматических категорий, стр. 52; см. также стр. 43 — 44.

⁹ Д. А. Штелинг. Указ. раб., стр. 66.

¹⁰ Р. Пазухин. Указ. раб., стр. 90.

го с междометием как частью речи. С другой стороны, различие между императивом и вербойдами является гораздо более принципиальным, нежели различие между такими сказуемостными формами, как изъявительное наклонение и императив.

А. П. Володин и В. С. Храковский предлагают истолкование категорий времени и наклонения как единой грамматической категории. При этой трактовке наклонение выражает точку зрения говорящего на реальность/нереальность сообщаемого факта, причем формы времени как раз и являются формами реального (изъявительного) наклонения¹¹.

Однако, как говорилось выше, есть основания полагать, что первой понятийной категорией глагола явилась именно категория наклонения, нашедшая выражение в виде двух сопряженных значений — императивного и индикативного. Что же касается понятийной категории времени, то она появляется не одновременно с возникновением индикативного значения, а на более позднем этапе развития языка, когда потребовалось отграничить действие, завершенное к моменту речи (= прошедшее время), от действия, в момент речи еще продолжающегося (= настоящее время). Таким образом, «основной функцией изъявительного наклонения является **сообщение** о совершении действия, и передача им временных, видовых, модальных и т. п. значений в принципе является факультативной»¹².

Категория времени, которая «характеризует обозначаемый факт по отношению к факту сообщения»¹³, обычно выявляется в изъявительном наклонении, то есть в одном из подклассов класса финитных форм. Впрочем, те же самые или примерно те же временные значения могут получать формы, относящиеся к другому функциональному классу глагола, например, причастия, имена действия и т. д. В этом смысле категория времени «шире категории наклонения»¹⁴. Если, однако, учесть, что первым и основным классом глагола является финитный глагол¹⁵ и что категория времени применительно к другому классу не имеет никакой самостоятельной значимости, а лишь с той или иной степенью полноты отражает соответствующие значения первого класса, то легко понять, почему, говоря о категории времени, всегда имеют в виду главным образом определенные формы первого подкласса функционального класса **A**, иначе говоря — формы изъявительного наклонения и значения, присущие именно этим формам.

В современном турецком языке первый подкласс функционального класса **A** (то есть финитного глагола) складывается из: 1) группы настоящих времен — аорист (*-ir*), настоящее I (*-iyor*), настоящее длительное (*-makta*); 2) группы будущих времен — аорист и будущее предопределенное (*-acak*); 3) группы прошедших времен, включающей две простые формы [простое прошедшее *-di* и прошедшее абсентивное (неочевидное) *-miş*] и шесть сложных: *-irdi*, *-iyordu*, *-maktaydı*, *-diydi*, *-mişti*, *-acaktı*.

¹¹ См.: А. П. Володин, В. С. Храковский. Об основаниях выделения грамматических категорий. стр. 50.

¹² П. И. Кузнецов. Категория вида в турецком языке (видовые аспекты). — «Иностранные языки». Сб. № 2. М., 1966, стр. 215.

¹³ Р. О. Якобсон. Указ. раб., стр. 100. Термин «время» употребляется по меньшей мере в трех значениях: 1) время как понятийная категория, обозначаемая еще термином «темпоральность» (см.: А. В. Бондарко. Об относительном и абсолютном употреблении времен в русском языке. — «Вопросы языкознания», 1965, № 6, стр. 44), 2) время как логико-грамматическое понятие (в этом случае, с учетом таксиса, можно говорить о пяти-шести временах), 3) время как один из компонентов соответствующей морфологической категории, характеризуемый определенным аффиксом.

¹⁴ А. А. Коклянова. Категория времени в современном узбекском языке. М., 1963, стр. 8.

¹⁵ И. И. Мещанинов. Глагол. М.—Л., 1949, стр. 7.

Простые формы и первые три из числа сложных (неопределенный и определенный имперфекты, а также прошедшее длительное) представляют собой группу собственно прошедших времен; две следующие формы могут быть названы давнопрошедшим и преждепрошедшим временами, последняя форма (*-acaklı*) — будущим-прошедшим.

Ошибочны параллели, проводимые нередко между системой индикатива и структурой именного сказуемого, по типу: *doktorum* 'я доктор' — *aliyorum* 'я беру' (букв. 'я беруший'), *doktorum* 'я был доктором' — *aliyordum* 'я брал' (букв. 'я был беруший'), *odam* 'моя комната' — *aldım* 'я взял' (букв. 'мое взятие'), *odamdı* 'это была моя комната' — *aldımdı* 'я (раньше) брал' (букв. 'мое взятие было') и т. п.¹⁶ Правда, глагол *i* 'быть' в форме *i-di* употребляется для образования как прошедшего имперфектного времени именного сказуемого («был»), так и сложных форм прошедшего времени индикатива. Однако, как мы стремились показать в нескольких работах¹⁷, основа времени (любого) не является причастием (например, форма на *-iyor* вообще «никогда не употреблялась как причастие»¹⁸), а формы типа *aldım* 'я взял/брал', *alsa-tım* 'если бы я взял/брал' не содержат в своем составе аффикса принадлежности.

В турецком языке нет «тотальной» категории вида, которая пронизывала бы всю систему глагола, как это имеет место в русском языке. Нет здесь также совершенного и несовершенного видов. Тем не менее, различия между настоящими, а также собственно прошедшими временами носят, несомненно, видовой, а не временной (темпоральной) характер. Соответственно в системе турецкого индикатива должны быть выделены два видовых разряда, в один из которых войдут формы незавершенного вида (*-ırdı, -ıyordu, -maktaydı, -acaklı*, не считая настоящих времен), а в другой — формы завершенного вида [*-dı, -nuş(tır), -dıydı, -mıştı*]¹⁹.

К системе индикатива принадлежит в турецком языке несколько форм, которые можно назвать периферийными (*-mak üzere* и *-mak üzereydı, -maz mı, -masın mı*), а также те описательные формы, которые, как правильно указывал Ж. Дени, «являются настоящими формами спряжения, хотя и вторичного, но позволяющего оттенить существенные нюансы, тогда как другие принимают на себя эту роль лишь частично»²⁰. К описательным формам первого типа должны быть отнесены в турецком языке такие, как: *-mis olur* и *-mis olacak* (прошедшее в будущем), *-miş oldu, -miş bulundu, -acak oldu* и *-ır (-maz) oldu*. Поскольку глагол *olmak* имеет несколько функций, включая субститутивную, когда он употребляется в значении глагола *i* 'быть', некоторые описательные формы являются соответственно многозначными, чего не учитывал автор монографий о перифрастических формах турецкого глагола М. С. Михайлов²¹.

¹⁶ См., в частности: К. М. Любимов. Система грамматических времен в современном турецком языке. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 45—50, 52—58.

¹⁷ См., например: П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках. — «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960.

¹⁸ J. Deny. Grammaire de la langue turque. Paris, 1921, стр. 504.

¹⁹ Подробнее об этом см.: П. И. Кузнецов. Категория вида в турецком языке... — «Иностранные языки». Сб. № 2 и № 4. М., 1966 и 1968; *его же*. Аспект и акционал в турецком языке. — «Советская тюркология», 1975, № 3.

²⁰ J. Deny. Указ. раб., стр. 382—383.

²¹ М. С. Михайлов. Перифрастические формы и категория вида в турецком глаголе. М., 1954; *его же*. Исследования по грамматике турецкого языка. Перифрастические формы турецкого глагола. М., 1965. Критический обзор первой работы см.: П. И. Кузнецов. К вопросу о перифрастических формах турецкого языка. — «Краткие сообщения Института востоковедения», XVIII. М., 1956.

Определенный интерес представляет переносное употребление форм настоящего времени (в качестве *praesens historicum*), на что впервые указал К. Шлоттман²² и что в недавнее время детально описал Л. Йохансон²³.

Меньшее внимание уделялось в туркологической литературе стилистическому приему, характерному для языка художественной прозы — так называемой пересказанной речи²⁴, когда читатель мысленно переносится вместе с персонажем в ориентационный пункт № 2, то есть в описываемый момент прошлого, из которого и оценивается ситуация. В турецком языке пересказанная речь передается сложными формами изъявительного и побудительного наклонений — *acaktı, -iyordu, -mıştı, -sındı* и т. д., например:

Cevap vermek değil, bakmıyordı bile.. Göreceklerdi, Arslan Tomson olduğu zaman hepsi görecekti! (О. Kemal. Suçlu. İstanbul, 1957, стр. 110)

Не то чтобы ответить — он даже и не смотрел. Они (еще) увидят! Когда он станет непобедимым Томсоном, все увидят!.

Исследователи подчас не фиксируют внимания на этом явлении, что ведет к ошибкам. Например, предложение *Oğlunu seviyorsa versindi bir taksi parası* (О. Kemal. Suçlu, стр. 80) означает: «Если она любит ее сына, пусть дает деньги на (покупку) такси», а не: «Если любишь своего сына, то ведь дашь (ему) деньги на такси!» (так называемое **обобщительно-разрешительно-позволительное значение**)²⁵.

Изъявительное наклонение располагает двумя модальностями. Известно, что термин «модальность» многозначен. В данном случае речь идет не о понятийной категории, обозначающей отношение говорящего к содержанию высказывания, и не о понятийно-грамматической категории, объединяющей лишь те модальные значения, которые находят определенное отражение в грамматической системе данного языка, как, например, значение неочевидности (абсентивности) для турецкого языка и других тюркских языков. (Отметим, что эти значения не могут быть строго систематизированы, не образуют «закрытой» системы, чем и отличаются, в частности, от временных значений). Модальность как **морфологическая** категория выражается определенными морфемами, находящимися в подчиненном положении по отношению к показателю более высокого достоинства — соответствующего наклонения или времени. Например, в словоформе *alıyormuş* 'он, говорят (оказывался)', берет или брал' аффикс *-ıyor* указывает на индикативный характер данного формосочетания, тогда как вторая морфема (*-mış < i-miş*) лишь дополняет индикативное значение словоформы модальным значением абсентивности²⁶, неочевидности («говорят», «оказывается»).

Точно такую же структуру имеет словоформа *alıyorsa* 'если он берет (брал)', однако можно ли аффикс *-sa (< i-se)* называть показателем «условной модальности», как это принято в туркологической литерату-

²² K. Schlottmann. Ueber die Bedeutungen der türkischen Verbalformen. — «Zeitschrift der deutschen morgenländischen - Gesellschaft (ZDMG), t. XI, Leipzig, 1857, стр. 8—9.

²³ L. Johanson. Aspekt im Türkischen. Uppsala, 1971, стр. 80, 144 и сл.

²⁴ См.: К. А. Ганшина. Анализ иностранного текста как условие его понимания. — «Теория и методика учебного перевода». М., 1950, см. также: П. И. Кузнецов. Условный период турецкого языка. Автореф. канд. дисс. М., 1950, стр. 8; его же. Курс общего перевода. Турецкий язык. М., 1973, стр. 556; Л. Н. Старостов. О некоторых, не зафиксированных в грамматиках значениях турецких глагольных форм повелительно-желательного наклонения. — «Восточная филология. Характеристические исследования». М., 1971, стр. 115 и сл.

²⁵ См.: А. Н. Кононов. Заметки по морфологии турецкого языка. — «Советская туркология», 1980, № 2, стр. 18.

²⁶ Термин Б. А. Серебrenникова.

ре на русском языке?²⁷ Если это модальность, то какого наклонения? Вероятно, изъявительного? Однако словоформу, имеющую условное значение («если...»), никак нельзя отнести к изъявительному наклонению. Ориентация на формальные признаки в ущерб семантическим ведет к ошибочным построениям²⁸. Поэтому приемлема позиция Н. Н. Джанашиа, предлагающего для обозначения словоформ типа *alıyorsa* термин «условное наклонение—2»²⁹; возможен также термин «реально-условное наклонение»³⁰. С другой стороны, утвердительно-предположительная модальность, или модальность на *-dir*, как и абсентивная модальность, несет именно модальное значение, дополняющее индикативное значение предшествующего грамматического элемента, и не образует поэтому особого наклонения, как считает Н. Н. Джанашиа³¹, а для модальности на *(i)miş* едва ли целесообразно вводить новое понятие «акта» («очный акт», «заочный акт»)³².

Перейдем к косвенным наклонениям, составляющим **второй подкласс класса А**, употребление которых указывает на то, что целевой установкой высказывания не является сообщение. Вопрос о числе косвенных наклонений в турецкой грамматике окончательно не решен. Большинство исследователей, основываясь на критерии формы, говорит о четырех косвенных наклонениях: повелительном, желательном, условном и долженствовательном. Н. А. Баскаков, решая вопрос в общетюркологическом плане, выделяет, помимо изъявительного, общее повелительно-желательно-условное наклонение (что приблизительно соответствует нашему второму подклассу), в котором различает три группы форм: а) повелительно-побудительную, б) желательную и в) условную³³.

Не отказываясь от термина «условное наклонение», мы рассматриваем это наклонение отдельно от других, являющихся в полном смысле этого слова **финитными** формами, то есть формами главного сказуемого, тогда как условное наклонение представляет собой **срединную** (инфинитную) форму, то есть сказуемое **придаточного предложения**.

Без учета условного наклонения представляется целесообразным на основе формального и особенно семантического критерия выделить три косвенных наклонения: 1) **долженствовательное**, 2) **волюнтаривное** (повелительно-побудительное) и 3) **дезидеративное** (или **дезидеративно-эмотивное**).

Долженствовательное наклонение (дебитив) ближе других стоит к прямому (изъявительному) наклонению — не случайно авторы грамматик почти до конца XIX века называли форму *-malı* одним из времен

²⁷ См., например: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 249. Термин «модальность» введен В. А. Гордлевским в его «Грамматике турецкого языка» (М., 1928, стр. 96—97).

²⁸ Крайностей, правда, удается избежать. Например, применительно к структурно аналогичным формам типа *alırdı* (< *alıg i-di*) 'он брал' или *alırkən* (< *alıg i-ken*) 'когда он берет/брал' термин «модальность» не употребляется.

²⁹ Н. Н. Джанашиа. Исследование по морфологии турецкого глагола. Докт. дисс. Тбилиси, 1969, стр. 197 и сл.

³⁰ П. И. Кузнецов. Условный период турецкого языка, стр. 4.

³¹ Н. Н. Джанашиа. Указ. раб., стр. 213 и сл.

³² Там же, стр. 137 и сл.

³³ См.: Н. А. Баскаков. Категории наклонения и времени в тюркских языках. — «Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках». Баку, 1968, стр. 13; *его же*. О категориях наклонения и времени в тюркских языках. — «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 77. Ср.: М. Т. Агламова. Способы выражения повелительности и желательности в тюркских языках. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1966, стр. 8. (Формы на *-sa* рассматриваются все же как формы условного наклонения).

индикатива³⁴ («необходимое будущее» или «будущее необходимости»). Действительно, форма *-mali* сообщает о том, что должно быть сделано, хотя, впрочем, и не констатирует того, что названное действие будет реализовано. Поэтому Дж. Редгауз был, по-видимому, прав, когда впервые вынес форму *-mali* за пределы индикатива, назвав ее должноствовательным наклонением (*le nécessaire*³⁵).

Должноствовательное наклонение имеет нулевую форму времени, называемую формой настоящего времени, и форму прошедшего времени (*-mali+idi*). Последняя не вносит каких-либо новых оттенков в содержание наклонения, но лишь переносит его в плоскость прошлого. Приведем пример:

Hadi geldin, bir tıraş oımalı değil mi idin ele güne karşı? (H. Taner. Artırma)

‘Ну ладно, ты пришел; так разве не следовало (тебе) хоть побриться, идя на люди?’

(Отрицательно-вопросительная форма этого наклонения образуется посредством отрицательного слова *değil* ‘не’ в сочетании с вопросительной частицей).

Одной из важных особенностей дебитива, отмеченной впервые Егличкой³⁶, является употребление формы третьего лица единственного числа в неопределенно-личных предложениях, то есть в значении: «нужно (надо)» + инфинитив. Пример:

— ...Çocuklarımiza değil kadınlara da yasak etmeli ipek çorabı (A. Nesin. Okul-aile birliği)

‘— ...Не только нашим девочкам, но и женщинам надо запретить (носить) шелковые чулки’.

Волюнтаривное (повелительно-побудительное) наклонение характеризуется общей идеей волеизъявления, побуждения к какой-то деятельности. Однако эта идея проявляет себя в многообразных оттенках — от «категорического императива» (форма второго лица единственного числа) до самопобуждения: *gideyim* ‘пойду(-ка)’. Волюнтарив не системен, он не имеет единого морфологического стержня, что не препятствует, тем не менее, выделению этой единицы в числе других наклонений турецкого глагола на основании признака «наибольшей адекватности».

Волюнтарив подразделяется на два суб-наклонения: а) **повелительное**, к которому мы относим лишь формы второго лица единственного и множественного чисел, и б) **побудительное**, состоящее из употребительных («центральных») форм первого (*-ayım, -alım*) и третьего (*-sin, -sinlar*) лиц, а также редких в современном языке («маргинальных») форм так называемого желательного наклонения: *-a, -a-sın, -a-sınız*.

В повелительном суб-наклонении выделяются два типа: 1) **главное суб-наклонение**, имеющее две формы: нулевую и форму множественного числа *-in(iz)*, и 2) **побочное суб-наклонение**, также имеющее формы двух чисел: *-sana* и *-sanıza*. Форму *-sana* впервые упоминает (в разделе «Императив») А. Вармунд³⁷. Другие авторы впоследствии нередко рассматривали ее в разделах «Условное наклонение» (Бонелли; Кононов, 1941) и «Междометие» (Дени).

³⁴ См.: L. Fink. Grammatik, Phrasensammlung und Wörterbuch der türkischen Sprache. Leipzig, 1879, стр. 48; R. Youssouf. Grammaire complete de la langue ottomane. Constantinople, 1892, стр. 175.

³⁵ См.: J. Redhouse. Grammaire raisonnée de la langue ottomane. Paris, 1846, стр. 73—74, 80.

³⁶ H. Jehlitschka. Türkische Konversations-Grammatik. Heidelberg, 1895, стр. 171.

³⁷ A. Wahrmond. Praktisches Handbuch der osmanisch-türkischen Sprache. Giessen, 1898, стр. 163.

Общими морфолого-синтаксическими признаками обоих типов повелительного суб-наклонения являются: отсутствие вопросительной формы (если не считать случаев переспроса) и форм прошедшего времени, а также неупотребительность составляющих данное суб-наклонение единиц в качестве вторичного предиката, например, в конструкции с союзом *ki* 'чтобы'.

Формы побудительного суб-наклонения, наоборот, широко употребительны в вопросительной форме³⁸, а также в сочетании с вопросительными словами. Они же употребляются и в форме прошедшего времени, правда, теряя при этом, как правило, смысловые признаки волюнтаративного наклонения. (Формы типа *-aydım, -aydın, -aydı* и т. д. мы относим к деизидеративно-эмотивному наклонению — см. ниже).

Все единицы побудительного суб-наклонения часто попадают в позицию вторичного предиката, например, в конструкции с союзом *ki*, причем фиксируется сослагательное или сослагательно-желательное значения («хочу, чтобы...», «не думаю, чтобы...» и т. п.). Ср.:

...fakat zannetmem seni Fransaya göndersinler (H. Edip. Handan. Ist., 1938, стр. 21)

...но не думаю, чтобы тебя послали («пусть пошлют») во Францию'.

Деизидеративное (деизидеративно-эмотивное) наклонение частью своих значений, да и морфологически, несомненно перекликается с волюнтаративным — особенно с «желательными» формами *-ayım, -asın, -a* и др. Все же лейтмотив этих последних форм — побуждение к действию, тогда как деизидеративное наклонение более всего выражает достаточно абстрактное желание говорящего и сопутствующие ему эмоции (ср. «пришел бы он!», «видел бы ты...!» и т. п.). Его можно было бы назвать «желательным» наклонением, но этот термин уже использован, и во избежание путаницы мы применяем его только в чисто морфологическом значении.

Деизидеративное наклонение имеет три показателя: *-sa, -saydı* и *-aydı*. Сложные формы с аффиксом *(i-)di* принято (по морфологическому признаку) называть формами прошедшего времени, хотя в данном случае они обозначают скорее ирреальность действия. Две первые формы считаются формами условного наклонения (морфологически: настоящее и прошедшее время), однако турецкие лингвисты это наклонение называют более точно: *dilek-şart kipi* («желательно-условное наклонение»).

На наш взгляд, необходимо расчленить указанное наклонение на два. «Желательное» (деизидеративное) значение показателей *-sa* и *-saydı* является, по-видимому, исходным и присуще сказуемому главного предложения. Слияние в один период двух ранее независимых предложений трансформировало желательное значение в условное (в сочетании с оттенками желательности или нереальности). Условное наклонение — это форма сказуемого придаточного предложения (протазиса), тогда как нас в данном случае интересуют только формы главного сказуемого, то есть формы *verbum finitum*.

Впервые и весьма подробно охарактеризовал значения наклонения, названного нами деизидеративным, К. Шлоттман³⁹. Формы *-saydı* и *-aydı* употребляются в том случае, если желание (*Wunsch*) является напрасным, тщетным. (По мнению автора, наиболее «бесперспективное» желание передается формой *-saydı*). Употреблением формы *-sa* выражается желание, на исполнение которого никто не надеется.

³⁸ Впервые такие формосочетания упомянуты М. Вигье (M. Viguer. *Eléments de la langue turque*. Constantinople, 1790, стр. 239); подробнее об этом см.: J. Deny. Указ. раб., стр. 415.

³⁹ См.: K. Schlottmann. Указ. раб., стр. 41—43.

Последнее не совсем точно. Форма настоящего времени (-sa) действительно обозначает желание абстрактное (в разной степени), однако в некоторых случаях оно может быть реализовано и реализуется. Ср. два примера:

Sokaklarda izmarit toplarken bir rejisörle **karşılaşsa**. Rejisör, çevireceği dünya ölçüsü **film için fevkalâde bir jön aramakta olsa**. Adam **sârılrsa** boynuna çılgın gibi. «Buldum!» **dese** (O. Kemal. Delikanlı)

‘Подбирая на улице окурки, **встретился бы он** с режиссером. А тот как раз **искал бы** для киношедевра, который он собирается снимать, великолепного первого любовника. И он, как полоумный, **бросился бы** ему на шею и **закричал**: «Нашел!»’;

Kız...: — Ben de şuracıkta **otursam**, seni **dinlesem**, diye yalvardı (H. Adivar. Sinekli Bakkal. İst., 1943, стр. 163)

‘Взвочка ... взмолилась: — (Можно) и я **сяду тут** и **послушаю** тебя?’.

Ж. Дени впервые обратил внимание на то, что формы (настоящего времени) дезидеративного («условного») наклонения могут употребляться в вопросительных предложениях и передают в этом случае оттенки колебания, неуверенности (в выборе действия)⁴⁰. Пример:

...ne yapacağını bilmiyordu. Eve **girse mi girmese mi?** (O. Kemal. Suçlu, стр. 103)

‘... он не знал, что делать. **Войти** в дом или **не входить?**’.

Форма -*saydı* употребляется в аналогичном значении лишь при передаче пересказанной речи.

— ...anlat bana, dedi. **Anlatrsa mıydı acaba?** (O. Kemal. Kanlı topraklar. İst., 1963, стр. 117)

‘— ...расскажи мне, — сказала она. Может, (правда) **рассказать?** (— думал он)’.

Наиболее часто форма -*saydı*, как и -*aydı*, обозначает абстрактное, абсолютно нереализуемое желание:

Keşke hiç selâm **vermeseydiniz**, keşke görmemezliğe **gelseydiniz** (M. S. Teselliler)

‘Уж лучше бы вы вовсе **не здоровались**, лучше бы **сделали вид**, что не заметили (меня)!’;

— Balıkhanedeki çocukları bir **göreydin** (gaz.)

‘— **Видел бы ты** ребят с рыбного склада!’.

КЛАСС Б: ИНФИНИТНЫЙ ГЛАГОЛ

Функциональные формы класса **Б** делятся на четыре подкласса: 1) предикативные формы, то есть формы инфинитного (зависимого) сказуемого (А. условное наклонение; Б. имена действия); 2) адвербиальные формы (деепричастия); 3) адъективные формы (причастия); 4) субстантивные формы (А. про-причастия; Б. глагольные имена).

Инфинитные функциональные формы не обладают какими-либо понятийно-грамматическими категориями, неизвестными в классе финитных форм. Да и эти категории (например, времени, вида) играют здесь менее заметную роль и по существу передают в ослабленном виде значения и оттенки значений, присущие финитным, особенно индикативным формам. Этим еще раз подчеркивается ведущее место *verbum finitum* в системе функциональных форм и зависимая, подчиненная роль инфинитных образований.

⁴⁰ J. Deny. Указ. раб., стр. 419.

Условное наклонение — единственное наклонение, образующее форму срединного (инфинитного) сказуемого — подразделяется, как уже отмечалось выше, на два суб-наклонения: условное наклонение—1 и условное наклонение—2. Аффикс *-sa*, характеризующий условное наклонение—1, является основным показателем условного наклонения в целом. Форма *-sa* объединяет два смысловых компонента: 1) деизидеративный (исторически исходный) и 2) условный: *alsam* '(о), если бы я взял', 'возьми я'⁴¹.

Соединение «полуаффикса» *-(y)sa* (<*i-se*), являющегося показателем «чистой» условности («если»), с предшествующим аффиксом, обозначающим основу какого-либо времени⁴², приводит к образованию реальных условных форм [в отличие от предположительных (потенциальных) или ирреальных, образуемых аффиксами *-sa*, *-saydı* и *-aydı*], например: *al-ig-sa* 'если он возьмет/будет брать', *al-di-ysa* 'если он взял/брал' и т. п.

Имена действия — специфические функциональные формы, подобных которым нет ни в индоевропейских, ни в каких-либо иных языках. Объясняется это тем, что в индоевропейских и других языках сказуемое главного и придаточного предложений представляет собой одну и ту же морфологическую форму (*verbum finitum*). Нельзя, однако, утверждать, что между этими сказуемыми нет никаких семантических различий. Уже то обстоятельство, что главное сказуемое характеризуется абсолютной независимостью (от чего бы то ни было), тогда как подчиненная роль побочного сказуемого подчеркивается неизбежной его отнесенностью к какому-либо строевому слову, типа союза [ср. «когда... пришел (приду)», «чтобы... пришел...» и т. п.], показывает, что приравнивать *verbum finitum* в главном предложении к *verbum finitum* в придаточном предложении, по-видимому, не следует. Не исключено, что существуют языки, в которых содержательное различие между двумя типами сказуемых находит и чисто морфологическую манифестацию. Именно этот случай и имеет место в тюркских языках. Имена действия — не что иное, как специфическая морфологическая форма сказуемого придаточного предложения. Особенность функциональной формы этого типа состоит в том, что она имеет чисто именную окраску (обладает всеми морфологическими свойствами имени), оставаясь при этом чисто глагольной, сказуемостной формой, обозначающей «само действие»⁴³. Объяснение этого феномена возможно лишь в исследовании диахронического плана⁴⁴.

Следует подчеркнуть, что «имена действия» (не в традиционном понимании этого термина!) ни в коем случае не должны смешиваться с «глагольными именами»⁴⁵ (типа инфинитива *-mak*, усеченного инфинитива *-ta*, имени на *-iş* и некоторых других), обозначающими не «само действие», а лишь наименование действия, в связи с чем они не могут, как правило, занимать предикативную позицию.

⁴¹ Подробнее см. П. И. Кузнецов. Условное наклонение в турецком языке. — В сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию». М., 1953, стр. 155 и сл.

⁴² Почти все авторы грамматик добавляют: «... и долженствовательного наклонения» (см., например: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 249), однако ни одного документированного примера такого формосочетания пока не приведено; см. об этом: П. И. Кузнецов. Условный период турецкого языка. Канд. дис. М., 1950, стр. 193.

⁴³ С. А. Соколов. О некоторых отглагольных именах в турецком языке. Автореф. канд. дисс. М., 1952, стр. 15; *его же*. Анализ значений и употребления отглагольных имен на *-dik* и на *-ta* в сравнительном плане. — «Труды Военного института иностранных языков», № 6. М., 1954, стр. 71.

⁴⁴ См. П. И. Кузнецов. К обоснованию теории вербальности тюркского предложения. — «Советская тюркология», 1980, №№ 3 и 4.

⁴⁵ Об этих терминах см. еще: П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках, стр. 67, сн. 59.

В морфологическом отношении имена действия обладают теми свойствами, которые могут быть присущи глаголу-сказуемому в сочетании с каким-либо «строевым» элементом — они чаще всего присоединяют к себе личные аффиксы особого типа, омонимичные аффиксам принадлежности, и так называемые «аффиксы включения» (термин В. М. Насилова⁴⁶), то есть падежные аффиксы, или послелого, уточняющие характер зависимости придаточного предложения (или «квази-предложения») от главного. Например:

Babam bu köye yerleştiğinde on beş yaşında vardım (S. Ali. Çirkince).
'Когда мой отец поселился в этой деревне, мне было пятнадцать лет'.

[Yerleştiğinde — форма сказуемого придаточного временного (квази-) предложения].

Аффикс множественного числа *-lar* может присоединяться к именам действия лишь в третьем лице множественного числа, то есть так же, как и в формах *verbum finitum*. Ср.:

Köylüler bu lâftan pek bir şey çıkaramadıkları için tercüman açıklamak zorunda kaldı (A. Nesin. Tekme yumruk)

'Поскольку крестьяне из этих слов не многое смогли понять, переводчику пришлось пояснить'.

[Çıkaramadıkları в сочетании с послелогом *için* — форма сказуемого придаточного причинного (квази-) предложения].

Второй подкласс функционального класса Б составляют **адвербиальные формы глагола (деепричастия)**. Правда, как не без оснований подчеркивает А. А. Юлдашев, обстоятельственное (адвербиальное) значение нередко является лишь сопутствующим значением деепричастия⁴⁷, а некоторые типы деепричастий (например, с показателем *-ır*) по существу вообще лишены этого значения. Тем не менее большая часть деепричастий может быть все же отнесена к числу явно адвербиальных форм глагола.

Важной особенностью тюркских деепричастий является, как известно, их способность иметь свое особое подлежащее, отличное от подлежащего главной части предложения, что в турецкой грамматике впервые было отмечено, по-видимому, А. Мюллером⁴⁸. Исследователи, как правило, усматривают наличие субъектно-предикативной оси между главными членами таких «субъектных» конструкций. В данном случае можно принять рекомендации С. А. Соколова, применяющего по отношению к таким конструкциям термин «придаточные квази-предложения»⁴⁹, чем подчеркивается их предикативный характер, а, с другой стороны, наличие у них определенных формальных особенностей (таких, как специфическая форма сказуемого), побуждающих отграничить их от некоторых других типов придаточных предложений.

Туркологи-грамматисты обычно выделяют десять деепричастий и значительное количество форм (формосочетаний) деепричастного значения. В последнем случае речь идет о морфологических формах по крайней мере двух слов — глагола и какого-то примыкающего к

⁴⁶ См.: В. М. Насилов. Аффиксы включения. — В сб. «Вопросы языка и литературы стран Востока». М., 1958.

⁴⁷ См.: А. А. Юлдашев. Деепричастие на *-п* в башкирском языке. — «Тюркологические исследования». М., 1976, стр. 251; *его же*. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977, стр. 7 и сл.

⁴⁸ См.: A. Müller. Türkische Grammatik mit Paradigmen litteratur Chrestomathie und Glossar. Berlin, 1889, стр. 93.

⁴⁹ С. А. Соколов. Исследование по синтаксису сложного предложения в современном турецком литературном языке. Автореф. докт. дисс. М., 1974, стр. 33.

нему служебного слова, не утратившего своей самостоятельности (на-пример: *girmeden önce* 'прежде чем войти').

Известны три классификации турецких деепричастий⁵⁰. К. М. Любимов подразделяет деепричастные формы на деепричастия предшествования (*-ip, -ınca, -alı*) и деепричастия одновременности (*-arak, -ip, -a, -dıkça, -madan*). Однако признаки предшествования и одновременности действия для многих турецких деепричастий не являются релевантными. Поэтому предложенная классификация вряд ли может быть принята.

Удачнее классификация, предлагаемая А. Н. Баскаковым (в принципе с ней совпадает и классификация Н. Н. Джанашиа). В ее основе лежит подразделение всех деепричастий по формальному признаку на: а) первичные (*-ip, -a*) и б) вторичные, а по значению на: а) деепричастия образа действия⁵¹ (*ip*, a, arak, maksızın, madan*, casına*) и б) деепричастия времени [*alı, ınca, incaya kadar*⁵², *dıkça*, (i)ken*], причем «звездочка» указывает на то, что *ip, madan* и *dıkça* могут выступать в обоих качествах. Формы *-casına* и *-(i)ken* автор причисляет к «особым модальным формам, функционально сходным с деепричастиями» (стр. 9). Однако тезис о модальном характере этих форм, особенно *-(i)ken*, трудно обосновать.

Представляется, что по выражаемым значениям десять деепричастий турецкого языка следует разделить не на две, а на три группы: 1) соединительные деепричастия — *ip, (arak)*; 2) деепричастия образа действия — *arak, a, madan*, maksızın, casına*; 3) деепричастия времени — *ınca, (i)ken, dıkça, alı, madan**.

Значение деепричастия на *-ip* правильно определил еще Дж. Редгауз, отметивший, что оно имеет значение глагола, за которым следует союз «и»⁵³. Он же указал, что деепричастие на *-arak* служит тому, чтобы «препятствовать слишком частому повторению первого деепричастия» (то есть *-ip*)⁵⁴. Такое употребление деепричастия на *-arak* представляет собой хотя и не основную, но достаточно важную его функцию, причем эта форма обозначает чаще действие, предшествующее другому действию, нежели происходящее одновременно с ним⁵⁵. Ср.:

Elektriği söndürerek sokağa fırladı ve bir otomobile atlayıp o akşam davetli olduğu eve gitti (M. Feridun. Kalp sustuğu zaman)

Погасив свет, он выскочил на улицу и, **сев** (вскочив) в какой-то автомобиль, поехал в дом, куда был приглашен в тот вечер'.

Основные значения деепричастий образа действия и времени правильно отражены в работах по грамматике турецкого языка, хотя в них и проникли отдельные, подчас существенные, на наш взгляд, ошибки. Нельзя, в частности, согласиться с тем, что деепричастие на *-iken* при одинаковых субъектах характеризует действие «с точки зрения об-

⁵⁰ См.: А. Н. Баскаков. Деепричастие и его синтаксические функции в тюркских языках юго-западной группы. — «Труды Института языка и литературы АН Туркменской ССР», вып. 3. Ашхабад, 1959, стр. 5 и сл.; Н. Н. Джанашиа. Исследование по морфологии турецкого глагола, стр. 218 и сл.; К. М. Любимов. Система деепричастий в современном турецком языке. — «Советская тюркология», 1977, № 4, стр. 36 и сл. Классификации, предлагаемые турецкими грамматистами, неудовлетворительны по той причине, что авторы, как правило, не разграничивают собственно деепричастия и формы деепричастного значения.

⁵¹ У Н. Н. Джанашиа — «деепричастия обстоятельства» (см. указ. раб., стр. 229).

⁵² Эту «форму деепричастного значения», разумеется, не следовало рассматривать вкпе с собственно деепричастиями.

⁵³ J. Redhouse. Указ. раб., стр. 108; см. еще: A. Pfizmaier. Grammaire turque., Vienne, 1847, стр. 339.

⁵⁴ J. Redhouse. Указ. раб., стр. 109.

⁵⁵ Ср.: Н. Н. Джанашиа. Указ. раб., стр. 229; К. М. Любимов. Система деепричастий в современном турецком языке, стр. 42.

стоятельства образа действия»⁵⁶. Приводимые примеры не подтверждают этого вывода. Рассмотрим следующий отрывок: *Gölgeli yoldan eve doğru koştum. Hasanı çağırdım... Koşarken arkamdan geldi.* (Ö. Seyfettin. Kaşığı). Последнее предложение нельзя, конечно, переводить: «Он прибежал следом за мной» (по-турецки было бы: *koşarak arkamdan geldi* или *arkamdan koşup geldi*). Перевод, следовательно, должен быть таким: «По тенистой аллее я побежал к дому. Позвал Хасана... В то время как я бежал (обратно), он (по)следовал за мной».

Третий подкласс функционального класса Б включает **адъективные формы глагола (причастия)**. Система причастий тесно связана в турецком языке (как и вообще в тюркских языках) с системой изъяснительного наклонения, лежащей в ее основе (а не наоборот, как обычно считают). Тем не менее причастия представляют собой в современном языке особый морфологический разряд, в целом независимый от системы времен, и проводимые подчас прямые сопоставления единиц, относящихся к этим двум системам, чаще всего оказываются несостоятельными.

Система причастий в современном турецком языке включает восемь единиц: *an, miş, miş olan, acak, acak olan,makta olan, ır, dık (madık)*. Две последние употребляются редко.

Наиболее употребительно причастие на *-an*, которое К. К. Комидас определил как причастие «презенса, претерита, имперфекта, перфекта, плюсквамперфекта и футурума»⁵⁷.

Сложные (перифрастические) причастные образования впервые выделил Дж. Редгауз. Правда, в их число, наряду с *-miş olan* и *-acak olan* попали и явно искусственные формы *-ar olan, -miş oldık* и т. д.⁵⁸

Г. Егличка распределил причастия по признакам времени и определенности-неопределенности: *-ar, -an* (настоящее), *-miş, miş olan* (прошедшее), *-acak, -acak olan* (будущее)⁵⁹. Эта схема, в которой впервые твердое место заняли описательные формы *-miş olan* и *-acak olan* (со значением определенности), наиболее близка современным представлениям о системе турецких причастий, хотя многие авторы (Хортен, Намет, Дени, Самойлович, Годель, Мёерер, А. Баскаков, Джанашиа) продолжают выводить описательные формы за ее пределы.

Понятие «определенности» применительно к причастиям оставалось не вполне определенным. Поэтому В. А. Гордлевский предпочел иную формулировку, указав, что сложное причастие *-miş olan* оттеняет «момент следствия»: *gelmiş olan* «пришедший (и теперь находящийся там)»⁶⁰.

Х. Джевдет-заде и А. Н. Кононов впервые включили в систему причастий сложную форму *-makta olan*, которая «подчеркивает продолжительность действия»⁶¹. Интересные замечания о системе причастий в целом или об отдельных причастных формах имеются также в работах С. С. Майзеля, Г. Кисслинга, К. М. Любимова⁶² и других грамматистов.

⁵⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 485; см. также: А. Н. Баскаков. Деепричастие и его синтаксические функции..., стр. 23.

⁵⁷ С. С. Comidas. *Primi principi della grammatica turca...* Roma, 1794, стр. 105—110, 596.

⁵⁸ J. Redhouse. Указ. раб., стр. 97, 100, 103.

⁵⁹ Н. Jehlitschka. Указ. раб., стр. 176—180.

⁶⁰ В. А. Гордлевский. Указ. раб., стр. 114—116.

⁶¹ Х. Джевдет-заде, А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого языка. Л., 1934, стр. 254—255.

⁶² См.: С. С. Майзель. Категория дефинитивности в турецком языке. — В сб. «Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетиям». М., 1953; Н. I. Kissling. *Osmatisch-türkische Grammatik*. Wiesbaden, 1960, стр. 174—176; К. М. Любимов. Система причастий в современном турецком языке. — В сб. «Исследования по восточной филологии. К семидесятилетию профессора Г. Д. Санжеева». М., 1974.

Наиболее сложны для оценки в системе причастий формы на *-mış* и *-acak*, казалось бы, сопоставимые с соответствующими формами индикатива. Однако такое сопоставление правомерно только отчасти.

Причастие на *-mış* обозначает прошедшее действие, представляющее собой характерный признак предмета, постоянный (*kızarmış et* 'поджаренное мясо') или временный. Оно в чем-то сходно с прилагательным, ибо отвечает на вопрос *nasıl?* 'какой?':

— Ben... Paris'te bile lokantacılar... Türkçe öğretilmiş bir adamım (Meşhurların nükteleri, İst., 1955, стр. 60)

— Я — человек, даже в Париже **обучавший** турецкому языку владельцев столовых...

Причастие на *-acak* обозначает признак предмета, выражающийся в указании на потенциальную возможность совершения действия («который... бы» и т. п.), реже — в действии, имеющем совершиться в будущем:

Benim elimden **kaçacak** kabadayı göremiyorum (A. Nesin. Sülün Osman pırrr!)

'Я (что-то) не могу узреть (такого) героя, **который сбежал бы**, будучи у меня в руках'.

Другие значения в системе адъективных глагольных форм турецкого языка передаются следующими причастиями: *-acak olan* — будущее, *-an* — настоящее и прошедшее. Для передачи плюсквамперфектного или перфектного значений используется форма *-mış olan*, имперфектного — *-makta olan*. Последняя форма не имеет, таким образом, прямого отношения к выражению «продолжительности действия». Ср.:

Bereket versin ki tam bu sırada oradan **geçmekte olan**⁶³ üçüncü kaptan söze karıştı (Y. K. Karaosmanoğlu. Bir sürgün. İst., 1945, стр. 13)

'К счастью, второй помощник капитана, как раз **проходивший** мимо в это время, вмешался в разговор'.

Ж. Дени в свое время отметил, что такие единицы, как *ır*, *mış* и *acak* «могут выполнять роль то причастия, то есть собственно именной формы, то третьего лица единственного числа простой личной формы... Независимо от двух употреблений, четко дифференцированных... эти формы могут иметь третье, которое мы обозначили выше (§ 601) термином неспрягаемая основа»⁶⁴. Ж. Дени имел при этом в виду употребление названных единиц, а также единицы *ıyog* в сочетаниях типа *bunda **gülecek** ne var?* 'что здесь смешного?', 'над чем здесь смеяться?'; *evimiz **oturulamaz** bir hale gelmiş* 'наш дом пришел в (такое) состояние, (что в нем) нельзя жить' и т. п., когда действительно бывает трудно определить, личные ли это формы глагола, причастия, или какая-то промежуточная категория.

Положение осложняется наличием нескольких синтаксических и морфологических явлений, которые могут смешиваться, таких, как: предикативное причастие (типа: «он чувствовал себя помолодевшим» — так называемая вторая, «полу-предикативная» позиция), бессоюзное подчинение, или асиндетон, наконец, отсечение повторяющихся аффиксов, или *Suffixabwurf*⁶⁵. Так, в предложении *kollarımı **uzatmış** eğil-*

⁶³ Geçmekte olan — «проходивший», а не «все время проходивший» или «долго проходивший»; ср.: М. С. Михайлов. Перифрастические формы и категория вида в турецком глаголе, стр. 50.

⁶⁴ J. Deny. Указ. раб., стр. 504.

⁶⁵ См.: R. Godet. Grammaire turque. Genève, 1945, стр. 158; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка, стр. 514—521; С. А. Соколов. О соотношении «асиндетона» и «бессоюзия». — «Советская тюркология», 1978, № 5, стр. 65; J. Deny. Указ. раб., стр. 445; H. J. Kissling. Указ. раб., стр. 115.

2 «Советская тюркология», № 1.

miş gidiyordum Р. Годель видит предикативное причастие [«я шел пригнувшись (пригнувшийся), вытянув руки»], а Л. Йохансон усматривает *Suffixabwurf* ввиду неосуществимости коммутации *ıyog-du* → *dı*⁶⁶.

Тот факт, что ряд глаголов «управляет» не только неспрягаемыми основами, которые можно принять за причастия, но и спрягаемыми формами, типа *-ıyog* или *-dı*, свидетельствует о том, что в полупредикативной позиции первоначально использовались (да и продолжают использоваться) чисто предикативные единицы, то есть финитные формы, как, например:

Beni gitti biliyorlardı (О. Kemal. Suçlu, стр. 57)

‘Они считали: (что) я ушла’.

(Приведенную фразу можно перевести и «считали меня ушедшей», однако *gitti* — не причастие).

Процесс частичной «партиципации» финитных форм во второй позиции несомненен. Схематически его можно представить себе следующим образом: *yogulmuş (tu)* ‘был утомлен’ *yogulmuş bir halde geldi* досл. ‘пришел в состоянии (когда был) утомлен’ → *yogulmuş geldi* ‘пришел утомлен/утомленный’. Следующая форма (подчеркнута) может быть расценена как «предикативное причастие»:

Kocasını ilk defa böyle yenilmiş gören kadında dehşetle fırladı (О. Kemal. Can sıkıntısı)

‘Женщина, впервые видевшая своего мужа таким **сломленным**, с негодованием вскочила (с места)’.

Четвертый (последний) подкласс функционального класса **Б** образуют **субстантивные формы глагола**, которые мы подразделяем на: **А**. про-причастия и **Б**. глагольные имена.

Термин «про-причастие» ввел Ж. Дени, назвав так формы на *-dik/-acak* с аффиксами принадлежности в определительной конструкции: *yartığım (ev)* ‘сделанный мною (дом)’⁶⁷. Однако в *yartığım (ev)* можно еще видеть чистую глагольность: «(дом), что я (с)делал/делаю»; лишь с отпадением определяемого форма на *-dik* обретает причастное, вернее «про-причастное» значение: *yartığım* ‘(то) что я сделал/делаю’ → ‘(с)деланное/делаемое мной’. Таким образом, в отличие от Ж. Дени, мы называем про-причастиями формы на *-dik/-acak* с объектным значением в синтаксически независимой позиции, то есть в условиях окказиональной субстантивации.

Основным морфологическим свойством про-причастий, отличающим их от омонимичных им имен действия, является их способность свободно присоединять аффикс множественного числа *-lar*, например: *(senin) okuduğun* ‘то, что ты читал/читаешь’, *(senin) okudukların* ‘(все) то, что ты читал/читаешь’, ‘читанные/читаемые тобой (вещи)’. Про-причастия могут иметь перед собой определения аналогично именам существительным:

...ve nihayetle bütün bildiklerimi söylemeğe mecbur etti (R. N. Güntekin. Bir hayırlı işe delâlet)

‘...и в конце-концов вынудил меня рассказать все то («те»), что я знал’.

Про-причастия могут соответствовать не только прямому объекту (объектам), как в приведенном выше (первом) примере, но также косвенному объекту, «обстоятельному объекту» (см. пример второй),

⁶⁶ См.: L. Johanson. Указ. раб., стр. 71.

⁶⁷ J. Denny. Указ. раб., стр. 503—504; см. также стр. 505—506, 1072—1077.

прямому или косвенному (см. пример третий) объекту, взятому в определенной части, выражающейся именем с аффиксом принадлежности.

Bizim çalıştığımız, onun en eski işiydi (A. Nesin. Dalkavukluk istemem)

‘То, где мы работаем, было самым старым его заведением (работой)’;

Bir ses — Vay gidi faziletime kurban olduğum vay (R. N. Güntekin. Fazilet mükâfati)

‘Голос (с места): «Ах, такой-сякой! Как же я обманулся в его благонравии» (досл. «ах, тот, добродетели которого я стал жертвой»)’.

Глагольные имена — это инфинитив (*-mak*), две производные от инфинитива формы (*-ta* и *-maklık*), а также форма на *-ış*.

Инфинитив является функциональной формой глагола, неизменно отмечающейся всеми исследователями грамматики турецкого языка, начиная с первой европейской грамматики И. Мегизера. Инфинитив — наиболее абстрактное наименование действия. В турецком языке инфинитив частично обладает свойствами имени: он склоняется по всем падежам (кроме родительного), но не реализует двух других морфологических признаков имени существительного — не имеет формы множественного числа и не принимает аффиксов принадлежности. В то же время инфинитив и глагольные имена легко могут быть однородными членами предложения. С этой точки зрения приемлемым следует считать предлагаемый некоторыми исследователями термин «имя-инфинитив».

Инфинитив употребляется в любых синтаксических позициях, всегда обозначая лишь абстрактное название действия, но не действие «в собственном смысле слова». Ср.:

Aman Yarabbi! Hiç utanmak kalmamış (S. Ali. İçimizdeki şeytan. Ist., 1939, стр. 34)

‘О, господи! Совсем стыда (досл. стыдиться) не осталось’;

Anladığıma göre sen burada yaşamağı şart koşmuşsun (H. E. Adıvar. Sinekli Bakkal, стр. 201)

‘Насколько я поняла, ты поставила условием жить здесь’.

Анализ значений и функционального употребления «второго инфинитива»⁶⁸ привел исследователей к нескольким ошибочным выводам.

Хотя еще К. К. Комидас отметил, что форма на *-ta* обозначает предположительные действия (один из его примеров: *ben kardaşının İstanbulla gelmesini isterim* ‘я хочу, чтобы твой брат приехал в Стамбул’)⁶⁹, абсолютизация этого утверждения и включение усеченного инфинитива наряду с аористом и некоторыми другими глагольными формами в состав «абстрактного наклонения»⁷⁰ явно лишены оснований.

С. А. Соколов отмечал, что форма на *-ta* употребляется: а) для выражения реального действия; б) для выражения потенциального действия⁷¹. Эта формулировка верно определяет сферу функционального использования данной формы, хотя следует думать, что сами по себе «реальность» и «потенциальность» действия выражаются более всего управляющими усеченным инфинитивом глаголами и общим контек-

⁶⁸ См.: М. Meninski. *Linguarum orientalium turcica... seu grammatica turcica*. Viennae Austriae, 1680, стр. 80. «Усеченным инфинитивом» — verkürzte Infinitiv — впервые назвал форму *-ta*, по-видимому, А. Вармунд (см. А. Wahrmund. Указ. раб., стр. 88).

⁶⁹ См.: С. С. Comidas. Указ. раб., стр. 563, 565.

⁷⁰ См.: К. М. Любимов. Абстрактное наклонение в турецком языке. — «Советская филология», 1973, № 3, стр. 19.

⁷¹ См.: С. А. Соколов. О некоторых отглагольных именах в турецком языке, стр. 12.

стом высказывания; значение же формы на *-ta* всегда одно: обозначение субстантивного наименования соответствующего действия — как в русских именах типа «приход», «уход», «взятие» и т. п., но с большей степенью глагольности, поскольку турецкие глагольные имена (в отличие от отглагольных) обладают всем объемом грамматических признаков нефункциональных форм глагола, включая глагольное (а не именное, как в русском языке) управление.

Применительно к конструкциям, образуемым глагольными именами, следует говорить не о «подлежащем» и «сказуемом» и даже не о «субъекте» и «предикате», а только о действии и его реальном производителе, то есть референт-субъекте или (если глагол имеет форму страдательного залога) референт-объекте. Ср.:

Bizim okuyucular maymun iştahlıdır... İlk zamanlar bir adamın karısını **boğmasına** ilgi duyar. İkinci günü... (A. Nesin. Bir demokrasi kahramanı)

‘Наши читатели привередливы... Первое время они проявляют интерес к тому, что какой-то человек **задушил** (к удушению...) свою жену. Но на второй день...’

Глагольное имя на *-iş* впервые упомянуто М. Маджио⁷², а «распространенный инфинитив», по-видимому, Хольдерманном⁷³. Р. Юсуф, кажется, первый заметил, что глагольное имя на *-iş* «выражает также манеру (действия)»⁷⁴. Одновременно такое же наблюдение сделали и турецкие грамматисты, в частности Тахир Кенан⁷⁵.

Обстоятельному анализу подверг обе единицы С. А. Соколов, отметивший, в частности, высокую продуктивность аффикса *-iş* в современном турецком языке, а также широкие словоизменительные возможности этого глагольного имени⁷⁶. Уточнения требует лишь термин «вторичный предикат», используемый в этой связи автором. По нашему мнению, формами, komponующими «вторичный предикат», являются не глагольные имена, а имена действия, то есть формы на *-dik* и *-acak*. Ср.:

Daha olgunlar için de benim söz **almaklığım** lâzım geldi (Mizah hikâyeleri, 2, İst., 1955, стр. 112)

‘А от имени более пожилых потребовалось, **чтобы я взяла** (мое взятие...) слово’;

Unut o geceyi, beni, benim **alışımı**. Ortada morukla oğlu var (O. Kemal. Suçlu, стр. 172)

‘Забудь о той ночи, обо мне, о **моем взятии** (денег). Есть только хрыч и его сын’.

К числу глагольных имен могут быть также отнесены редко встречающиеся сложные формы *-mışlık* и *-ırlık*, например:

Burada hiç birimizin seni **görmüşlüğü** yok (H. Taner. Artırma)

‘Здесь ни один из нас тебя не видел [досл. ...ничьего **видения** тебя (в прошлом) нет]’.

* * *

Такова система функциональных форм глагола в современном турецком языке. Форма, в конечном счете, выделяется не на знаковом

⁷² См.: М. Maggio. Syntagmation Linguarum orientalium... Liber secundus... Turcicae linguae institutiones. Romae, 1670, стр. 69.

⁷³ См.: (Holdermann). Grammaire turque... Constantinople, 1730, стр. 12.

⁷⁴ R. Youssouf. Указ. раб., стр. 61; см. также: J. Deny. Указ. раб., стр. 459.

⁷⁵ См.: А. Н. Кононов. Система турецкой грамматики в изложении турецких авторов. Канд. дисс. Л., 1939, стр. 110.

⁷⁶ См.: С. А. Соколов. О некоторых отглагольных именах в турецком языке, стр. 20.

уровне, а исходя из анализа содержательного плана языка. Например, такие формы, как *-ir*, *-miş*, *-acak*, *-dik*, и некоторые другие представляют в современном турецком языке сумму омонимов; ср.: форма (Ф.) *ir* = форма (Ф.) *ir*—1 + форма (Ф.) *ir*—2, где (Ф.) *ir*—1 — аорист, а (Ф.) *ir*—2 причастие; Ф. *miş* = ф. *miş*—1 (прошедшее абсентивное) + ф. *miş*—2 (причастие); Ф. *acak* = ф. *acak*—1 (будущее предопределенное) + ф. *acak*—2 (имя действия) + ф. *acak*—3 (причастие) + ф. *acak*—4 (про-причастие); Ф. *dik* = ф. *dik*—1 (имя действия) + ф. *dik*—2 (причастие) + ф. *dik*—3 (про-причастие); Ф. *sa* = ф. *sa*—1 (дезидеративное наклонение) + ф. *sa*—2 (условное наклонение).

Каждая форма («ф.») обладает присущей ей семантикой, определенными морфологическими и синтаксическими особенностями и образует одну из единиц соответствующего морфологического разряда классов А или Б (времен изъявительного наклонения, других наклонений, имен действия, причастий, про-причастий). Только деепричастия и глагольные имена не располагают формами, которые контаминировали бы с теми или иными единицами других функциональных разрядов глагола.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Э. Н. БОЛОНИНА

ТЮРКИЗМЫ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XV — XVI ВЕКОВ

Лексика тюркского происхождения в восточнославянской письменности XV—XVI веков до сих пор еще мало изучена. Исследование этого лексического пласта связано с решением ряда вопросов: выявлением тюркизмов в языках русской, украинской и белорусской народностей XV—XVI веков, их семантической характеристики и особенностей фонетической адаптации, а также установлением наиболее ранней (по возможности) фиксации тюркизмов в памятниках и географии их распространения в говорах.

Значительный пласт образуют тюркизмы, влившиеся в словарный состав русского, украинского и белорусского языков в XV—XVI веках обозначавшие конкретные реалии, относящиеся к жизни и быту восточно-славянского населения (названия видов одежды, обуви, привозных тканей и т. п.).

В настоящей статье мы остановимся на некоторых тюркизмах, встречающихся в памятниках восточнославянской деловой письменности XV—XVI веков и обозначающих одежду.

КАБАТ 'рабочая рубаха, куртка, кофта'. На тюркское происхождение этого слова указывает М. Фасмер: «Несомненно, это слово имеет тот же источник, что и ср.-греч. *χαβαδιον*, *χαβαδις* — то же, которое византийцы считали перс. словом... Но из греч. слова можно объяснить только болг. *кавад*, сербо-хорв. *кавад* 'богатое верхнее платье', а не зап.- и вост.-слав. формы на -б- и -т. Перс. *кабā* 'кафтан', по-видимому, заимств. из араб. Должно быть, существует связь с праkritск. *kavaḥi* 'верхнее платье'¹.

В интересующую нас эпоху слово *кабат* использовалось редко. В памятниках русской деловой письменности XV—XVI веков оно не зафиксировано. Единично встречается лишь в летописях. Так, в «Московском летописном своде конца XV века» данное слово упоминается в следующем тексте: «А того Немчина пушесника, похвальшегося на святого Николу, самого расторгну и размета не видите гдЕ, яко ничто не обрЕтесе его, ни тЕла, ни кости, точию полъ *кабата* его остася»². Зафиксировано оно и в «Никоновской летописи под 1428 год»: «Немчина, мастера пушочнаго расторгну и размета невидимо гдЕ, яко ничто же обретесь его

¹ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967, стр. 150.

² «Московский летописный свод конца XV века». — ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 248.

Заглавным Е здесь и далее заменено ять (Прим. ред.).

нигде же никогда же, ни тела, ни кости, точию пол-кабата его остася»³. В данных примерах семантическое наполнение слова с трудом поддается определению, так как контекст не дает для этого достаточного материала.

В последующий период, в XVI—XVII веках, слово *кабат* уже вошло в живой язык, о чем свидетельствует, например, работа П. Савваитова: «*Кабатъ* царя Михаила Феодоровича былъ передЕланъ на шубку царевны Ирины Михайловны»⁴. Приведенный пример указывает, на то, что слово «кабат» означало вид царской одежды, по-видимому, кафтан.

В последнем значении данное слово отмечается в «Материалах» И. Срезневского: «Снять (пугвицы) государыни царевны Ирины Михайловны на шубку, что сдЕлана изъ государева *кабата*»⁵.

По свидетельству П. Савваитова, *кабат* — это «царская одежда въ роде святительскаго саккоса, съ нарамниками или бармами на раме-нахъ, съ дорогами по распашкЕ и подолу»⁶.

В одном из памятников, написанном на территории Западной Руси в XVII веке, слово *кабат* приведено в новом значении — «вид женской одежды»: «... за робете *кабата* древняного для служебницъ нестатечныхъ, бонъдару Степану заплатили золотыхъ два; до того *кабата* строкъ и за робене заплатили осмаковъ двадцать...»⁷.

Некоторые сведения о самой реалии можно обнаружить в работе Г. С. Масловой, где, в частности, сообщается, что одновременное ношение двух, а иногда и более видов верхней одежды, характерное для XVI—XVII веков, имело место и в крестьянской среде XIX — начала XX в.: «У великорусов, сверх полушубка, отправляясь в дорогу, надевали тулуп или халат, а, уходя на работу, сверх шубы или полушубка — холщевую одежду (*кабат* или балахон, верховицу, рядовку и т. п.)». Далее уточняется, что дополнительная верхняя одежда — глухая и распашная — шилась из грубого холста, белого или крашеного, «в виде мужской туникообразной рубахи, в которой сохранялись ее старые черты: прямой разрез спереди или же без разреза, с круглым отверстием для головы»⁸. Такой *кабат* носили в Архангельской области.

Данное слово использовалось и в диалектной речи. Так, В. И. Даль указывает, что слово *кабат* отмечается в архангельских и вологодских говорах в значении «широкая и длинная рабочая рубаха, надеваемая крестьянами сверх кафтана», а в смоленских, западных говорах — в значении «куртка, крутка, кофта; шугай, кортайка, короткий шушун к поневе, андараку»⁹. В архангельских говорах употреблялись также слова *кабатейка*, *кабатѹха* в значении «поманѹха, насовка с передником; холщевая фуфайка с короткою спинкою, прямым воротом и передником; прорехи нет, надевается через голову»¹⁰.

³ И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893, стр. 1170.

⁴ П. Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896, стр. 44.

⁵ И. Срезневский. Указ. раб., т. I, стр. 1170.

⁶ П. Савваитов. Указ. раб., стр. 44.

⁷ «Историко-юридические материалы, извлеченные из Актовых книг губерний Витебской и Могилевской». В. 1—32. Витебск, 1871—1906; В. 4., 1686, стр. 122.

⁸ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев и белоруссов в XIX—XX веках. — «Восточнославянский этнографический сборник». Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXXI. М., 1956, стр. 703.

⁹ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1955, стр. 70.

¹⁰ Там же.

Другие лексикографические материалы дополняют семантику данного слова. В «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского *кабата* — это «корсет простолюдинки, к которому прикрепляется юбка»¹¹, в «Опыте областного великорусского словаря» *кабат* — «спензерь у андарака крестьянок»¹².

Б. Д. Гринченко регистрирует произносительный вариант *кабат* в таких значениях: 1) «куртка, солдатский мундир», 2) «женская юбка», 3) «*кабата пійти* — перевыкувыркваться»¹³.

В «Лексике Полесья» приводятся два значения слова: «старинная короткая женская одежда из домотканного сукна, с большим вырезом на груди, обшивалась ленточками» и «женская безрукавка»¹⁴.

Слово *кабат* получило распространение на территории Галиции и северо-восточной Венгрии, о чем свидетельствует труд Я. Ф. Головацкого: «У старика на головЕ мЕховая шапка съ суконнымъ верхомъ; у обоихъ поверхъ рубашки — лейбикъ, а по плечамъ висить *кабатъ*, чернаго сукна и кожаная сумка через плечо. У сына на шеЕ шелковый платокъ. Онъ одЕтъ въ сЕрый суконный *кабатъ*, окаймленный снурками, и сверхъ того, у него висить черезъ плечо бунда, застегнутая на металлическую запонку»¹⁵.

Отметим, что производное *кабатик* здесь означало название женской одежды: «Юбка (*кабатикъ*) холстинная, одноцвЕтная, всего чаще темноголубого цвЕта, иногда украшенная какими-нибудь цвЕтками»¹⁶.

Слово *кабат* получило распространение не только в западной части ареала северно-великорусского наречия, на Украине и в Белоруссии, оно встречается и в западнославянских языках — в чешском *kaбат* 'пальто', в польском *kaбат* 'кафтан, камзол', в верхнелужицком и нижнелужицком *kaбат* — то же¹⁷.

В словарях современного русского литературного языка слово *кабат* не значится.

ТЕГИЛЯЙ. Это слово М. Фасмер сравнивает с турецким *tägäl* 'крупные стежки при стегании и т. п.'¹⁸.

Это древнерусское слово в «Материалах» И. Срезневского определяется как «одежда в роде кафтана с короткими рукавами и высоким стоячим воротником, подбитая хлопчатой бумагой или пенькою и насквозь простеганная»¹⁹.

Данное слово можно найти в «Описи имущества Ивана Грозного, 1582—1583 гг.»: «*тегиляи* бархатъ Венедицкой цениненъ съ золотомъ и съ цЕтлями, на немъ пугвицы»²⁰, «Царевичевы князь Ивановы *тегиляи*»²¹.

Собранные нами материалы показывают, что слово *тегиляй* было известно значительно раньше. Так, оно зафиксировано в московских памятниках второй половины XV века. Существительное *тегиляй* пред-

¹¹ В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, стр. 303.

¹² «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 62.

¹³ Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина». Тт. I—IV. Киев, т. II, 1907—1909, стр. 203.

¹⁴ «Лексика Полесья». (Материалы для полесского диалектологического словаря). М., 1968, стр. 289.

¹⁵ Я. Ф. Головацкий. О народной одежде и убранстве русинов или русских в Галичине и северо-западной Венгрии. СПб., 1877, стр. 84.

¹⁶ Там же, стр. 81.

¹⁷ М. Фасмер. Этимологический словарь. Т. II. М., стр. 150.

¹⁸ Там же, т. IV, стр. 35.

¹⁹ И. Срезневский. Указ. раб., т. III, стр. 944.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

ставлено в ряде словосочетаний в качестве опорного компонента: *тегилий камчат*, *тегилий тафтян*, где прилагательные «камчат» и «тафтян» указывают на сорт шелка, из которого изготовлена одежда. В словосочетании *тегилий камчат* прилагательное *камчат*, определяющее существительное *тегилий*, указывает на шелковую цветную ткань с узорами и разводами, а прилагательное *тафтян* в словосочетании *тегилий тафтян* — на тонкую, глянцеви́тую и плотную шелковую ткань: «А у Ивашка у Васильева сына Лупина, у Тверитина, взяли... двЕ литры шафрану, да пятьдесят гривенкох перцу, да четыре тясмы кафинские, да япанцю бурьскую, да четыре почки мксу, да восемь аршинъ бези... да *тегилий камчатъ* куфтери...»²²; «... а съ тыми рухляди взяли двЕ однорятки ипские, да однорятка новогоская, да два *тегиля тафтяны*, да терликъ безинень»²³; «... а взяли... три *тегиляи камчаты*, да терликъ камчатъ, да два терлика тафтяныхъ, да оха бень зуфъ зелена, да две однорятки ипские...»²⁴; «А у Остафья у Рязанца взяли да у его сына у Захарьи... два *тегиляи тафтяны*, да три сафьяны червьчаты... да терликъ безинень...»²⁵.

Эта одежда могла быть сшита не только из тафты и камки, но и из другого материала. П. Савваитов отмечает: «Тегиляи дЕлались изъ шелковыхъ, шерстяныхъ, бумажныхъ и холщевыхъ тканей»²⁶.

Как видно из следующего контекста, слово *тегилий* применялось специально для обозначения «военного обмундирования, форменной одежды: «А что взятое то у Мамшискъ царевича, что язъ далъ ему пансырь, шоломъ, да *тягилий*, да сабля...»²⁷.

П. Савваитов поясняет: «Ратники, не имевшіе средствъ дЕлать дорогие доспЕхи, являлись на службу въ *тегиляяхъ* изъ толстаго сукна и другихъ недорогихъ тканей»²⁸.

На украинской и белорусской языковых территориях слово не распространилось.

Таким образом, слово *тегилий* употреблялось только в древней Московской Руси до XVII века. Уже в словарях XIX века оно значится с пометой «старинное». В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года это слово толкуется как «платъе с короткими рукавами и высоким стоячим воротником»²⁹. В словаре В. И. Даля — «кафтанъ со стоячимъ воротомъ и короткими рукавами»³⁰.

Ф. Толль дает следующую полную семантическую характеристику этому слову: «Русск. старин. одежда, род платъа с короткими рукавами и высоким стоячим воротником, употреблялась теми ратниками, кот. по бедности не были в состоянии явиться на службу в настоящих доспехах. Т. Делался из сукна, также из других шерстяных или бумажных материй, толсто подбивался хлопчатой бумагой или пенькой и был просте-

²² «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским». Т. I. «Сборник Императорского русского исторического общества», т. XXXV. СПб., 1882, № 7, 1489, стр. 30.

²³ Там же, стр. 33.

²⁴ Там же, стр. 32.

²⁵ Там же, стр. 27.

²⁶ П. Савваитов. Указ. раб., стр. 144.

²⁷ «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, по высочайшему повелению изданное Императорским русским обществом». 41. — «Сборник Императорского русского исторического общества». СПб., 1884, стр. 176, № 39, 1493.

²⁸ П. Савваитов. Указ. раб., стр. 144.

²⁹ «Словарь церковнославянского и русского языка». СПб., 1847, т. IV, стр. 174.

³⁰ В. И. Даль. Указ. словарь, т. IV, стр. 395.

ган насквозь. Надевался на рукава, как кафтан, в длину был ниже колен и застегивался пуговицами на груди»³¹.

В «Словаре современного русского литературного языка» дано следующее толкование слова *тегилай*: «В Древней Московской Руси (до XVII в.) — одежда воина в виде стеганого ватного кафтана с короткими рукавами и высоким стоячим воротником»³².

Итак, слово *тегилай* — историзм.

КЕБЕНЯК. М. Фасмер отмечает, кроме *кебеняк*, еще *тебеняк* 'род верхней одежды с башлыком'. Слово заимствовано из турецкого *kāpānāk* 'дождевой плащ', киргизское *kebānāk*, балкарское *gebepək*³³.

Слово *кобеняк* 'капюшон, шапка, мешок' этимологически тождественно слову *кебеняк*³⁴.

Для обозначения понятия «одежда в ненастье», по свидетельству И. Срезневского, использовались такие тождественные варианты *кобеняк* — *кебеняк* — *кебенак*. Пример приводится им из памятника, относящегося к XVII веку: «Кебеняк лундышъ вишневь»³⁵.

У П. Савваитова наряду со словом *кебеняк* приводится *кибеняк* со значением «верхняя сукодная одежда, употреблявшаяся въ дождь и въ ненастье», иллюстрации к слову датируются также XVII веком³⁶. *Тебеняк* — то же, что и *кебеняк*³⁷.

Однако употребление *кепеняк* (*кебеняк*, Домостр. Заб. 128) в «Домострое» — сочинении XVI века, содержащем религиозно-нравственные и хозяйственно-бытовые наставления, позволяет сделать вывод, что слово вошло в язык раньше: «А в клетехъ и подклетехъ и в онбарехъ оустроити по гсдреву наказу ключнику, всаказ порадна платьє ветчаное и дорожное и служне, и полсти епаньчи, и *кепенаки*, и шляпы, и рукавицы... и все то разобрати, что пригоже в коробяхъ положить»³⁸.

О том, что данное слово употреблялось в речи украинцев XVII века, свидетельствует наличие его в «Синониме славеноросской» — ценном украинском словаре: «*Копеняк* — хлами(с)»³⁹.

Слово это было известно и на белорусской языковой территории, что подтверждают тексты памятников деловой письменности XVI—XVII веков, в форме *кобеніак* и *кабеняк*: «... иж дей дал есми ему полсть шыт на *кобеніак* юж тому минули чотыри годы, а Жданъ ку полсти се зналъ нижди дей таіта полсть у мене его zostаве то есть за шъвиво ерміака, котры есми ему шыл»⁴⁰; «*Кабеняк* сермяжный грабежный, за поголовное, у золот. трехъ...»⁴¹.

Различная фонетическая огласовка слова *кебеняк*, *кобеняк*, *кепеняк*, *кибеняк*, *кабеняк* в письменных памятниках указывает на нерусское происхождение слова.

В русских народных говорах бытует слово *кобеняк*. В. И. Даль фиксирует такие значения этого слова: «кубка», «сума, мешок» (в туль-

³¹ Ф. Г. Толь. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. СПб., т. IV, 1863, стр. 624.

³² «Словарь современного русского литературного языка». Т. XV. М.—Л., 1963, стр. 189.

³³ М. Фасмер. Этимологический словарь, т. II, стр. 220.

³⁴ Там же, стр. 267.

³⁵ И. Срезневский. Указ. раб., т. I, стр. 1204.

³⁶ П. Савваитов. Указ. раб., стр. 54.

³⁷ Там же, стр. 144.

³⁸ «Домострой» по Коншинскому списку и подобным. М., 1908, стр. 53.

³⁹ «„Лексис“ Лаврентія Зизанія. Синонима славеноросская». Киев, 1964, стр. 122.

⁴⁰ «Историко-юридические материалы, извлеченные из Актовых книг губерний Витебской и Могилевской». В. 1—32. Витебск, 1871—1906; в. 32, стр. 203, № 452, 1578.

⁴¹ Там же, в. I, стр. 66, 1683.

ских, орловских говорах), «видлога, капишон»; «неповоротливый, мешковатый, мужиковатый человек» (в тверских говорах)⁴².

В «Опыте областного великорусского словаря» приводятся аналогичные значения: «мешок», «мешок, пришиваемый вместо воротника к верхней одежде, чтоб покрывать им голову во время ненастья» (в курских, орловских, тульских говорах)⁴³.

В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года приводятся слова *кобеняк* в значении «капишонъ у плаща, употребляемого Малороссіянами» и *кебеняк* с пометой «старинное» — в значении «верхняя одежда, то же, что *тебеняк*»⁴⁴.

Н. Закревский фиксирует *кобенякъ, кобынякъ* в значении «суконное, верхнее, длинное платье, родъ свиты» и поясняет: «Кобеняк носят летом, в холодную погоду поверх свиты; к нему сзади на спине пришивают видлогу или копюшон, который служит часто вместо мешка, а в дождливую и дурную погоду носят видлогу поверх шапки»⁴⁵. У Ф. Пискунова *кобеняк, кобиняк* — это «род бурки с капюшоном на голову»⁴⁶. Словарь Б. Д. Гринченко определяет *кобеняк* как «суконную длинную верхнюю одежду с капюшоном»⁴⁷.

В «Словаре современного русского литературного языка» сообщается: «*Кобеняк*. Украинская мужская верхняя одежда; род плаща с капюшоном... Укр. *кобеняк* от турецкого *кепенек* — дождевой плащ из войлока, накидка из шерстяной материи»⁴⁸.

Таким образом, рассмотренные тюркизмы не употребляются в современном русском литературном языке и перешли в категорию историзмов⁴⁹.

Проникновение в памятники восточнославянской письменности XV—XVI веков тюркской лексики может быть объяснено наличием у славян прямых или косвенных контактов, военных и торговых отношений с соседними тюркоязычными народами. Тюркские заимствования сыграли существенную роль в обогащении лексики русского, украинского и белорусского языков.

⁴² В. И. Даль. Указ. словарь, т. II, стр. 126.

⁴³ «Опыт областного великорусского словаря». СПб., 1852, стр. 85.

⁴⁴ «Словарь церковнославянского и русского языка». СПб., 1847, т. II, стр. 183.

⁴⁵ Н. Закревский. Словарь малороссийских идиомов. Старосветский бандуриста. Кн. 3. М., 1861, стр. 364.

⁴⁶ Ф. Пискунов. Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан Российской и Австро-Венгерской империи. Киев, 1882, стр. 108.

⁴⁷ Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка. Т. II, стр. 258.

⁴⁸ «Словарь современного русского литературного языка», т. V, стр. 1083.

⁴⁹ Кроме рассмотренных слов тюркского происхождения, в памятниках восточнославянской письменности исследуемого периода упоминаются также слова: *епанча, кафтанъ, делия, жупанъ, доломанъ, терликъ, аламъ, бакгазея, войлокъ, камка, китайка, мухояръ, сафьянъ, сукманъ, бачмагъ, киверъ, клобукъ, колпакъ, тафья, шлыкъ, юфть, чеботъ, чулокъ* и др.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А.-К. Ю. АБДУЛЛАТИПОВ

РОМАНТИЗМ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ КУМЫКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кумыкская литература является частью многонациональной литературы Дагестана и генетически и исторически связана с целым рядом литератур как советского, так и зарубежного Востока. В ней с начала XX века стал осуществляться синтез традиционных восточных и европейских форм, средств и методов художественного литературного творчества.

Своеобразие исторического, экономического и культурного развития Дагестана и Кумыкии, где феодально-патриархальные отношения продолжали сохранять свои позиции наряду с вновь возникшими капиталистическими, обусловили и своеобразие протекавшего в крае литературного процесса.

До середины XIX века кумыкская литература развивалась как типично восточная средневековая литература со всеми присущими ей особенностями: произведения создавались на арабском языке и на так называемом литературном тюрки; для них были характерны синкретизм и теоцентризм; особенно популярны были жанры хроники, дидактических трактатов, писем, посланий, плачей (марсия), воспоминаний, компендиев. Значительное место в средневековой дагестанской и кумыкской литературе занимали адаптации и переводы религиозно-философских, художественных классических произведений ученых и поэтов Востока. Наиболее яркими представителями средневековой кумыкской литературы были поэт Умму Камал (XV в.), автор широко известного сочинения «Тарихи Дербентнаме» — Муххамед Аваби Акташи (XVI в.), поэты и ученые XVI—XVIII веков из аула Тарки: Али бин Мухаммед Багдадский (умер в 1613 г.), Нурмагомед и его сын Мамак¹. К первой половине XIX века относится творчество Юсуфа кади из Яхсая, Мама Гиши и Идриса Эфенди из Эндирея, Аюба из Нижнего Джентугата и Абдурахмана из Какашур (Атлыбоюнского)².

Ирчи Казак (1830—1879) — первый кумыкский поэт, отошедший в своем творчестве от религиозных догм и обратившийся к раскрытию ду-

¹ М.-С. Саидов. Дагестанская литература на арабском языке. (Доклад на всемирном конгрессе востоковедов). М., 1960; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1960; С. Алиев. Дорога в современность. Махачкала, 1977.

² Г. Алкадари. Асари Дагестан. Махачкала, 1929; Али Каяев. Биографии дагестанских ученых. — Рукописный фонд ИИЯЛ Даг. ФАН СССР; С. Хайбуллаев. О дореволюционной аварской литературе. Махачкала, 1974.

ховных богатств человека. В основе его поэзии лежит культ свободной личности. Ирчи Казак считал, что все лучшее, что его предшественники приписывали богу, заложено в самом человеке. В своих стихах он писал о простых людях труда, об их горестях и радостях, об их мечтах и чаяниях. Творчество Ирчи Казака свободно от религиозной схоластики, оно воспекает радости земной жизни. Поэт видит существующий социальный и национальный гнет. И он выступает против несправедливостей, чинимых местными князьями, царской администрацией и новоявленными представителями капиталистической формации.

Тема свободной личности, выступающей в защиту интересов трудового народа, получила развитие в творчестве писателей более позднего времени. Она сочеталась с провозглашением просветительских идей, с призывами к воспитанию нравственно совершенной общественно-полезной личности.

О значении просветительских идей в истории ряда литератур ближне- и средневосточного региона Я. В. Караев пишет: «Средние века в Европе завершаются Ренессансом, на Востоке историческую миссию Ренессанса в роли завершителя средневековья „берет на себя“ просветительство. У большинства народов средневосточного региона антифеодальная идеология наиболее последовательный и революционный характер получает именно в период просветительского движения»³. В кумыкской литературе непосредственным предшественником просветителей был Ирчи Казак, положивший начало двум направлениям художественного творчества — романтическому и реалистическому.

Следует отметить, что до недавнего времени вся кумыкская художественная литература осмысливалась прежде всего как реалистическая или просветительно-реалистическая, хотя некоторыми авторами, в том числе и автором этих строк, и раньше делались попытки выявления отдельных романтических произведений⁴.

Цель настоящей статьи — анализ основных особенностей романтизма в дагестанской и кумыкской дореволюционной литературе.

Романтический и реалистический типы художественного творчества стали формироваться в кумыкской (И. Казак), даргинской (О. Батырай), лезгинской (Е. Эмин) литературах в середине XIX века, а несколько позже в аварской (Эльдарилав, Чанка) и лакской (Молла Магомед Махмудов, Патимат Кумухская, Ю. Муркелинский) литературах. В кумыкской и во всей дагестанской литературе не было последовательной смены методов художественного творчества — романтического и реалистического, а имело место их «сосуществование» и даже «содружество».

Романтизм в кумыкской литературе был всегда связан, с одной стороны, с реализмом, а с другой — с просветительской идеологией и просветительским реализмом.

Романтизм в аварской, даргинской, а отчасти и в лакской литературах отличается большей последовательностью и «компактностью», нежели в кумыкской и лезгинской литературах. У представителей романтической поэзии в аварской, лакской и даргинской литературах отмечается большая приверженность к теме любви. Хотя эта тема не была чуждой и для кумыкской и лезгинской романтической поэзии, но в названных выше литературах она становится магистральной, что способ-

³ Я. В. Караев. Становление реализма в азербайджанской литературе. Автореф. докт. дисс. Баку, 1979, стр. 12.

⁴ См.: А.-К. Ю. Абдуллатипов. Эволюция творческого метода в кумыкской литературе. Махачкала, 1979.

ствовало воплощению в ней мотивов борьбы за эмансипацию личности вообще и женщины в частности, против феодально-буржуазных порядков и развращающей власти денег.

Для романтической кумыкской литературы более характерным было непосредственное обращение к вопросам национального и социального освобождения народа, однако и здесь создавались отдельные произведения, где социальные проблемы освещались опосредованно через раскрытие темы любви. Говоря об особенностях дагестанского романтизма второй половины XIX и начала XX века, следует иметь в виду «стихийность» его формирования при полном отсутствии какой бы то ни было теоретической базы (в отличие, например, от европейского романтизма). Впрочем, эта особенность была характерна и для всех других восточных литератур.

Развитие романтизма в кумыкской дореволюционной литературе может быть условно разделено на следующие этапы: 1) романтическая поэзия конца 50-х и 70-х годов XIX века (творчество И. Казака), 2) романтическая поэзия 80-х годов XIX века (творчество М.-Э. Османова), 3) романтическая поэзия начала XX века (поэмы Т. Бейбулатова, А. Кадиева). Особым переходным периодом в развитии романтизма стали годы революции, гражданской войны и борьбы за установление Советской власти.

Романтические произведения И. Казака были большей частью созданы им до его ссылки в Сибирь. В Сибири и после возвращения с каторги он писал в основном реалистические произведения и поэтому более известен как представитель реализма.

Романтическими произведениями И. Казака являются стихотворения: «Не все мужчины, именуемые мужчинами, — мужчины», «Нужен мужчина», «Рядом с соснами грабы растут», «Мужчине необузданному, подобно аргамаку» и другие, а также лирическая поэма «Песня-частушка», относящиеся к раннему периоду его творчества.

В самый разгар национально-освободительного движения горцев И. Казак оказался при дворе шамхала⁵, поэтому хотя и глубоко сочувствовал борцам за свободу, но высказать это открыто не мог. В этой связи большой интерес представляет его стихотворение «Не все мужчины, именуемые мужчинами, — мужчины»⁶, в котором воплощен романтический идеал «настоящего мужчины» — борца за свободу. В этом стихотворении поэт поднимает важную для современной ему эпохи тему общественно-полезной активности личности, которая была бы способной противостоять любым трудностям и бороться против несправедливости.

О глубоком сочувствии И. Казака борцам за национально-социальное освобождение свидетельствует его «Песня о Шамиле», в которой он оплакивает поражение горцев и негодует в связи с установлением в Дагестане колониальных порядков царизма.

В лирической поэме «Такмак йыр»⁷ («Песня-частушка») И. Казак широко пользуется аллегориями, иронией, народным юмором, чтобы показать пропасть, лежащую между романтическими мечтами и реальной действительностью. Поэт не показывает здесь конкретно-реалистических картин жизни, не рисует образа своей возлюбленной. Для этого он прибегает к образам-символам и аллегориям. Поэт пишет о том, что

⁵ Шамхал — титул могущественных феодальных правителей Дагестана, который в XIX веке носили отпрыски князей Тарковских.

⁶ И. Къазакъ. Сайламлы асарлар. Магъачкъала, 1957, стр. 22—23.

⁷ Там же, стр. 14—18.

он встречал много девушек с прекрасной внешностью, но с нерадивым характером и неуживчивым нравом, скорбит, что не нашел идеала, в котором внешняя красота сочеталась бы с высокими нравственными достоинствами. В изысканных романтических образах и символике раскрывается гуманизм И. Казака, стремящегося к идеалу. Невозможность достичь в жизни гармонии и счастья вызывает у И. Казака скепсис, недоверие к окружающей действительности.

В романтических произведениях И. Казака чувствуется глубокая обеспокоенность несовершенством окружающего мира, мечта о гармоничной человеческой личности, одержимой возвышенной любовью к людям и готовой целиком отдаться служению народу, обществу. В этом заключается гуманизм и демократизм творчества поэта.

В основу сюжета поэмы М.-Э. Османова (1838—1904) «Гюлгыз» («Девушка-роза»), созданной в 80-е годы XIX века, положены реальные события биографии поэта, получившие в произведении романтическое осмысление⁸.

В поэме нет реалистического описания истории героини, повествование строится на основе обобщенных романтических образов, символики. Возвышенные идеальные мечты противопоставляются суровой действительности, мечты гибнут в столкновении с жестокой жизнью. Вся поэма пронизана глубоким сочувствием к горестной судьбе восточной женщины, находящейся под гнетом патриархальной семьи. В финале поэмы автор выступает против неравноправия женщин в вопросах брака, против полигамии.

Тема любви в кумыкской литературе в начале XX века нашла отражение в широко распространенных на Востоке романтических дастанах, подвергшихся национальной адаптации: «Тахир и Зухра», «Юсуф и Зулейха», «Бизигит» — Абусуфьяном, «Лейла и Меджнун», «Асли и Карам» — Абдулхалимом Дженгутаевским, в произведениях Ансара Кадиева (1860—1937), в частности в его поэмах «Влюбленный Ансар» и «Видел я ночью сон».

Лирическая поэма «Влюбленный Ансар» — это история любви Ансара и девушки из горного чеченского селения Акташ-Аух. В образе влюбленного лирического героя обобщены черты самого поэта и близких ему по духу современников. Мысли и чувства героя противопоставляются низменным, своекорыстным интересам окружающего его общества. Поэт выступает за свободу проявления естественных человеческих чувств, за освобождение людей от сословных предрассудков.

Поэт осуждает общество, поклоняющееся богатству и игнорирующее нравственные идеалы. Дисгармония общества, по мнению поэта (и это сближает его с концепциями просветителей начала XX века М. Алибекова и Н. Батырмурзаева), объясняется «скудостью знаний и наук». В поэме подчеркивается необходимость общественно-полезной деятельности, служения людям.

Дальнейшее развитие романтического метода художественного творчества связано с именем Т. Бейбулатова (1879—1942) и его дореволюционными произведениями. Создавая свои романтические образы, этот поэт обращался не только к национальной поэзии, но и к восточным и европейским литературам. Понимая необходимость органического сочетания национальных литературных традиций с требованиями современной литературы, Т. Бейбулатов сознательно стремился соединить в

⁸ См.: А.-К. Ю. Абдуллатипов. Эволюция творческого метода в кумыкской литературе, стр. 16.

своем творчестве героическое и героико-историческое начала национальной народной поэзии с особенностями жанра европейской романтической поэмы.

Т. Бейбулатов в тот период увлекался не только поэзией европейских романтиков (в особенности немецких), но и их философскими воззрениями. В начале XX века поэзией и философией европейских романтиков увлекались также некоторые татарские и азербайджанские романтики. Некоторую типологическую близость с их творчеством можно обнаружить и в поэзии дагестанца С. Габиева («Безумец»).

Т. Бейбулатов, в отличие от многих просветителей своего времени, сознавал, что идея о социальной гармонии в эксплуататорском обществе иллюзорна и утопична. В его поэме «Хаджимурат» (1910) нет подлинного историзма, так как поэта интересовало не столько развитие характера героя и реальная социально-бытовая обстановка, сколько романтическое осмысление исторических событий. В центре поэмы — образ Хаджимурата — человека исключительного, борющегося за свободу своего народа.

Особое место в поэме, как и в поэзии европейских романтиков, занимает антропоморфно воспроизведенная природа Дагестана. Высота и величие гор ассоциируются с возвышенностью натуры и помыслов главного героя, горы словно служат опорой и источником его силы. Т. Бейбулатов как романтик полагал, что высшей целью героев является достижение ими идеала. Таким героем и выведен в поэме Хаджимурат. Т. Бейбулатов изображает Хаджимурата и повстанцев как народных заступников, ибо они, по мысли автора, «желают возвысить черный люд». Именно о таких героях поэт пишет: «Кто возвысит свой народ, тот почет обретет».

Прием антитезы, заключающийся в резком противопоставлении контрастных, взаимно исключающих друг друга образов, широко применяется в поэзии Т. Бейбулатова. Это прежде всего — столкновение возвышенного и низменного. В поэме антиподом Хаджимурата является князь Амилахвари, командующий кавалерийской сотней царских войск, посланной на поимку Хаджимурата. Сотня была перебита, а их командир Амилахвари убит Хаджимуратом в поединке. Но Хаджимурат не считает себя вправе торжествовать победу, так как обнаруживает, что из горных источников вместо «белого молока» струится «алая кровь». Этот образ символизировал торжество зла над добром, напрасность усилий и жертв его героев. Поэтому образ Хаджимурата трагически раздвоен.

В таком же ключе написана и поэма «Хасбулат» (1915), направленная против феодальных порядков, разрушающих устои крестьянской семьи. Поэт по-своему продолжает антифеодальные и антидеспотические тенденции кумыкской литературы, восходящие к творчеству И. Казака.

В качестве основного героя поэмы Т. Бейбулатов вывел Хасбулата «человека, противостоящего окружающей и враждебной ему действительности, рабопленствующей перед князем “толпе”». Это — незаурядная самобытная личность, активно борющаяся за свое личное счастье и смело выступающая против насилия. В ней нашла воплощение поэтическая мечта Т. Бейбулатова о человеке, протестующем против жестокой реальности и социальной несправедливости. Столкновение идеалов гуманизма с общественным неравенством в поэме социально обусловлено.

В полном соответствии с эстетикой романтического контраста тунедствующему сластолюбивому князю в поэме противопоставляется благородный абрек, борец за свободу своего народа, человек долга и че-

сти — Хасбулат. Устами Хасбулата автор выражает свое осуждение феодального сословия.

Т. Бейбулатов, вслед за европейскими романтиками, считает, что красота мира нашла наиболее полное воплощение в образе женщины. И он в своей поэме раскрывает весь трагизм ее положения. Любовь к женщине, подчеркивается в поэме, несовместима ни с чем низменным и порочным. Любовь возводится поэтом в степень высочайшей реальности. Гибель возлюбленной, или ее измена, отвергнутая любовь для его героя — Хасбулата означают конец всему, «распад связи времен», ибо для него жизнь немыслима без любви. Убийство героем своей жены мотивируется в поэме не столько ревностью, сколько протестом против существующего правопорядка.

В поэмах «Хасбулат» и «Хаджимурат» нашло отражение романтическое понимание автором диалектического единства свободы и необходимости, как основы трагического. Из истории европейского романтизма известно, что в «центре романтической концепции трагического была диалектика свободы и необходимости»⁹.

Свободолюбие Хасбулата находит выражение в его поступках, которыми он утверждает свою личность. Однако его поступки, как и действия Хаджимурата, не согласуются с объективной необходимостью и с окружающей его реальностью. Поэтому Хасбулат обречен на гибель, хотя он и умирает за торжество высоких, однако неосуществимых идеалов. Г. Гегель в свое время писал, что для романтиков «смерть устраняет ничтожное и тем способствует освобождению духа от его конечности и раздвоенности, равно как и духовному примирению субъекта с абсолютным»¹⁰.

Борьба личности с носителями зла оборачивается в поэме трагическим преступлением. Убит не только соблазнитель, но и его жертва — любимая жена героя. В подобном «разрешении, — утверждает В. Ванслов, — ни одна из сторон не побеждает и не оказывается побежденной, но жизненный процесс в целом поднимается на новый, более высокий уровень... Трагические коллизии оказываются, таким образом, залогом движения человечества вперед»¹¹.

Гибели красоты, распаду гармонии в условиях господства зла посвящена и романтическая поэма Т. Бейбулатова «Стенька Разин» (1911).

В поэмах «Хаджимурат» и «Хасбулат» создан положительный национальный характер романтического плана. Если в «Хаджимурате» главный герой не отчужден от большинства своих соотечественников, то в «Хасбулате» он не только выделяется автором из окружающей его среды, но и противопоставляется ей. Однако в обоих случаях образы главных героев поэм противостоят злу, и в этом заключено их художественное и идейное значение.

Романтизм в кумыкской литературе XIX века не был главным творческим направлением, но в начале XX века он стал доминировать в поэзии ряда видных поэтов (А. Кадиев, Т. Бейбулатов).

В кумыкской дореволюционной литературе романтизм носил преимущественно гражданский характер. Он отражал стремление народа к освобождению от национального и социального гнета, к ликвидации подавлявших личность феодально-патриархальных и набравших силу капиталистических отношений. Возможно поэтому романтизм в кумыкской

⁹ В. Ванслов. Эстетика романтизма. М., 1966, стр. 330.

¹⁰ Г. Гегель. Эстетика. Т. 2. М., 1969, стр. 237.

¹¹ В. Ванслов. Указ. раб., стр. 331.

литературе не создал образов ни гордых скитальцев, ни самонадеянных индивидуалистов.

Следует отметить, что, хотя романтизм в дореволюционной кумыкской литературе и не был однородным, в целом он обогатил кумыкскую литературу яркой эмоциональностью, чувством непреходящей красоты жизни и незатухающей из века в век благородной борьбы за высокие человеческие идеалы.

ОНОМАСТИКА

А. АХУНДОВ

ОБ ОДНОРЯДНЫХ (ЧИСТЫХ) ОМОНИМАХ В ТОПОНИМИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

А. В. Суперанская в своей книге «Общая теория имени собственного» об омонимах пишет следующее: «Если одно имя в одном поле употребляется в связи с разными объектами, — это не омонимия, а тезоимённость — применение одного имени к разным объектам, например: город Ростов-на-Дону и в Ярославской обл...». И далее: «Такие случаи, как бабушкин зонтик, Бабушкин переулок, город Бабушкин и курсант Бабушкин — омонимы, поскольку десигнаты всех перечисленных слов относятся к разным полям» (6, 289). Данное понимание омонимов, на наш взгляд, не имеет достаточных научных оснований и поэтому нельзя считать приемлемым для ономастики. В определениях А. В. Суперанской не нашло достаточно ясного выражения значение самого термина «поле». По всей вероятности, автор здесь употребляет термин «поле», как отмечено в другом месте книги (6, 277), в значении различных зон «семантического пространства» имени собственного. В таком случае выражение *бабушкин зонтик* вообще не имеет отношения к полям ономастики, ибо в данном сочетании слово *бабушкин*, будучи омоформой, не может быть определено как член омонимического ряда даже на лингвистическом уровне.

Само собой разумеется, что не все географические названия, имеющие одинаковый фонетический состав, являются омонимами. Те топонимы, при употреблении которых требуются номенклатурные термины, могут считаться полисемантическими, например, *Баку* в значениях: «город», «железнодорожная станция», «морской порт» и т. д. К числу таких топонимов относится *Бақы* 'Баку' в составных географических названиях: *Бақы көрфәзи* 'Бакинская бухта', *Бақы архипелагы* 'Бакинский архипелаг', *Бақы јајласы* 'Бакинское плоскогорье'. Подобные топонимы иногда называют ветвистыми (4, 9).

* * *

Топонимика Азербайджана богата омонимическими топонимами (омотопонимами), которые, на наш взгляд, составляют две основные группы: 1) одnorядные (чистые) и 2) многорядные (смешанные). К первой группе относятся омотопонимы только одного топонимического микрополя. Они могут быть разделены на три разряда: омооиконимы, омооронимы, омогидронимы.

Омооиконимы, в свою очередь, делятся на шесть подгрупп. К первой подгруппе относятся слова, исторически связанные с различными этно-

ними: *Бојат*, *Гарадағлы*, *Гараманлы*, *Дәмирчи*, *Дәмирчиләр*, *Мурадханлы*, *Падар*, *Тәклә*, *Чәјирли*, *Чахырлы* и т. д. (ср. 4, 38—44). Топонимы этого разряда возникли в различных зонах Азербайджана или в соответствии с существующим административно-территориальным делением Азербайджанской ССР — в различных районах республики.

Аллоут — сельсоветы в Бардинском, Казахском, Геокчайском, Уджарском районах; села в Лачинском, Касум-Исмаиловском районах.

Бојат — сельсоветы в Агджабединском, Сальянском и Уджарском районах.

Гарадағлы — сельсоветы в Агдамском, Агдашском, Мирбаширском, Уджарском и Шекинском районах; села в Агдамском, Бардинском, Касум-Исмаиловском, Ждановском, Мирбаширском, Мартунинском, Физулинском, Хачмасском районах.

Гараманлы — сельсовет в Евлахском районе, станция (в Сальянском районе) на железнодорожной линии Баку—Астара (3, 67).

Дәмирчи — сельсоветы в Ильичевском и Шемахинском районах; село в Масаллинском районе.

Дәмирчиләр — сельсоветы в Казахском и Мирбаширском районах; села в Казахском, Кубатлинском, Степанакертском районах.

Мурадханлы — сельсоветы в Кубатлинском и Имишлинском районах.

Падар — сельсоветы в Ахсуинском, Варташенском районах; села в Кубатлинском, Дивичинском, Сабирабадском, Хачмасском районах.

Тәклә — сельсоветы в Масаллинском и Джалилабадском районах; села в Ахсуинском и Кюрдамирском районах.

*Чахырлы*¹ — сельсоветы в Джебраильском, Геокчайском и Масаллинском районах; село в Имишлинском районе.

Этнонимическое происхождение двух из приведенных топонимов — *Дәмирчи* 'кузнец' и *Дәмирчиләр* 'кузнецы' — не вполне выяснено. Однако из источников известно, что в азербайджанской этнографической группе *Шахсевән* был род *Дәмирчи*, и это название могло найти свое отражение в топонимике (ср. 4, 40).

Происхождению омоойконимов этой подгруппы, на наш взгляд, в основном, правильное объяснение дал Ш. М. Саадиев: «Наличие 4-х Баят или 5-и Падар в Азербайджане — явление не случайное. Население в связи с переселением из одной местности в другую, образуя новые поселения, дает им названия своих старых поселений» (5, 100). Однако исходно этническое имя могло образовать топоним из этнонима, известного окрестному населению, еще во времена самых первых поселений, до миграции носителей данного этнонима.

Вторую подгруппу омоойконимов составляют топонимы, по своему происхождению связанные с собственными именами:

Гарабаба — сельсоветы в Зангеланском и Шахбузском районах.

Әлибад — сельсовет в Закатальском районе; села в Лерикском, Саатлинском, Джалилабадском и Пушкинском районах.

*Һачаллы*² — сельсоветы в Бардинском, Куткашенском и Зангеланском районах.

Чәфәрли — сельсоветы в Казахском, Имишлинском районах; села в Ахсуинском, Кедабекском и Джалилабадском районах.

Алексеевка — сельсоветы в Кубинском, Ленкоранском и Хачмасском районах.

Подобные омоойконимы, как полагают, возникли случайно.

¹ По мнению Р. М. Юзбашева и Н. Г. Мамедова, правильное «Чакирли» (см. 5, 10).

² Правильнее — *Һачыаллы* (см. 5, 105).

Третью подгруппу омоойконимов составляют географические названия поселений, образованные по их внешним признакам, то есть описательно:

Гарабаглар (досл. 'Черные³ сады') — сельсовет в Ильичевском районе; села в Геокчайском и Ханларском районах⁴.

Гызылагач (досл. 'Золотое⁵ дерево') — сельсоветы в Геокчайском и Масаллинском районах; село в Сальянском районе.

Гумлаг (досл. 'Песчаное место', *гум* 'песок', *-лаг* — словообразовательный аффикс, обозначающий местность) — сельсоветы в Варташенском и Джебраильском районах.

Чајкәнд (досл. 'река деревня', 'речная деревня') — сельсоветы в Кельбаджарском, Ханларском районах; села в Шекинском и Шушинском районах.

Чардаглы (досл. 'то, что имеет навес') — сельсоветы в Кубатлинском и Шамхорском районах.

Четвертая подгруппа омоойконимов состоит из названий, обозначающих профессию, род занятий:

Бағбан (досл. 'садовод') — села в Кюрдамирском и Уджарском районах.

Бағбанлар (досл. 'садоводы') — сельсовет в Агдамском районе; поселок городского типа в районе города Кировабада.

Газанчы (досл. 'изготавливающий кастрюли') — сельсоветы в Мардакертском и Джульфинском районах; села в Касум-Исмаиловском и Зангеланском районах.

Сарван (досл. 'погонщик верблюдов') — сельсовет в Сальянском и село в Дивичинском районах.

В пятую подгруппу входят омоойконимы, связанные с внешним обликом, происхождением, религиозным саном жителей поселений:

Косалар (досл. 'люди с редкими усами и бородой') — сельсоветы в Казахском, в Степанакертском районах; села в Агдамском и Ленкоранском районах.

Сејидлар (*сејид* — 'так именуются люди, считающиеся потомками Магомета') — сельсовет в Кельбаджарском районе; села в Зангеланском, Зардобском, Лачинском, Сальянском, Ханларском, Хачмасском районах.

Бачылар (*начы* — мусульманин, совершивший паломничество в Мекку) — сельсовет в Кедабекском районе; села в Агдашском, Агджабединском, Бардинском, Лачинском, Таузском и Хачмасском районах.

Шестая подгруппа включает омоойконимы, связанные с древними названиями различных зон Азербайджана:

Гарабаглы (от *Гарабаг* — название одной из зон Азербайджана; *лы* — аффикс имени прилагательного) — сельсовет в Сальянском; села в Ханларском и Хачмасском районах.

Муғанлы (от *Муған* — древнее название местности и города в Азербайджане, *лы* — аффикс имени прилагательного) — сельсовет в Казахском; села в Агдамском, Агджабединском, Бардинском, Кубатлинском, Закатальском, Зангеланском, Ильичевском, Кюрдамирском, Мартунинском, Шемахинском районах (1, 184).

³ По мнению некоторых азербайджанских топонимистов, *гара* — 'черный' в этом случае выражает множественность (см. 4, 63; 5, 71), что подтверждается данными исторической и современной лексики.

⁴ Эти районы славятся в республике своими садами.

⁵ *Гызыл* — исторически употребляется в значении «красный».

Ширванлы — (от *Ширван* — древнее название одной из зон и государства в Азербайджане, *лы* — аффикс имени прилагательного) — сельсовет в Бардинском и село в Варташенском районах.

Омооронимы. В отличие от омооиконимов значения омооронимов почти всегда мотивированы, то есть в них тождественность реалий обычно порождает тождественность имен, что является основным источником возникновения омонимичных названий гор⁶.

Омооронимы Азербайджана также образуют несколько подгрупп. К **первой подгруппе** относятся омооронимы, состоящие из имен прилагательных, выражающих цвет⁷ и номенклатурных терминов: *Аггаја* 'Белая скала', *Агдаг* 'Белая гора', *Агтап* 'Белый холм', *Гаратап* 'Черный холм', *Боздаг* 'Серая гора' и т. д. Последний омоороним весьма распространен в Азербайджане.

Боздаг: 1) грязевый вулкан севернее поселка Гобу в западной части Апшеронского полуострова; 2) гора к западу от поселка Гекмалы на Апшеронском полуострове; 3) грязевый вулкан на юго-западе Апшеронского полуострова; 4) гора на правом берегу реки Хачин в Агдамском районе; 5) горы в Касум-Исмаиловском, Али-Байрамлинском, Шекинском, Мингечаурском районах; 6) горный хребет на севере Ширванской степи (3, 47—48).

Вторую подгруппу составляют омооронимы, образованные от имен прилагательных, выражающих форму и внешний вид объектов, а также номенклатурных терминов.

Готурдаг 'Гора с болячками', *Дикдаш* 'Вертикально стоящий камень', *Оруддаг* 'Полая гора' и т. п. В эту подгруппу входят названия гор, представляющие собой сложные слова, первый компонент которых выражен именем существительным с атрибутивным значением; например: *Габандаг* досл. 'Кабан гора', *Гараултәп* досл. 'Холм караул', *Дарыдаг* досл. 'Просо гора', *Иландаг* досл. 'Гора змея', *Котандаг* досл. 'Гора плуг', *Чобандаг* досл. 'Гора пастух'. Можно полагать, что подобные оронимы образовались от словосочетаний второго типа, как *Габан дагы* 'Гора кабанов', *Гараул дагы* 'Гора караулов' и т. д.

К этой подгруппе могут быть отнесены и омооронимы без номенклатурных терминов, такие, как *Дәвабюну* досл. 'Верблюжья шея', *Кунбахан* 'Смотрящий на солнце'.

Омооронимы, входящие в **третью подгруппу**, выражают состав «топонимических» объектов, например: *Гызылгаја* 'Скала золото', 'Золотая скала', *Гызылдаш* 'Камень золото', 'Золотой камень', *Дуздаг* 'Гора соль', 'Соляная гора', *Көмүрдаг* 'Гора уголь', 'Угольная гора'.

Четвертая подгруппа омооронимов связана с собственными именами, например: *Валидаг* (первичная форма *Вәли дагы* 'Гора Вели') — пик горы в Ярдымлинском и Ильичевском районах, *Шабандаг* (первичная форма *Шабан дагы* 'Гора Шабана') — невысокие горы на Апшеронском полуострове и в Физулинском районе.

Все омооронимы Азербайджана этой подгруппы, на наш взгляд, образовались случайно.

Омогидронимы. По сравнению с омооронимами, особенно с омооиконимами, количество омогидронимов в топонимике Азербайджана незначительно. Происхождение их, как и омооронимов, чаще всего случайное. Разрядов омогидронимов также много. Их можно разделить на четыре подгруппы.

⁶ Некоторые древние омооронимы, имеющие неясную этимологию, например, *Кәпәз*, как правило, не входят в омонимические ряды.

⁷ Некоторые азербайджанские топонимисты значение слов *аг* 'белый', *гара* 'черный' в составе оронимов объясняют иначе (см 5, 70—71).

Первая подгруппа включает омогидронимы, обозначающие цвет гидрообъекта, и номенклатурные термины. Например: *Агкөл*⁸ 'Белое озеро', *Агсу* 'Белая вода', *Агчај* 'Белая река', *Гаракөл* 'Черное озеро', *Гарачај* 'Черная река', *Көјкөл* 'Голубое озеро', *Сарысу* 'Желтая вода'.

Во вторую подгруппу входят омогидронимы, выражающие внешний признак, форму гидрообъекта и имеющие в своем составе номенклатурные термины: *Гуручај* 'Сухая река', *Әјричај* 'Кривая река', *Инчәчај* 'Тонкая река' и т. п.

Из приведенных омогидронимов особое внимание привлекает *Гуручај* — левый приток реки Аракс; левый приток реки Бум в Куткашенском районе, а также река, протекающая по территории Кубинского и Хачмасского районов и впадающая в Каспийское море; правый приток реки Самур в Кусарском районе (3, 87—88). Трудно установить происхождение этого гидронима. Видимо, реки *Гуручај* в определенное время мелеют (см. 7, 32). Одна из них, впадающая в Каспийское море, имеет и другие названия. У истока она называется *Сусачај*, на равнине *Мазарчај* (7, 32).

Третья подгруппа включает омогидронимы, обозначающие вкус, температуру и другие особенности гидрообъектов. Они в своем составе также имеют номенклатурные термины: *Истису* 'Горячая вода', *Шорсу* 'Соленая вода', *Намамчај*⁹ 'Баня-река'.

Омогидронимы **четвертой подгруппы** связаны с собственными и личными именами: например: *Бабачај* — первичная форма *Баба чајы* 'Река Бабы', *Назәрчај* — первичная форма *Назәр чајы* 'Река Назара'. Первый из омогидронимов может быть объяснен и как «Дедова река» (нарицательное значение *баба* — «дедушка»).

Загадочна этимология омогидронима *Гаранлыг* досл. 'темнота', 'сумрак', 'мрак'. Он встречается в различных зонах Азербайджана: 1) на севере: правый приток реки Велвеле (Бабачай) в Кубинском районе; 2) на западе: правый приток Куры в Таузском районе; 3) на юго-западе: правый приток реки Илдырымсу в Лачинском районе (3, 67). Видимо, этот гидроним связан с древнетюркским *Qağanı*, употребляющимся в значениях: «темный», «неблаговидный», «подозрительный» (2, 425).

ЛИТЕРАТУРА

1. «Азербайжан ССР. Инзибати-эрази бөлкүсү». Баку, 1968.
2. «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
3. «Изаһлы чөғрафи адлар лүғәти». Баку, 1960.
4. Р. Лүзбашов, К. Әлијев, Ш. Сә’дијев. Азербайжанын чөғрафи адлары. Баку, 1972.
5. «Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана». Баку, 1973.
6. А. В. Суперанская. Теория имени собственного. М., 1973.
7. М. Нәсәнов, Х. Заманов, Б. Чәфәров, Н. Вәлијев. Азербайжанын чајлары, көлләри вә су анбарлары. Баку, 1973.

⁸ Некоторые азербайджанские топонимисты в словах *аг* 'белый', *гара* 'черный', если они употребляются в составе гидронимов, видят указание на качество воды (см. 4, 32; 5, 70).

⁹ Видимо, в составе воды имеется сера.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

И. С. СЕИДОВ

ОБ ОРФОГРАФИРОВАНИИ СОСТАВНЫХ ТЕРМИНОВ, ВКЛЮЧАЮЩИХ ИМЯ СОБСТВЕННОЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Принятое в настоящее время в азербайджанском языкознании орфографирование составных или сложных терминов, компонентом которых является имя собственное, выступающее в данном случае в функции прилагательного, нередко приводит к неверной акцентировке семантики выражаемого понятия. Причина данного явления заключается в том, что в названных терминах компонент, выраженный именем собственным, пишется, как правило, с прописной буквы. Такое написание создает ложное представление, будто именно этот компонент является доминирующим, несущим основную семантическую нагрузку, тогда как в действительности он играет здесь лишь подсобную роль второстепенного члена — определения второго основного компонента. Кроме того, в данном случае полностью игнорируется то важнейшее обстоятельство, что имя собственное в составе сложного термина уже не указывает на конкретное лицо или объект, а приобретает новое, качественно иное — расширительное значение, выражающее обобщенный признак, свойство, особенность и т. п.

Смещение семантического акцента, возникающее в результате неверного, чисто **формального** орфографирования составных терминов, неизбежно приводит в них к неоправданным и **принципиально** неприемлемым смысловым сдвигам.

Таким образом, значение правильного орфографирования составных терминов выходит далеко за пределы одних лишь орфографических проблем и обычного формального уточнения орфографических норм.

К каким серьезным «семантическим последствиям», имеющим глубоко принципиальное значение, не ограничивающееся только областью языка, приводит иной раз указанное выше неверное орфографирование составных терминов — можно продемонстрировать на примере таких сочетаний, как *Азәрбајҹан халғы* 'азербайджанский народ', *Азәрбајҹан дили* 'азербайджанский язык', *Азәрбајҹан мусигиси* 'азербайджанская музыка' и многих других, созданных по этой же модели, то есть всех сложных терминов с компонентом *Азәрбајҹан*, выступающим в этих случаях в значении прилагательного — «азербайджанский».

Как видно из указанных примеров, во всех этих терминах слово *Азәрбајҹан*, согласно современным нормам орфографии, пишется с прописной буквы, что и приводит к неоправданному искажению их значения, выражающемуся в ошибочном акцентировании территориального признака в семантике этих сочетаний.

Какие же причины привели к образованию этих, ущербных с семантической точки зрения, терминов и почему ныне принятое их написание не может считаться удовлетворительным и приемлемым?

Чтобы ответить на эти «сакраментальные» вопросы, необходимо несколько углубиться в историю.

Первоначальное самоназвание азербайджанского народа *түрк халгы* 'тюркский народ', 'тюрки' и его языка *түрк дили* 'тюркский язык' было не совсем удачным хотя бы уже потому, что **тюркскими** или **тюркоязычными** были и все другие народы многочисленной тюркоязычной семьи. К тому же со временем термины *түрклар* 'турки' и *түрк дили* 'турецкий язык' закрепились за наиболее многочисленным из тюркоязычных народов — анатолийскими турками и их языком — турецким. Необходимо при этом иметь в виду, что в самих тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, как известно, нет дифференциации, существующей, например, в русском языке: «тюрки» — «турки», «тюрок» — «турок», «тюркский» — «турецкий».

Показательным является и то, что известные трудности с наименованием азербайджанского народа и его языка возникали еще в царское время после присоединения в первой трети XIX века Азербайджана к России. В те годы в употреблении попеременно были такие термины, как «татары», «закавказские (или кавказские) татары (или тюрки, или мусульмане)» и т. д.

В послереволюционные годы азербайджанцев, исходя из их старого самоназвания, стали официально именовать «тюрьками» (*түрклар*), а азербайджанский язык — «тюркским» (*түрк дили*). Но указанные выше недостатки этих терминов с течением времени проявлялись все реальнее, и в дальнейшем, как известно, их заменили соответственно «азербайджанский народ» (*Азәрбајҹан халгы*) и «азербайджанский язык» (*Азәрбајҹан дили*), что, несомненно, является исторической заслугой Советской власти. Однако то, что компонентом этих азербайджанских терминов стал топоним *Азәрбајҹан*, выдвинуло ряд новых проблем, правда, уже несколько иного характера.

Если на русском языке термины, включающие слово «Азербайджан», звучали совершенно естественно и не приводили ни к каким осложнениям — ни семантическим, ни орфографическим, — то на азербайджанском языке такие осложнения, к сожалению, возникали.

На азербайджанском языке в термине *Азәрбајҹан дили* (также как в термине *Азәрбајҹан халгы* и т. д.) первый компонент *Азәрбајҹан*, как уже отмечалось, пишется, согласно нормам действующей орфографии, только с прописной буквы, и поэтому он, естественно, воспринимается не как **определение** (или «прилагательное»), указывающее на национальную принадлежность языка, а как **название республики**, в которой этот язык распространен, то есть — на территорию его локализации. И смысл этого сочетания на русском языке, по-видимому, наиболее точно выражают слова: «язык Азербайджана». Но ведь язык — не территориальный, а национальный признак, и принадлежит он не территории, а нации.

Таким образом, принятое ныне написание названия азербайджанского языка на самом азербайджанском языке содержит серьезное внутреннее противоречие в связи с тем, что **этнонимический** признак в нем подменен **топонимическим**, или, иными словами, **национальный** признак — **территориальным**. Насколько нам известно, ни один другой национальный язык не находится в столь, скажем прямо, «шекотливом» положении. Ни одному азербайджанцу, например, не придет в голову называть армянский язык (*ермәни дили*) — *Ермәнистан дили* 'язык Армении', грузинский (*журчү дили*) — *Журчүстан дили* 'язык Грузии', не-

мецкий (*алман дили*) — *Алманија дили* 'язык Германии' и т. д. Подобные сочетания звучат крайне искусственно и надуманно, не говоря уже о том, что они неверны и ошибочны по существу. И только потому, что мы просто привыкли и притерпелись как к чему-то само собой разумеющемуся и единственно возможному, такого же чувства протеста не вызывает у нас нынешнее **написание** названия азербайджанского языка, составленное по аналогичной модели. И все же следует признать, что где-то в глубине души азербайджанцы с этим никак окончательно примириться не могут, и червь сомнения время от времени дает им о себе знать. Ведь нельзя же, в самом деле, считать случайным тот факт, что всего несколько лет тому назад вошло в обиход сочетание *азэри дили* в значении «азербайджанский язык», *азэри халгы* — в значении «азербайджанский народ» и т. д.

Термин *азэри* стал в то время частым гостем на страницах прессы, был в ходу на радио и телевидении и т. д. Хотя он вскоре был признан ошибочным и от него своевременно отказались, само его появление уже говорило об определенной «неполноценности», о каком-то «неблагополучии» существующих терминов, и игнорировать этот весьма красноречивый и показательный симптом было бы, конечно, наивно и недальновидно.

Следует, однако, со всей определенностью и категоричностью подчеркнуть, что сами по себе термины *Азэрбајчан халгы*, *Азэрбајчан дили*, *Азэрбајчан мусигиси* и т. п. в устной речи, так сказать, в «произносительном варианте» никаких возражений не вызывают и должны быть признаны во всех отношениях безусловно удачными и оправданными. Возражение вызывает **только их неправильное написание**, приводящее к указанному выше досадному смещению смысла, искажающему вкладываемое в них содержание. Речь, таким образом, в данном случае идет лишь о приведении **написания** терминов в соответствие с вкладываемым в них содержанием.

Чтобы устранить указанный недостаток названных терминов, достаточно только правильно орфографировать их написание. А именно: такие сочетания, как *азэрбајчан халгы*, *азэрбајчан дили*, *азэрбајчан мусигиси* и аналогичные им, в которых слово *азэрбајчан* выступает **фактически** в функции определения или прилагательного, следует писать не с **прописной**, как это сейчас принято, а со **строчной** буквы. Тем самым будет недвусмысленно подчеркнуто, что слово *азэрбајчан* в этих сочетаниях является **этнонимом**, обозначающим название национальности и народа, а не **топонимом** — названием республики. Глубоким заблуждением следует признать распространенное среди азербайджанских языковедов мнение, что слово *азэрбајчан* при всех случаях является названием республики, а значит должно поэтому орфографироваться только с прописной буквы.

Совершенно неосновательными должны считаться и возможные опасения, что написание слова *азэрбајчан* впредь, в зависимости от вкладываемого в него смысла, затруднит усвоение правописания учащимися и приведет к орфографической путанице. Думается, как раз наоборот, учащиеся теперь уже должны будут писать это слово не механически, а осмысленно: там, где речь пойдет о территории — с прописной буквы, а там, где — о национальной принадлежности или национальном признаке — со строчной.

Подобное, так сказать, «семантическое» орфографирование многозначных слов давно и широко практикуется во многих языках, в том числе и в русском. Например, слово «советы» в сочетании «Советская власть» пишется с прописной буквы, ибо здесь оно обозначает название власти, а в сочетаниях «советские органы», «советский характер» и

т. п. — уже со строчной буквы, как слово определяющее, прилагательное. Слово «союз» пишется с прописной, если обозначает страну («у нас в Союзе»), и со строчной, когда употребляется в прямом смысле. Даже собственные имена, в том числе такие, как «Дон Жуан», «Дон Кихот», «Панама», обычно пишутся, естественно, с прописной буквы, употребляясь в качестве нарицательных, пишутся уже со строчной. И таких примеров можно привести бесчисленное множество. Поэтому дифференцированное орфографирование слова *азербайжан* никакого вреда правописанию причинить не может.

При этом нельзя не подчеркнуть особо, что замена в приведенных выше сочетаниях прописной буквы на строчную носит отнюдь не формальный, а **глубоко принципиальный** характер: благодаря тому, что *азербайжан* при новом орфографировании приобретает расширительное толкование, народ и нация при этом (подчеркиваем: на письме!) именуется уже **непосредственно**, а не при **посредстве названия республики**, как это было, к сожалению, до сих пор. О важности этого факта много говорить не приходится.

Каждая нация, каждый народ и его язык имеют свои собственные индивидуальные наименования. И азербайджанский народ, азербайджанская нация и ее язык не составляют в этом отношении исключения. Однако вошедшее в практику неудачное орфографирование соответствующих терминов, выражающих эти понятия, лишает их семантической четкости и делает расплывчатыми и двусмысленными. Предлагаемое нами изменение в орфографировании указанных терминов направлено на устранение этого недостатка. И именно в этом заключается его принципиальное значение.

Существующая практика правописания на азербайджанском языке нередко приводит и к различным несуразностям. Так, например, во фразе, где перечисляются по какому-либо поводу названия разных народов или их языков и т. п., все они, как правило, пишутся со строчных букв и только азербайджанского (и еще некоторых, но об этом ниже) — с прописной. Согласимся, что выглядит это несколько странно — и зрительно, и по существу. Обычно по названию страны именуют языки в тех случаях, когда подлинные названия их еще неизвестны. Включение в этот ряд своего собственного родного языка ничем, конечно, оправдано быть не может. При новом орфографировании подобного недоразумения уже не возникнет.

Нельзя не сказать и о том, что недостатком существующих терминов *Азэрбайжан халгы*, *Азэрбайжан дили* и т. п. является также отсутствие элементарной последовательности в их орфографировании. Поскольку в них слово *Азэрбайжан* выступает в качестве названия республики (а на это указывает прописная буква!), постольку компоненты этих терминов, строго говоря, должны были бы быть согласованы между собой: *Азэрбайжанын халгы*, *Азэрбайжанын дили* и т. д. Однако это слишком резко подчеркивало бы территориальную сущность термина, в ущерб национальной, что, безусловно, не входит ни в чьи намерения. Видимо, именно поэтому согласование сознательно было принесено в жертву, и в результате образовались распространенные ныне компромиссные гибридные «территориально-национальные» термины *Азэрбайжан халгы*, *Азэрбайжан дили* и другие. Теперь уже, думается, настало время сделать следующий логический шаг и заменить в первом компоненте этих терминов — **топониме** *Азэрбайжан* прописную букву на строчную, тем самым признав и узаконив его переход в новое качество **этнонима**.

Обычным и естественным путем образования наименований территориального объединения, области, республики, страны является перенесение на них названия населяющих их этносов. Однако, по-видимому,

возможны и отступления от данного классического правила, когда в силу тех или иных конкретных исторических обстоятельств последовательность этого естественного процесса нарушается. Предложенное выше орфографирование узаконивает и обратный процесс: народ, нация, этнос получают свое название по исторически сложившемуся названию своей древней родины.

Все сказанное по поводу орфографирования составных терминов с компонентом *Азәрбајҹан* полностью может быть отнесено и к терминам с компонентом *Украјна*.

Согласно действующим нормам правописания современного азербайджанского языка сочетания *Украјна халғы* 'украинский народ', *Украјна дили* 'украинский язык' и т. д. пишутся во всех случаях с прописной буквы, что, как мы уже знаем, неправильно базирует семантику терминов на территориальном или топонимическом признаке, в ущерб необходимому в данном случае национальному или этнонимическому.

Чтобы устранить этот недостаток терминов с компонентом *Украјна*, так же следует ввести орфографирование со строчной буквы: *украјна халғы*, *украјна дили* и т. д. Однако здесь и этого недостаточно, ибо духу азербайджанского языка и предложенному нами принципу орфографирования более соответствует написание: *украјын халғы*, *украјын дили* и т. д. (хотя бы по аналогии: *белорус халғы* 'белорусский народ', *белорус дили* 'белорусский язык' и т. д.). При таком орфографировании в терминах будет доминировать уже не территориальный, а нужный здесь национальный признак.

Как мы видим, подобное «недоразумение» с орфографированием указанных составных терминов возникает во всех тех случаях, когда в данном языке отсутствует соответствующий этноним и вместо него приходится «приспосабливать» топоним. Введение же нового орфографирования устраняет это «недоразумение», связанное с такой «подменой».

В связи с поставленным нами вопросом орфографирования составных терминов с именем собственным, обратимся к примерам несколько иного характера, хотя бы из области азербайджанской диалектологии. По традиции каждый диалект именуется по названию наиболее крупного административного центра его ареала. Например: *Бақы диалекти*, *Губа диалекти*, *Шәки диалекти* и т. д. Во всех этих наименованиях определение, персонифицирующее диалект и совпадающее с названием административного центра ареала, пишется с прописной буквы. Следует учитывать, что здесь название города не указывает на территорию локализации диалекта, а только символизирует совокупность определенных диалектных свойств, характерных для данного ареала, административным центром которого является названный город.

Согласно принятому в настоящее время написанию, например, *Губа диалекти* (подчеркиваем: с прописной буквы!) получается, что на этом диалекте говорят только в самой Кубе, ибо *Губа диалекти* — это «диалект Кубы». А ведь термин вовсе не это призван выражать. Наоборот, кубинский диалект изучается главным образом в окрестных, а еще лучше — в отдаленных от Кубы селах региона, где диалектные черты, естественно, находятся в большей сохранности и меньше нивелируются.

Таким образом, в названии *Губа диалекти* (как и во всех остальных идентичных случаях) слово *губа* должно выступать не в качестве названия города, что неизбежно происходит при написании его с прописной буквы, а в качестве названия самого диалекта, что достигается путем написания его со строчной буквы: *губа диалекти* 'кубинский диалект', *бақы диалекти* 'бакинский диалект' и т. д.

На доказательстве закономерности и целесообразности подобного написания и восприятия здесь нет необходимости останавливаться под-

робно, ибо оно совершенно аналогично приведенному в связи с орфографированием названий, включающих компонент *азербайжан*.

Предлагаемый нами принцип орфографирования составных или сложных терминов, компонентом которых является **любое имя собственное, выступающее в функции прилагательного**, — универсален и может быть с успехом распространен на все термины, образованные по данной модели, например: *исвеч чибини* (со строчной!) 'шведская мушка', *голланд пендири* (со строчной!) 'голландский сыр' (а не *голландија пендири* 'сыр Голландии!'), *америка мусигиси* (со строчной!) 'американская музыка', *вјетнам едѣбијјаты* (со строчной!) 'вьетнамская литература' и т. д. и т. п.

В определенной связи с рассмотренной выше проблемой орфографирования составных терминов находится и вопрос правописания терминов, указывающих на национальную принадлежность.

В настоящее время подобные термины в азербайджанском языке в основном подразделяются на две группы. К первой из них, более многочисленной, относятся термины, восходящие к соответствующим **этнонимам**, например: *өзбэк* 'узбек', *түркмән* 'туркмен', *ермәни* 'армянин', *рус* 'русский', *франсыз* 'француз', *инкилис* 'англичанин' и т. д.

Образование и функционирование подобных терминов во всех отношениях оправдано и закономерно, и они никаких проблем не создают.

Ко второй группе терминов, указывающих на национальную принадлежность, относятся образованные, в отличие от первой группы, не от этнонимов, а от **топонимов** — названий стран, государств, республик и т. д., основное население которых составляет данный народ или нация; например: *голландијалы* 'голландец' (от топонима *голландија*), *корейалы* 'кореец' (от — *Кореја*), *вјетнамлы* 'вьетнамец' (от — *Вјетнам*), *украјналы* 'украинец' (от — *Украјна*), *азербайжанлы* 'азербайджанец' (от — *Азербайжан*) и т. д. (Переводы терминов здесь и в следующем абзаце даются в соответствии с тем содержанием, которое в них вкладывается в настоящее время).

Возникновение подобных терминов объясняется, по-видимому, размещением отсутствующего в языке (в данном случае — азербайджанском) необходимого **этнонима** соответствующим **топонимом**, выступающим в связи с этим в несвойственной ему «роли этнонима». При чем образование терминов данной группы происходит по довольно простой модели: «название страны (республики) + аффикс -лы, -ли»; например: *Ирландија+лы=ирландијалы* 'ирландец', *Вјетнам+лы=вјетнамлы* 'вьетнамец', *Украјна+лы=украјналы* 'украинец', *Азербайжан+лы=азербайжанлы* 'азербайджанец' и т. д.

Однако подобные термины, возникшие, по-видимому, в силу необходимости, к сожалению, не вполне отвечают своему назначению. Дело в том, что термины, образованные по данной модели, фактически указывают не национальную принадлежность, а место проживания или происхождения лица, его гражданство, ибо они отвечают на вопрос: *һаралы?* 'откуда родом?', но не: *ким?* 'кто?'. Подтвердим это примерами: *ирландијалы* — это не «ирландец», а только «выходец из Ирландии», *испанијалы* — это не «испанец», а только «выходец из Испании», *украјналы* — это не «украинец», а только «выходец из Украины», *азербайжанлы* — это не «азербайджанец», а только «выходец из Азербайджана» и т. д. Совершенно очевидно, что эти термины могут быть отнесены ко всем жителям данных стран и республик, независимо от их национальной принадлежности. Таким образом, здесь **национальный** признак подменен **территориальным**. Поэтому в настоящем виде данные термины внутренне противоречивы, или, во всяком случае, **двусмысленны**, что и является их серьезным недостатком.

Судя по всему, эти последние термины, восходящие к топонимам, являются **переходными** и со временем будут закономерно вытеснены более соответствующими требованиям и духу языка — «этнонимическими», по образцу приведенной выше первой группы. Попытаемся предположить направление развития этого процесса и предложить методы его ускорения.

Анализ терминов первой группы показывает, что они составляют основную часть названия страны или республики, образующегося посредством наращенного к ним форманта *-ија*, *-ијә* и т. д., например: *болгар* + *-ија* = *Болгарија*, *алман* + *-ија* = *Алманија*, *монгол* + *-ија* = *Монголија*, *турк* + *-ијә* = *Туркијә* и т. д.

Другая часть терминов первой группы образовалась путем «тюркизации» русских наименований: *италјан* — от «итальянец», *американ* — от «американец», *полјак* — от «поляк», *франсыз* — от «француз» и т. д.

Сам собой напрашивается вывод, что для устранения указанного выше недостатка терминов второй группы во многих случаях можно воспользоваться моделью образования большей части терминов первой группы, то есть, если путем добавления к терминам первой группы соответствующих формантов (*-ија*, *-ијә* и т. д.) были образованы названия различных стран и республик, то обратным действием: посредством отсечения подобных элементов от существующих аналогичных топонимических наименований — можно «реконструировать» соответствующие этнонимические термины, указывающие на национальную принадлежность; например: *Испанија* — *-ија* = *испан* «испанец», *Холландија* — *-ија* = *холланд* «голландец», *Ирландија* — *-ија* = *ирланд* «ирландец» и т. д.

В тех же случаях, когда термин, указывающий на национальную принадлежность, был образован по модели: «название страны + аффикс *-лы*, *-ли*» (например: *хинд* + *ли* = *хиндли* фактич. «выходец из Индии», *Чин* + *ли* = *чинли* «выходец из Китая», *Исвеч* + *ли* = *исвечли* «выходец из Швеции», *Азәрбајҹан* + *лы* = *азәрбајҹанлы* «выходец из Азербайджана» и т. д.), причем название страны завершается **согласной** буквой, — для образования нужного термина достаточно только отсечь ранее наращенный аффикс; например: *хиндли* «выходец из Индии» — *-ли* = *хинд* «индеец», *чинли* «выходец из Китая» — *-ли* = *чин* «китаец», *исвечли* «выходец из Швеции» — *-ли* = *исвеч* «швед», *азәрбајҹанлы* «выходец из Азербайджана» — *-лы* = *азәрбајҹан* «азербайджанец» и т. д. Образование этих терминов не менее естественно, чем давно функционирующих в языке: *алман* «немец», *әфган* «афганец» и т. п.

Однако возможны отдельные случаи, когда данный метод оказывается неприменимым, как, например, в случаях с терминами: *данијалы* «выходец из Дании», *бирмалы* «выходец из Бирмы», *литвалы* «выходец из Литвы» и т. д. (здесь значащая часть слова оканчивается на гласную). Тогда может быть с успехом использован уже упоминавшийся нами способ «тюркизации» соответствующих русских терминов. Несколько таких, вошедших в практику, примеров приводилось уже нами выше. Так, например, от русского «датчанин» вполне закономерно образуется термин *датчан* в том же значении, от «бирманец» — *бирман*, от «литовец» — *литов* и т. д.

Естественно, на первых порах все эти и приводившиеся выше новые термины будут звучать для нашего слуха несколько непривычно и восприниматься нами, как искусственные, однако со временем, по мере употребления, они вживутся в язык и займут соответствующее место в его словарном составе.

Успешное развитие и завершение процесса правильного орфографирования затронутых нами терминов приведет к их семантической

дифференциации, а следовательно, и к общему обогащению терминологического фонда языка. В подтверждение сказанного приведем хотя бы несколько характерных примеров. Если в настоящее время термин *испанијалы* используется одновременно в двух значениях: и «выходец из Испании» и «испанец», *холландијалы* — и «выходец из Голландии» и «голландец», *украјналы* — и «выходец из Украины» и «украинец», *азербайжанлы* — и «выходец из Азербайджана» и «азербайджанец» и т. д., то при предложенном нами орфографировании произойдет необходимая дифференциация: *испанијалы* будет означать «выходец из Испании», а *испан* — «испанец», *холландијалы* — «выходец из Голландии», а *голланд* — «голландец», *украјналы* — «выходец из Украины», а *украјын* — «украинец», *азербайжанлы* — «выходец из Азербайджана», а *азербайжан* — «азербайджанец» и т. д.

Язык, как известно, это — всегда живая, непрерывно развивающаяся и изменяющаяся система, чутко реагирующая на все веления и требования времени. Поэтому, если естественный ход развития языка подсказывает необходимость введения новых норм, чем-то обогащающих его выразительные возможности на данном этапе, то этим следует разумно и без робости пользоваться.

Думается, что предложенный нами здесь метод орфографирования составных терминов, компонентом которых является имя собственное, а также терминов, указывающих на национальную принадлежность, может быть в соответствующих случаях использован и в других тюркских языках, способствуя, хочется верить, уточнению и дальнейшему совершенствованию их орфографических норм, прежде всего в области терминологии.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. Н. КОНОНОВ

ИЗ ИСТОРИИ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Навент sua fata libelli!
Воистину, книги имеют свою судьбу!

Здесь речь пойдет о судьбе книги, на титульном листе которой написано: «Татарская грамматика кавказского наречия. Составлена Т. Макаровым. Тифлис. В типографии Канцелярии Наместника Кавказского, 1848 (VII, 144 с.)».

Об авторе этой грамматики — Тимофее Макарове — известно немного: в 1840 году он окончил Астраханскую гимназию, где изучал «татарский» (по всей вероятности, имелся в виду язык астраханских татар), затем «слушал лекции в Императорском Санктпетербургском университете». Известно также, что коллежский регистратор Макаров служил в Новочеркасской и Тифлисской гимназиях в должности старшего преподавателя «татарского» языка¹.

«В четырехлетнее мое пребывание на Кавказе, — писал Т. Макаров в своей грамматике, — ... исправляя должность письменного переводчика на Кумыкской плоскости и в Ставрополе, ... я старался составить какое-либо руководство, для изучения народного общеупотребительного языка и приняв в основание, что не грамматика создает язык, а язык грамматику, я прежде всего хотел войти в близкое и тесное сношение с народом, дабы изучить его, привыкнуть к его привычкам, жить его жизнью, — в чем я почти и успел» (стр. III—IV).

О каком же тюркском языке идет речь в «Татарской грамматике кавказского наречия» Т. Макарова? На этот вопрос отвечает сам автор: «Из племен, говорящих татарским языком, мне более всех понравились кумыки, как по определенности и точности языка, так и по близости к европейской цивилизации, но главное, я имел в виду то, что они живут на Левом фланге Кавказской линии, где у нас военные действия и где все племена, кроме своего языка, говорят и по-кумыкски» (стр. IV). И далее: «Произношение слов в этой Грамматике принято кумыкское...» (стр. 2).

В соответствии с установившейся традицией, восходящей к автору татарской грамматики (тобольского наречия) И. И. Гиганова (ум. в 1800 г.)², Т. Макаров многие грамматические правила излагает в сравнительно-сопоставительном плане с данными азербайджанского («адер-

¹ См.: «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период». М., 1974, стр. 208—209.

² «Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым и мullahами юртовскими свидетельствованная». СПб., 1801.

биджанского»), турецкого, ногойского, татарского и, в отдельных случаях, киргизского (казахского) языков.

На стр. 16—17 приведен текст арабскими буквами и русской транскрипцией для упражнения в чтении по-кавказски (то есть по-кумыкски) и по-адербиджански (то есть по-азербайджански).

Преимущественное внимание к двум названным языкам объясняется тем, что кумыкский язык (древнейший из тюркских языков Северного Кавказа) для Северного Кавказа, равно как и азербайджанский язык для Закавказья, были своеобразными *Lingua franca*.

Эту весьма обстоятельную для своего времени работу — первый опыт систематического изложения грамматического строя кумыкского языка — постигла горькая судьба забвения, несмотря на то, что современник автора, санскритолог и тюрколог, академик О. Н. Бётлингк (1815—1904) написал подробный разбор этого труда Т. Макарова³. Рецензия О. Н. Бётлингка затерялась на страницах почтенного академического журнала и осталась (как ни странно!), неизвестной тюркологам.

Единственное упоминание о грамматике Т. Макарова в связи с одним частным случаем — по поводу так называемого «Действительного интенсивного причастия» (форма на *-aγan*) встречается в докторской диссертации П. М. Мелиоранского «Араб-филолог о турецком языке» (СПб., 1900, стр. LX, LXII); причем П. М. Мелиоранский, всегда точный в своих цитациях, на этот раз ошибся, утверждая, что «г. Макаров уверяет (на стр. 58. — А. К.), что в кумыкском наречии эта форма есть просто причастие настоящего времени и может быть образована от любого глагола наравне с другими формами спряжения» (стр. LX).

В действительности же Т. Макаров приводит (стр. 56, 76, 105) примеры на названную форму без всякого объяснения и не утверждает, что эта форма может быть образована от любого глагола наравне с другими формами спряжения.

Н. К. Дмитриев повторяет (без ссылки) приведенную выше цитату из работы П. М. Мелиоранского⁴. Крайне удивительно, что Н. К. Дмитриев в другой своей работе⁵, перечисляя даже архивные материалы по кумыкскому языку, не упоминает о грамматике Т. Макарова. Вот еще подтверждение печальной судьбы книги Т. Макарова: «Вряд ли будет ошибкой, — писал один из первых исследователей кумыкского языка, профессор Бакинского университета Бекир Чобанзаде, — если скажем, что первое сообщение о кумыкском языке имеется только в „Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа“ (Изд. 1881—1894)»⁶.

А. А. Сатыбалов, ученик Н. К. Дмитриева и его информант по кумыкскому языку, питомец Ленинградского Восточного Института (выпуск 1929 г.), в своей обстоятельной статье «К вопросу об изучении говоров кумыкского языка»⁷ также не упоминает грамматику Т. Макарова.

К сожалению, и в работах других авторов, посвященных кумыкскому языку, нам не приходилось встречать упоминаний о грамматике Т. Макарова или ссылок на нее, о чем приходится горько сожалеть: не-

³ О. Böhlingk. Zur türkisch-tatarischen Grammatik. — «Mélanges Asiatiques». Т. I, St.-Pb., 1852, стр. 127—141.

⁴ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 156.

⁵ Н. К. Дмитриев. Из истории русского кумыковедения. — «Вестник Академии наук СССР», 1948, № 5, стр. 107—108.

⁶ Б. Чобанзаде. Предварительное сообщение о кумыкском наречии. Баку, 1926, стр. 4.

⁷ См.: «Советское языкознание». Том четвертый, Л., 1937, стр. 105—114.

внимание к трудам предшественников неизбежно ведет к утрате необходимой и столь важной для развития науки преемственности.

Может быть, специалисты по кумыкскому языку были введены в заблуждение тем обстоятельством, что А. Е. Крымский⁸ грамматику Т. Макарова причислил к пособиям по азербайджанскому языку; эту же ошибку повторил пишущий эти строки⁹. Следует отметить, что специалисты по азербайджанскому языку обходят молчанием труд Т. Макарова.

Хочется надеяться, что кумыковеды по достоинству оценят книгу Т. Макарова, представляющую немалый интерес как для истории кумыкского языка (для которого грамматика Т. Макарова является едва ли не единственным точно датированным источником), так и для истории кумыковедения в России.

⁸ А. Крымський. Тюрки, їх мови та літератури. Твори в п'яти томах. Том четвертий. Київ, 1974, стр. 493. Первое издание. Київ, 1930.

⁹ См.: А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972, стр. 197, 204.

Г. Д. АЖИБЕКОВА

МЕСТО ПЛЕОНАЗМОВ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ЯЗЫКОВОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ

(НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА)

Проблема плеоназмов является одной из малоизученных в языкознании. В тюркологии же, в частности в казахском языкознании, она, можно сказать, до сих пор не рассматривалась. В тюркологических работах этот термин, насколько нам известно, встречается лишь в статье Г. Ф. Благовой, посвященной аффиксальным плеоназмам в тюркских языках¹.

Несмотря на отсутствие специальных исследований по этой проблеме, в работах ряда тюркологов (С. К. Кенесбаева², А. Болганбаева³, М. И. Адилова⁴, А. Нажимов⁵, Т. Коньрова⁶ и др.) отмечались отдельные особенности плеонастических сочетаний.

А. Болганбаев в своей работе, посвященной синонимике имени существительного в казахском языке, различает плеоназмы и синонимичные парные слова, указывая при этом, что «изучение роли плеоназмов в языке, их способов образования имеет большое теоретическое и практическое значение», и что «тема эта потребует самостоятельной разработки»⁷.

В славистике плеоназмы рассматриваются попутно с изучением других средств выражения избыточности в речи⁸.

Относительно подробно эта проблема исследована в германском языкознании, в частности на материале немецкого языка, в статьях

¹ Г. Ф. Благова. Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении. — «Вопросы языкознания», 1968, № 6, стр. 81—97.

² С. К. Кенесбаев. Фразеологический словарь казахского языка. Алма-Ата, 1977, стр. 591.

³ А. Болганбаев. Синонимика имени существительного в казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1955, стр. 5.

⁴ М. И. Адилов. Система повторов в азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1968, стр. 5.

⁵ А. Нажимов. Способы образования парных и парно-повторных слов в каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1971, стр. 8.

⁶ Т. Коньров. Образно-речевые средства в поэзии Сакена Сейфулина. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1966, стр. 8.

⁷ А. Болганбаев. Указ. раб., стр. 5.

⁸ См., например: О. А. Никитина. Слова-паразиты, плеоназм, тавтология и другие излишества разговорной речи. — В сб.: «Теория и практика лингвистического описания разговорной речи». Горький, 1968, стр. 154—157; А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968, стр. 307.

А. М. Бушуй⁹ и А. Зайбека¹⁰. Последний делает попытку разграничения понятий «плеоназм» и «тавтология» с целью уточнения определения плеоназма.

Экономия и избыточность речи, их постоянное противоборство — одно из условий развития языка. По словам А. Мартине, «языковая эволюция вообще определяется постоянным противоречием между присущими человеку потребностями общения и выражения и его стремлением свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность»¹¹.

Языковая избыточность в сравнении с языковой экономией менее изучена. О причинах языковой избыточности Б. А. Серебренников пишет: «Эта тенденция не представляет чего-либо странного и необычного. Она порождается самой функцией общения. Говорящий на том или ином языке заинтересован в том, чтобы окружающие его поняли»¹².

О. С. Ахманова разделяет эту точку зрения, полагая, что избыточность необходима для «увеличения надежности сообщения»¹³. Существует предположение, что «языковая избыточность обуславливается эмоциональностью и спонтанностью»¹⁴. Различают также виды избыточности в речи в зависимости от коммуникативной задачи¹⁵.

Явление избыточности в языке и речи зависит от многих как внутриязыковых, так и экстралингвистических факторов. Поэтому при изучении отдельных средств выражения избыточности важно строго определить их принадлежность либо языку, либо только речи, ибо роль каждого из них далеко не одинакова. Ср. выражения: *бір минут уақыт* 'одна минута времени' и *жыл он екі ай* 'круглый год', *қырық күн шілде* 'сорок жарких дней', *керемет көркем* 'особенно красивый'.

Плеоназмы, как известно, являются одним из проявлений избыточности речи. Несмотря на многочисленность и большую частотность плеоназмов в различных языках, в науке пока еще нет общепринятой теории плеоназмов, что связано с неоднозначным, а порой и противоречивым характером осмысления данного лингвистического явления в языкознании. В современной лингвистической литературе термин «плеоназм» часто выступает синонимом обозначения различных средств проявления избыточности в языке и речи, таких, как: тавтология, диттология, периссология¹⁶, батталогия, повтор, редупликация, парные и парноповторные слова, удвоение, гендиадис, дублеты, интенсив, однородные члены предложения и т. д. Все эти термины далеко не однозначны и каждый из них имеет свои особенности и свое точное значение, хотя в

⁹ А. М. Бушуй. Некоторые лексико-грамматические плеонастические и тавтологические конструкции в современном немецком языке. — В сб.: «Язык и литература». Материалы II Республиканской научно-теоретической конференции молодых ученых и аспирантов, посвященной 50-летию Ленинского комсомола. Самарканд, 1969, стр. 42—63.

¹⁰ W. Seibicke. Pleonasmus und Tautologie. — «Muttersprache». Lüneburg, 1960 № 6, стр. 183—186.

¹¹ А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 126.

¹² Б. А. Серебренников. Об относительной самостоятельности развития системы языка. М., 1968, стр. 82. См. об этом также: С. Д. Кацнельсон. Порождающая прагматика и принцип деривации. — В кн.: «Проблемы языкознания». М., 1967, стр. 22; А. И. Ройзензон. Редупликация и принцип экономии речи. — В сб.: «Материалы XXIV научной конференции профессорско-преподавательского состава СамГУ им Навои. Серия филологических наук». Самарканд, 1968, стр. 330—331.

¹³ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 167.

¹⁴ Н. В. Глаголев. Языковая экономия и языковая избыточность в синтаксисе разговорной речи. Автореф. канд. дисс. М., 1967, стр. 10.

¹⁵ Там же, стр. 18.

¹⁶ В словаре Ж. Марузо встречается двоякое толкование термина «периссология»: в одном случае он толкуется узко как «разновидность плеоназма», в другом — более широко на основе перевода этого слова с греческого языка *perisso-logia* («избыток выражения, не необходимый с точки зрения передачи понятия»). См. об этом: Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. М., 1970, стр. 211 и 208.

языке их часто смешивают из-за отсутствия четких критериев их разграничения и единого определения.

Плеоназм (греческое *pleonasmos* 'избыток', 'излишество') в большинстве случаев отождествляется с избыточностью за счет использования равнозначных (однозначных) элементов¹⁷, причем часто обращаясь к его буквальному переводу с греческого языка¹⁸. Понятие «плеоназм», «плеонастическое сочетание» трактуется либо слишком узко, либо слишком широко. Так, в работах М. И. Адилова и А. М. Бушуй дано его широкое толкование: «повтор одного и того же значения разными языковыми единицами»¹⁹ или «собственно редундантность, избыточность вообще любого рода»²⁰. Даже если принять сравнительно более конкретное толкование термина «плеоназм», предложенное М. И. Адиловым, то и тогда не представляется возможным отграничить плеоназмы от парных слов. С другой стороны, термин «плеоназм» иногда толкуется очень узко. Так, А. Болганбаев считает, что плеонастическими могут называться лишь те сочетания, в которых «составные части сочетания не теряют своих основных значений, а значение одной части дополняет и усиливает значение другой»²¹ и тем самым исключает возможность этимологической затемненности или семантического сдвига внутри значений одного или обоих элементов сочетания, как, например, в сочетаниях: *қара сия* 'черные чернила', *тоғайлы орман* 'всякий лес вдоль берегов'. В первом словосочетании слово *сия* 'чернила' восходит к персидскому *sijah* 'черный цвет'²², то есть цвет туши или чернил. В тюркские языки это слово вошло в формах: каз. *сия*, узб. *сийх*, уйг. *сия* и т. д. и закрепилось в значении «чернила», утратив значение «черный». Во втором словосочетании слова *тоғай* и *орман* в казахском языке употребляются в значении «лес» без особой семантической дифференциации. Но они могут стоять рядом в сочетании *тоғайлы орман*, которое в специальной научной литературе переводится как «тугайный лес» с пояснением: «пойменные леса, произрастающие вдоль берегов рек, протекающих через пустыни, они состоят из мелких пород». В общенародном языке это словосочетание означает «всякий лес на побережье» (но не «лесной лес»).

Думается, что основным признаком плеонастического сочетания является не способ выражения или оформления сочетающихся элементов, а их определенная семантическая соотнесенность, то есть атрибутивно-определяющее отношение. Так, плеонастическими могут быть сочетания слов как одной (*ақ боз* 'белый, серый', *көк зеңгір* 'сине-голубой', *саптама етік* 'сапоги с длинными голенищами', *құр бекер* 'просто-напросто'), так и разных частей речи (*кәрі шал* 'пожилой старик', *жас нәресте* 'младенец', *мұратты арман* 'заветное желание, мечта'). Однако первый элемент подобных сочетаний всегда является грамматическим определением второго, несущего основную номинативную нагрузку, и

¹⁷ «Словарь современного русского литературного языка», т. IX. М.—Л., 1959, ст. 1380; С. К. Кенесбаев. Указ. раб.; Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Словарь лингвистических терминов. М., 1976, стр. 286; «Deutschen Philologie von Neuwald. — Ristow (Lahr)». Baden, 1954, стр. 109.

¹⁸ Ж. Марузо. Указ. словарь, стр. 211; Gero von Wilpert. Sachwörterbuch der Literatur, Stuttgart, 1959, стр. 621; W. Hirte. Besser Schreiben (Eine Stilkunde für jedermann), Urania—Verlag, Leipzig—Berlin, 1 Aufl., 1964, стр. 55.

¹⁹ М. И. Адилов. Указ. раб., стр. 5.

²⁰ А. М. Бушуй. К теории тавтологии в языкознании. — В сб.: «Язык и литература. Материалы II Республиканской научно-теоретической конференции молодых ученых и аспирантов, посвященной 50-летию Ленинского комсомола», стр. 39.

²¹ А. Болганбаев. Указ. раб., стр. 5.

²² «Персидско-русский словарь». М., 1953, стр. 299.

уточняет, усиливает, выделяет или сужает его значение. Например, плеонастическое сочетание *кемер белбеу* 'ремень с различными металлическими украшениями' имело широкое хождение у казахов в дореволюционный период. Оба компонента этого плеонастического сочетания самостоятельно употребляются в языке, где лексема *кемер*, выражающая более конкретное значение, выделяет и уточняет номинативное обобщенное значение лексемы *белбеу* 'ремень, кушак, пояс (из ремня, материи)'.

Алтын кемер белге сән, ақылды жігіт елге сән (посл.) 'Ремень с золотыми отделками поясицу украшает, умный джигит народ украшает'.

Или же к примеру в плеонастических сочетаниях типа *жас бала* 'малолетний ребенок', *жас ұлан* 'молодое поколение', представляющих собой сочетания с близкими по значению, логически адекватными словами, значение субстантивных лексем *бала* 'ребенок' и *ұлан* 'юноша' повторяется, усиливается близкой по значению адъективной лексемой *жас* 'молодой'.

Таким образом, лексическим плеоназмом является всякое сочетание близких по семантике или синонимике лексем с атрибутивно-определятельными отношениями, при которых обычно первый элемент усиливает, уточняет и поясняет значение второго элемента.

Чаше всего термин «плеоназм» отождествляют с термином «тавтология»²³. Некоторые авторы при трактовке объема содержания данных терминов ошибочно исходят из этимологии их значения²⁴. При чем иногда термину «плеоназм» придается более широкое значение²⁵.

Вслед за О. С. Ахмановой термин «плеоназмы», в отличие от «тавтологии», понимаемой как «неоправданная избыточность речи», толкуется как «постоянное свойство языковой единицы»²⁶. Однако существует и противоположное мнение, согласно которому плеоназм относится к явлениям речи²⁷.

Отнесение плеоназмов к языку позволяет отграничить их от всех «излишних» средств выражения избыточности в речи, ибо в языке ничего лишнего быть не может. Тавтологическая избыточность не оправдана, так как она, помимо того, что не привносит нового значения в семантику выражения, еще и нарушает законы эвфонии, то есть благозвучия. Например: *Мысалы, мынандай мысал келтірейік*, 'например, приведем такой пример'; *бес сом ақша* 'пять рублей денег'; ср. также русск. «побежал бегом», «самый высочайший», «семь человек комсомольцев» и т. д.

Плеоназмы следует отличать и от таких средств выражения избыточности в языке и речи, как повторы. Существуют разные формы повторов, объединяющихся, несмотря на различия в способах образования, в их роли и семантике, в единые системы, такие, например, как: удвоение, редупликация, парно-повторные слова, интенсив, дитология, бат-

²³ Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. Указ. словарь, стр. 286 и 479; «Словарь современного русского литературного языка», т. IX, 1959, ст. 1380; 1963, т. XV, ст. 22; О. А. Никитина. Указ. раб.; Hinsicht Daniel Sanders (Wörterbuch der Hauptschwierigkeiten in der deutschen Sprache), 31 Aufl., Berlin, 1908.

²⁴ E. Riesel. Stilistik der deutschen Sprache. М., 1963, стр. 330; Ж. Марузо. Указ. словарь, стр. 211 и 305.

²⁵ А. М. Бушуй. К теории тавтологии в языкознании, стр. 39; А. А. Потебня. Указ. раб., стр. 307.

²⁶ О. С. Ахманова. Указ. словарь, стр. 325.

²⁷ См., например: Т. Коньоров. Указ. раб., стр. 8; А. И. Аганин. Употребление однокоренных слов в предложении. М., 1965, стр. 3.

талогия и т. д.²⁸ Для всех этих видов повтора свойственно тождество знаменательных или производных форм. Естественно, за плеоназм не следует принимать диттологию²⁹ и батталогию³⁰, так как они построены на звуковом и орфографическом повторе безотносительно к семантике, а в случае парно-повторных слов³¹ (*екі-екіден* 'по два', *есеп-дисап* 'счет, отчет, расчет') и интенсива³² (*сап-сары* 'совершенно желтый', *түп-түзу*, 'совершенно ровный') повторяется одна и та же лексема.

Однако между повторами и плеоназмами есть и пограничные случаи — дублиеты³³. Так, в некоторых сочетаниях, воспринимаемых в современном казахском языке как плеоназм, на самом деле соседствуют гомогенные лексемы, идентичность которых выявляется при их этимологическом анализе. Например, в сочетании *жаңбыр жауу* 'осадки в виде дождя' (досл. 'дождить дождю') оба компонента данного плеонастического сочетания имеют в своей основе гомогенный корень, выступающий в разных фонетических вариантах: *жау* ~ *жаң*, где элемент *жаң* представляет собой модифицированный вариант исконно тюркского глагола *йағ* ~ *жағ*, принявший такую форму в результате обратного воздействия на него последующего грамматического форманта *-мыр*: *йағ* + *мыр* > *йам* + *ғыр* (метатеза), *яғ* + *мыр*.

Таким образом, приведенное словосочетание является этимологическим дублетом, отличающимся от соответствующих плеонастических сочетаний тем, что его компонентами являются однокоренные слова общего происхождения. Компонентами же плеонастических сочетаний являются слова разных корней (*суық аяз* 'холодный мороз', *әдемі әсем* 'красивый, привлекательный'), близких или синонимичных по значению.

С явлением гендиадиса³⁴ (*азаң мен таң* 'раннее утро', *өлең мен ән* 'стихи и песни', *билер мен байлар* 'привилегированный класс') плеоназм

²⁸ Р. А. Аганин. Повторы и устойчивые однородные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1954. Автореф. канд. дисс., стр. 1—18; В. И. Алатырова. Повторы в персидских языках. — «Ученые записки Карело-финского университета», т. II. Петрозаводск, 1947, стр. 155—177; Т. Б. Калабаева. Лексико-грамматическая структура повторов в казахском языке. Автореф. канд. дисс., 1980; А. И. Аганин. Употребление однокоренных слов в предложении, стр. 3—200; Х. Г. Агашев. Синтаксические сочетания однокоренных слов в русском и татарском языках. Автореф. канд. дисс. Казань, 1970, стр. 3—33; А. Е. Кисилев. Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 1—15; М. И. Адилев. Указ. раб.; М. Штейнберг. Редупликация в современном французском языке. Л., 1969, стр. 3—68. О редупликации см. также огромный список литературы, приведенный в монографии шведского языковеда Н. Туна (*N. Thun. Reduplicative words in English. Uppsala, 1963*). Об удвоении см.: J. Gonda. The Function of Words Duplication in Indonesian Languages. *Lingua*, vol. 2. Haarlem, 1949—1950, стр. 170; А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 196; И. В. Арнольд. Лексикология современного английского языка. М., 1959, стр. 182.

²⁹ См. об этом: Ж. Марузо. Указ. словарь, стр. 95.

³⁰ Г. Е. Руснак. Лингво-стилистический аспект тавтологии в молдавском языке. Автореф. канд. дисс. Кишинев, 1971, стр. 7; О. С. Ахманова. Указ. словарь, стр. 63.

³¹ А. Т. Кайдаров. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958, стр. 8; А. Нахимов. Указ. раб., стр. 22—27; Т. Б. Калабаева. Указ. раб., стр. 16—17.

³² Л. В. Воробьева. Средства выражения интенсивности признака, обозначенного именем прилагательным, в современном французском языке. Автореф. канд. дисс. Киев, 1968, стр. 3—15; М. И. Адилев. Указ. раб., стр. 4.

³³ О дублиетах см.: Б. Д. Воробьев. Синонимы-дублиеты в лексике, характеризующие человека. — В сб.: «Слово в системных отношениях», Свердловск, 1979, стр. 46—52; Е. Ф. Дмитриева. Этимологические дублиеты латино-французского происхождения в современном английском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1954, стр. 6; И. В. Арнольд. Указ. раб., стр. 230.

³⁴ Подробно о гендиадисе см.: Ж. Марузо. Указ. словарь, стр. 211; Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 222; О. С. Ахманова. Указ. словарь, стр. 96; W. Seibicke. Pleonasmus und Tautologie, стр. 185.

мы сближает их семантическая структура. В обоих случаях происходит уточнение, сужение, конкретизация основного понятия. Например, в конструкции *бектер мен байлар* общее понятие «привилегированный класс» конкретизируется, уточняется: класс *баев* и *беков*. Однако в синтаксическом плане это совершенно различные явления: гендиадис строится на основе сочинительной связи, а плеоназм — на основе подчинительной.

Отличие плеоназмов от фразеологических сочетаний заключается в том, что фразеологизмы в речи выступают как целостные единицы. В большинстве случаев плеонастические сочетания создаются в процессе речи по существующим в языке моделям. Но иногда фразеологические сочетания могут нести в себе избыточность, то есть выступать как фразеологические плеоназмы. Последние отличаются от обычных плеоназмов своей семантической устойчивостью, постоянством компонентов, готовностью к воспроизводству в речи и свойственной фразеологизмам образностью, идиоматичностью, экспрессивностью. Нефразеологические плеоназмы в основном функционируют в номинативном значении, а их общее значение характеризуется как сумма значений компонентов, и непременно выражает какие-то дополнительные оттенки усиления, уточнения, конкретизации. Как фразеологические, так и нефразеологические плеоназмы обычно не допускают перестановки их компонентов, что объясняется устойчивыми атрибутивно-определятельными семантическими отношениями. Отличить фразеологизм или фразеологический плеоназм от нефразеологического помогает эксперимент опущения. Для фразеологизмов это исключено, а в плеоназме допустимо опущение лишь первого элемента, однако это связано с потерей оттенка значения, степени усиления, конкретизации и т. д. (ср. *қоянжүрек қорқақ* 'трусливый, как заяц', *ашық ауыз аңқау* 'ротозей, раззява', *көзі қарақты* 'сведущий, знающий, наделенный житейской мудростью', *қырмызы қызыл* 'насыщенно красный', *ал қызыл* 'алый красный').

Плеоназмы отличаются и от других языковых единиц, обладающих постоянным свойством излишества, таких, как парные слова. Последние представляют собой сложные слова и формально отличаются написанием через дефис [*бала-шаға* 'дети, домочадцы, семья', *қатын-қалаш* 'женщины (разные по возрасту и положению)', *құл-құтан* 'рабы и рабыни' и т. д.]. В отличие от парных слов, образованных на основе сочинительной, равноправной связи, в плеоназмах реализуется в основном подчинительная связь на основе атрибутивно-определятельных отношений (*зеңгір көк* 'сине-голубой', *жас бозбала* 'молодой юноша'). В парных словах «значение составляющих частей направляется от периферии к центру, и поэтому общее значение не порывает с ними семантической связи»³⁵ (*ата-баба* 'предки', *шет-жаға* 'края-кромки', *қару-жарақ* 'оружие, воинские доспехи'), а в плеонастических сочетаниях выражается в основном семантическое отношение уточнения, дополнения, конкретизации семантически ведущего слова (*жеке дара* 'отдельно порознь', *зәулім биік* 'высокий высотный'). Кроме того, компоненты плеонастических сочетаний могут выступать соответственно своей семантике в разных грамматических формах и принимать различные словообразовательные, падежные и другие показатели. Например: *кіршіксіз таза* 'безукоризненно чистый', *ың-шыңсыз тыныш* / *тыныштықпен ың-шыңсыз* 'безмолвная тишина', *ұдайы үздіксіз* 'беспрерывно постоянно'.

³⁵ А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 40.

Постоянным структурным признаком парных слов, в отличие от плеоназмов, является исключительно контактное положение их компонентов (*қуш-қуат* 'сила мощь'), в то время как плеоназмы могут обладать самой разнообразной структурой, начиная от сложного слова (*шекара* 'граница, межа') до сложных конструкций (*қол-аяғы шидей ашаң жүзді арық* 'очень худой, истощенный'). Но чаще всего плеоназм — это двухкомпонентное словосочетание с контактным (*ызғарлы суық* 'пронизывающий холод'), реже дистантным (*кәрі сорлы әже* 'старая несчастная старушка') расположением компонентов. Кроме того, на уровне предложения парное слово служит одним членом предложения, а плеоназмы могут быть наряду с этим также и атрибутивно-определятельным словосочетанием. Стало быть, парные слова, в отличие от плеоназмов, маркированы, как правило, структурным, семантическим и синтаксическим признаками.

Как уже отмечалось, структура плеоназмов может варьироваться в самых широких пределах. Поэтому формальный критерий не является достаточным для отграничения плеоназмов от такого проявления языковой избыточности как слитное слово. Подобно предыдущим случаям, при определении плеонастического и неплеонастического слитного слова необходимо отталкиваться в первую очередь от их семантических особенностей.

Компоненты неплеонастических слитных слов, в отличие от плеонастических, в семантическом отношении выражают единое понятие, составляющееся из суммы значений его компонентов, то есть отличаются единством семантики (*сексен* 'восемьдесят', *сегіз+он* 'восемь+десять', *ақсақал* 'уважаемое лицо, старший, ист. предводитель рода, влиятельное лицо', *ақ+сақал* 'белая+борода'). Компоненты плеонастических слитных слов передают понятие, отличающееся от суммы их составляющих, а именно, один из компонентов этих слов всегда определяет, дополняет, либо поясняет другой. Так, например, слово *өлеңшөп* как название травы на практике преимущественно пишется слитно, хотя в орфографическом словаре казахского языка оно представлено раздельно. Ср.: *Өлеңшөп те көп екен, өзге шөп мүлде құрып қалғандай* (Н. Әбуталиев «Қайран Нарын») 'Как много здесь осоки, словно нет других трав'. Это слитное слово представляет собой плеонастическую модель, где слово *өлең* 'трава, осока' выступает определяющим компонентом, уточняющим определяемое слово *шөп* 'любая трава'. (Ср. казахскую пословицу: *Өлеңді жерде өгіз семіреді, өлімді жерде молда семіреді* 'Где много травы, жируют вола, где много смертей, жиреют муллы').

Точно так же обстоит дело со словами *көкат* 'трава' (в уйгурском языке; УРС, 652), *көгәт* 'трава зеленая' (в караимском языке; КРПС, 336), а в хакасском раздельнооформленное *көк от* 'зеленая трава', при самостоятельном употреблении *көк* 'зелень, трава' и *от* 'трава, сено' (ХРС, 89, 132).

Для плеонастических слитных слов, так же как и неплеонастических, при слиянии корневых морфем, состоящих более чем из одного слога, характерно стяжение их компонентов. Подобным словом является *таңғажайып* 'чудесный, восхитительный', 'сказочный, таинственный'. Не уточняя источника заимствования слова *ғажайып*, отметим, что оба лексических элемента *таң* и *ғажайып* в языке соотносятся как близкие слова, что видно из сочетаний: *таң қалу* 'удивляться, прийти в восхищение, удивление' и *ғажаптану* почти в том же значении. Подтверждением этого служит факт самостоятельного употребления словосочетания *таңқаларлығ ғажайып*: *Бастан аяқ әңгімесін Қиыр күншығыс пен Қиыр солтүстіктің кең байлығына, адам таңғаларлық ғажайып көрікті суреттеріне құрды* (Ж. Есенберлин «Айқас») 'Весь свой рассказ от нача-

ла до конца он посвятил описанию удивительно красивых мест крайнего Востока и крайнего Севера'. Это плеонастическое словосочетание стало сложным словом и традиционно пишется слитно. Причиной этого, по-видимому, является проявление принципа экономии, что привело к усечению конечного элемента в слове *таңқаларлық*, в результате чего остался элемент *таң*.

Основные виды плеоназмов проявляются в словосочетаниях, структура которых в своих разновидностях может соответствовать структурным типам свободных словосочетаний. Однако у них имеются существенные различия в семантике сочетающихся компонентов. Основным критерием дифференциации свободных и плеонастических словосочетаний служит смысловая соотнесенность сочетающихся компонентов. Именно смысловое содержание компонентов в синтаксических сочетаниях является одним из главных признаков различия свободных и плеонастических сочетаний. В свободных словосочетаниях определение и определяемое, как правило, выражают разные понятия. Ср. *алтын сағат* 'золотые часы', разные понятия «золото» и «часы» объединены между собой для определения конкретного предмета и материала, из которого он изготовлен.

В компонентах плеонастического сочетания *көк зеңгір/зеңгір көк* 'сине-голубой' следует видеть синонимичные лексемы. Не вдаваясь в этимологию слова *зеңгір*, отметим, что оно в ряде тюркских языков употребляется вполне самостоятельно в том же значении, что и слово *көк* 'синий, голубой', 'синева, лазурь'. Так, например, в татарском *зеңгәр күк* 'сизо-голубой' (ТРС, 158); в башкирском — 'фиолетовый' (БРС, 195); в киргизском — *заңкер* или *көк заңкер* 'плесень, цвель', *заңкир* южн. 'синька' (Юд. КРС, 288) и др. Семантическое объединение в казахском языке слов *көк* и *зеңгір* могло произойти только на почве их семантической близости еще и потому, что слова *көк* и *зеңгір* могут в этом сочетании меняться местами и эта факультативность не влияет на положение определяющего и определяемого компонентов. Интересно, однако, что комбинация *зеңгір көк* может выступать и в значении «небо», тогда как сочетание *көк зеңгір* передает лишь общее значение «сине-голубой». Однако не всякое атрибутивно-определятельное сочетание является плеонастическим. Сочетание *көк зеңгір* является таковым потому, что в нем оба элемента выступают в своих синонимичных значениях — «сине-голубой», в то время как сочетание *зеңгір аспан* 'синее небо' является свободным атрибутивно-определятельным сочетанием, в котором сочетающиеся элементы *зеңгір* и *аспан* не являются близкими по значению.

В языковой стихии плеоназмы, парные и слитные слова с синонимическими компонентами относятся к числу родственных явлений. Все эти категории образуются по существующим в языке традиционным синтаксическим моделям и различия их, в основном, проявляются в семантике и способе соединения сочетающихся компонентов. Что же касается их письменного оформления в литературном языке, то это лишь условность и в определении их статуса существенного значения не имеет. Иначе говоря, раздельное написание плеоназмов, написание через дефис парных и парно-повторных слов, а также слитное написание сложных композитов является данью языковой практике и традиции, и в этом вопросе все еще много неясного, спорного, непоследовательного и нерешенного. Именно поэтому в казахском литературном языке до сих пор не существует четких границ между этими категориями и нет научно обоснованных принципиальных критериев их дифференциации. Даже существование более или менее разработанных правил орфографии не исключает большой разноречивости в написании следующих сочетаний и компо-

зитов: *делгүлүл*//*делгүл*//*делі-гүлү* 'бедовый, бесовский', 'ненормальный'; *түлабойы*//*түла бой*//*түла-бой* 'все тело, весь организм', *ұзынтұра*//*ұзын тұра*// *ұзын-тұра* 'высокий, долговязый'; *қосағабат*//*қос-қа-бат*//*қоса қабат* 'сдвоенный', 'сдвоенно, попарно' и др. Однако решение этих вопросов не входит в задачу настоящей статьи.

Приведенный выше анализ позволяет сделать нижеследующие выводы.

1. Если сочетающиеся лексические единицы, будучи синонимами или близкими по семантике словами, вступают между собой в атрибутивно-определятельные отношения, то они должны считаться лексическими плеоназмами: *самал жел* 'ветерок', *ылди төмен* 'вниз по крутому спуску', *көр соқыр* 'слепой, ничего невидящий', *құмай тазы* 'быстроногая гончая собака' и др.

2. Если сочетающиеся лексические единицы и близки по своему значению и являются равноправными, независимыми друг от друга компонентами сочетания, причем их семантическое содержание направлено от периферии к центру, то они должны быть признаны синонимичными парными словами и писаться через дефис (*абысын-ажын* 'жены родственныхников', *көрші-қолаң* 'окружающие соседи', *анда-санда* 'иногда, изредка')³⁶.

3. Если же сочетающиеся семантически близкие компоненты претерпевают семантическую и фонетическую модификацию и в результате этого сливаются в одно цельносформированное слово, то они должны считаться слитными словами (*шекара* 'граница, межа', *көнетоз* 'старый, ветхий', *алқызыл* 'алый красный').

Плеоназмы трудно отличимы также от однородных членов предложения. Общим для них является то, что их компоненты представляют собой синонимичные слова, часто выступающие в позиции определения к третьему слову. Однако эти два явления различаются следующими признаками: семантической соотнесенностью их компонентов и распределением синтаксических связей. Кроме того, однородные члены предложения, в отличие от плеонастических сочетаний, обязательно должны разделяться запятой. Однородные члены предложения сочетаются между собой свободно и допускают опущение любого из них. Каждый синонимичный однородный член предложения обладает семантической автономностью и соотносится с определяемым третьим словом. Связь между синонимичными однородными членами предложения сочинительная, равноправная: *Зәті жуас, момын кісілерге тән қасиетпен балықшы жігіт әрқашан кінәні өзінен іздеді* (А. Нұрпеисов «Қан мен Тер») 'По свойственному тихим, скромным людям характеру, молодой рыбак всякий раз искал вину лишь в самом себе'.

Однородные члены предложения (*жуас* 'смирный, тихий, кроткий', *момын* 'смирный, кроткий, скромный, тихий') являются абсолютными синонимами, то есть семантически равнозначными и стилистически нейтральными. Каждый из однородных членов предложения семантически соотносится со словом *кісілер* 'люди', причем можно безболезненно опустить любой из них. Компоненты же плеонастических словосочетаний редко бывают стилистически нейтральными, так как один из них может быть либо семантически завуалирован (происходит сдвиг его значения), либо он самостоятельно не выступает, то есть они маркированы сферой употребления и сочетаемости. Например, слова *ақбоз* и *шаңқан* в основном являются синонимами, но практически их применение обусловлено стилистической окраской в тексте:

³⁶ А. Т. Кайдаров. Указ. раб., стр. 40—45.

ақ	} үй	белый	} дом
боз		беловатый	
шаңқан		чисто белый	

Но стоит заменить определяемые слова, как определения сразу перестают быть синонимами. Сочетание *боз ат* 'белая лошадь' допустимо в современном казахском языке, однако сочетания *ақ ат* или *шаңқан ат* в разговорной речи не встречаются. Несомненно, потенциально вполне допустимо и *ақ көйлек*, но *шаңқан көйлек* может употребляться только в значении *ақ көйлек* 'белая рубашка, чистое белье'³⁷. Использование данных синонимов, по мнению Г. Г. Мусабаева, «обусловлено народной практикой»³⁸. Нарушение установлений языковой практики приводит к ошибкам иногда даже в речи автора, как, например, в следующем предложении: *Көпке дейін есін жия алмағандай, онсызда қанды, қызыл беті өрттей дуылдап, оттығын ұсынған күйі жерге кіргендей боп тұр еді* (Ө. Нұрпенсов «Күткен Күн») 'Как бы от того, что он все еще не мог прийти в себя, его кровавые, красные щеки (лицо) пылали, как огонь, он был похож на человека, готового провалиться сквозь землю'. В этом предложении запятая, отделяющая близкие по значению слова *қанды* 'кровавый' и *қызыл* 'красный', служит как бы формальным индикатором однородных членов предложения, что им не свойственно, ибо однородными могут быть либо абсолютные синонимы, либо недалекие по смыслу лексемы, например: *қызыл, сары гүлдер* 'красные, желтые цветы'. Сочетание *қызыл бет* 'красные щеки' в этом контексте возможно, однако сочетание *қанды бет* 'кровавые щеки' — недопустимо. Словосочетание *қанды қызыл* 'кроваво-красный' является плеонастическим: первый определяемый компонент усиливает, уточняет номинативный признак, заложенный во втором, который в свою очередь служит определением к слову *бет* 'щека'. Все сочетание переводится как «кроваво-красные» или «красные, как кровь» щеки. Связь между синонимичными компонентами этого плеонастического сочетания подчинительная, атрибутивно-определятельные отношения между компонентами сочетания и третьим определяемым словом обеспечиваются последовательно от одного к другому: вначале семантическая нагрузка падает на один из плеонастических компонентов, затем на определяемое слово.

Таким образом, плеоназмы являются отдельным и самостоятельным средством выражения избыточности в языке. Автономность плеоназмов оправдана их функцией уточнения, конкретизации какого-либо понятия и усиления оттенка значения с целью точного донесения информации до слушателя. Однако лексический плеоназм — это всякое сочетание близких по семантике или синонимичных лексем с атрибутивно-определятельными отношениями.

Вместе с тем известно, что язык находится в постоянном изменении и совершенствовании. Это еще раз подтверждается случаями проявления пограничных с плеоназмами средств выражения избыточности в виде гендиадиса и дублетов, то есть случаями, когда виды избыточности в речи присутствуют на стадии либо перехода в язык, либо становления языковой нормой. Переход в литературный язык речевых тавтологических сочетаний вызван семантическими сдвигами в одном из слов, составляющих сочетание (расширение значения, возникновение новых

³⁷ Примеры на ограниченную сочетаемость некоторых синонимичных лексем заимствованы из кн.: Г. Г. Мусабаев. Современный казахский язык. Ч. I. Лексика. Алма-Ата, 1959, стр. 22—23.

³⁸ Там же, стр. 23.

значений), которые, в свою очередь, отражаются на лексической сочетаемости.

В целом все виды избыточности как в языке, так и в речи представляют собой единую и сложную систему, основанную на их структурном сходстве, и в то же время они различаются семантически. Эта довольно обширная, представленная далеко не полно в данной статье система видов избыточности составляет тот арсенал и те средства, благодаря которым в языке проявляется закон избыточности, постоянно противоборствующий с присущим языку законом экономии, что обеспечивает непрерывное его развитие.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БРС* — «Башкирско-русский словарь». М., 1958.
КРПС — «Карaimско-русско-польский словарь». М., 1974.
ТРС — «Татарско-русский словарь». М., 1966.
УРС — «Уйгурско-русский словарь». М., 1968.
ХРС — «Хакасско-русский словарь». М., 1953.
Юд. КРС — К. Юдахин. «Киргизско-русский словарь». М., 1965.
-

А. Б. АБДУЛЛАЕВ

СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧУЖОЙ РЕЧИ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

К числу недостаточно изученных проблем тюркологии относится синтаксис конструкций с чужой речью. Поскольку конструкция с чужой речью обычно рассматривалась как разновидность сложного предложения, многие ее специфические особенности остались почти не исследованными. В их числе — семантико-структурная характеристика чужой речи в узбекском языке.

Как известно, чужая речь употребляется как в повседневной монологической и диалогической устной речи, так и в письменном языке — в литературных произведениях, научных работах, публицистике и т. д.

Конструкции с чужой речью различаются по своим функциям и структуре, а также по семантике репрезентируемого компонента чужой речи. В настоящей работе нами рассматриваются структурно-семантические типы чужой речи в узбекском языке.

1. В современном узбекском языке по характеру языкового материала можно выделить нижеследующие типы конструкций с чужой речью.

а) Конструкции с чужой речью, где вводимая часть представляет собой письмо или различные документы (сообщения, приказы, листовки, плакаты), приводимые полностью или в отрывках, например:

Корхонамиз пештоқида: Ҳамма нарса фронт учун! Ғалаба учун! деган шиорлар пайдо бўлган эди (Шухрат) 'Над входом нашего предприятия появились лозунги: «Все для фронта! Все для победы!»;

Мана бу ҳақда газетада очиқ-ойдин ёзилган: Қурилиш объектида ошхона ёки чойхоналар ташкил қилса бўларди (Р. Раҳмонов) 'Вот об этом ясно написано в газете: «Хорошо было бы, если бы на строительном объекте построили столовую или чайхану»;

Расул укаси берган газетани ўқиди: Республикамиз комсомоллари ва ёшлари химия саноатини жадал ривожлантиришни оталишга олишган... (Р. Раҳмонов) 'Расул стал читать газету, которую дал ему брат: «Комсомольцы и молодежь нашей республики приняли обязательство быстрыми темпами развивать химическую промышленность»'.

б) Конструкции с чужой речью, где вводимая часть представляет собой изложение устной речи. Подобные конструкции весьма часто встречаются почти во всех литературных стилях: художественном, научном, публицистическом, например: *Федор Андреевич: Менга вальцовкачиликни Зокир ака ўргатган, — дебди* (А. Абдукодилов) 'Федор Андреевич сказал: «Закир-ака меня научил вальцовке»'.

в) Конструкции, в которых чужая речь представляет собой песню или отрывок из песни, включенные в художественную ткань произведения со специальной художественно-стилистической целью, например:

Шарифининг ўзи хуш кўрган, отасига ҳам маъқул бўлган байт шу эди: Тўғ данакдан кўкардинг, ўс бемалол, ниҳолчам, Тағларингни юмшатай, топгин камол, ниҳолчам (Ш. Холмирзаев) 'Вот стихотворение, которое понравилось самому Шарифи и его отцу: «Ты вырос из доброго ростка, мой саженец, я буду ухаживать, (спокойно) расти, мой саженец»';

Ниҳоят, улар Москвага жўнаб секин куйладилар: Шонли тарихимиз буюк истиқбол, Ҳаммаси юзингда равшан намоён... (Саидназар) 'Наконец, пришло время ехать в Москву, и они потихоньку стали петь: «Наша славная история, наше великое будущее — все ясно выражено на твоём лице...».

г) Конструкции с чужой речью, где вводимая часть представляет собой звукоподражательные слова. В таких конструкциях звукоподражательные слова выполняют специфическую изобразительную функцию, например:

Қарғалар осмонни тўлдириб учмоқда: «Қа, қа, қа» 'Вороны, словно тучи, летят: «Кар, кар, кар»';

Нозик саҳнага чиқиши билан чилдирма ҳам бошқа куйга ўтди: «Бак-баканг, бак-баканг» (А. Қодирий) 'Когда Нозик появилась на сцене, мелодия тоже изменила ритм: «Бак-баканг, бак-баканг»';

Комил хохолаб кулиб юборди: «Ха, ха, ха, хо!» (Х. Фулом) 'Камил расхохотался: «Ха, ха, ха, хо!».

2. По характеру выражения вводимой части конструкции с чужой речью делятся на две подгруппы: конструкции с внешней речью и конструкции с внутренней речью. В первую подгруппу входят конструкции, в которых чужая речь произносится вслух:

— *Нима гап? Бирор гап ўтдими? — сўради у Фулом акадан* (Ж. Абдуллаханов) '— В чем дело? Что произошло? — спросил он у Гулям-ака'.

Вторая подгруппа охватывает необычайно сложные явления речевой практики и включает нижеследующие разновидности.

1) По способу реализации:

а) внутренняя речь — невысказанная:

«Нима демоқчи? Ойим билан нима тўғрисида гаплашмоқчи?» — шу ўйлар билан у уйга қайтди (О. Ёқубов) '«Что он хочет сказать? О чем хочет поговорить с моей матерью?» — с такими мыслями он возвратился домой';

— *Нега Тошқорага тегмадийкин?* — *ўйларди Воҳид* (О. Ёқубов) 'Воҳид подумал: «Зачем она не вышла замуж за Тошкара?»';

б) внутренняя речь — высказанная:

— *Айниқса, қариган чоғингизда сиз нима қиласиз бу сохта обрў, учун курашиб, ойижон? — деди у хаёлида* (О. Ёқубов) '— Зачем вам, особенно на старости лет, стремиться к ложному авторитету, мамочка? — молвил он про себя'.

В таких конструкциях сказуемое вводящего предложения обычно выражается словами *деди ўзига, ўзига-ўзи деди, ўзича деди*, например: — *Большевикларнинг юрагига балли! — дерди Умрзоқ ота ўзига-ўзи* (Х. Фулом) '— Молодцы, большевики! — сказал Умрзак-ата сам себе'.

2) По средствам реализации:

а) мимическая речь, передающаяся обычно при помощи мимики и жестов:

Умрзоқ ота отличққа қўли билан: «Отингни пастроққа ол» — деб ишора қилди (Х. Фулом) «Отведи коня ниже», — указал рукой Умрзак-ата всаднику»;

Қизига: «Хўш?» — дегандек савол назари билан қаради (Х. Фулом) «Он так посмотрел на дочь, будто сказал: «Ну что?»»;

б) подтекстная речь, отличающаяся от мимической:

Унинг авзойидан: «Хали қараб тур, нималар қиламан», — деган гапни англаш мумкин эди (Шухрат) «По его взгляду можно было понять: «Погоди, что я тебе еще сделаю»»;

Бу қарашидан Саодат: «Бор-йўқ бисотимизни, олинглар...» деган сўзларни ўқиди (С. Жамол) «В его взгляде Саодат прочитала: «Мы все вещи согласны отдать»».

3. По принадлежности адресату чужая речь делится на:

1) конструкции, где вводимая часть выражает речь, как бы исходящую от неодушевленных (или одушевленных, кроме человека) предметов, которые можно назвать конструкциями с олицетворенной речью, например: *Барглар кулиб бошлар гап: «Баҳорда мурғак эдик...»* «Листья, смеясь, шепчут: «Весной мы были незаметными...»»;

2) конструкции, где вводимая часть выражает речь, исходящую от одушевленных предметов, в свою очередь подразделяются на две группы: а) на конструкции, где вводимая часть выражает собственно чужую речь; б) на конструкции, где вводимая часть передает в форме чужой речи слова самого говорящего, например: «*Мен чой ичмайман*», — деди кичик хотин (С. Айний) «Нет, я не буду пить чай», — сказала младшая жена»; «*Нега сиз чой ичмайсиз?*» — дедим мен «Почему вы не пьете чай?» — спросил я».

4. По форме чужая речь делится на монологическую, диалогическую и реплики отдельных лиц.

1) Монологическая форма — это значительные по объему высказывания отдельных персонажей художественного произведения. Монолог отличается цельностью построения и законченностью содержания, например:

Минбарга Кулахмад чиқди: Хеч ким бир-бирига ёрдам беришдан қочмайди, — деди у, — аммо биринчи бўлиб кимдир ташаббус кўрсатиши керакми? Керак... (Ж. Абдуллаханов) «Кулахмад подошел к трибуне: — Никто не отказывается помочь друг другу, — сказал он, — но кто-то должен показать пример? Должен...».

2) В узбекском языке, так же как и в других языках, диалог — самый распространенный вид чужой речи. Форма диалога определяется его назначением в тексте художественного произведения. Диалог, как и монолог, составляет органическую часть композиционного строя художественного произведения.

Приведем пример:

— *Ўзинг ўқишга қиясанми?* — Сам стараешься поступить учиться?».

— *Йўқ* — Нет».

— *Салимова киминг бўлади?* — «Салимова родственница тебе?»

— *Қўшнисиман*, — деди Собир (Х. Назир) — «Я их сосед, — сказал Собир».

3) В репликах находят выражение отдельные мысли и чувства персонажей художественных произведений, например:

Одамлар ичидан овозлар чиқди:

— *Иван Никитичга! Иван Никитичга сўз беринг*,

— *Ойқиз! Ойқиз гапирсин* (Ш. Рашидов)

«Раздались голоса:

—Ивану Никитичу! Дайте слово Ивану Никитичу!

— Айкыз! Пусть Айкыз выступает...

5. По композиционным функциям чужая речь делится на следующие разновидности: 1) эпиграфическая чужая речь и 2) чужая речь-заголовок. Обе эти разновидности конструкций с чужой речью выполняют композиционную нагрузку. Проблема композиционной роли чужой речи на материале тюркских языков в настоящей статье анализируется впервые.

Эпиграфическая речь по функциональным и структурным особенностям отличается от других типов чужой речи, в том числе и от указанных выше.

По синтаксической функции эпиграфическая чужая речь, в отличие от обычных цитат и других разновидностей, отражает основной идейный замысел произведения или его части. Общие структурные функции эпиграфической чужой речи определяются в зависимости от ее семантического объема. По объему выражения идейного замысла произведения различаются прежде всего две конструкции с эпиграфической чужой речью:

1) общая эпиграфическая чужая речь, содержание которой полностью передает идейный замысел произведения; 2) частная эпиграфическая чужая речь выражает лишь часть идейного замысла произведения. В качестве примера конструкции общей эпиграфической чужой речи может служить использованная Ж. Абдуллахановым в романе «Ураган»: «Человека победить нельзя» (Э. Хемингуэй). Это высказывание выражает основную идею романа «Ураган». Частная эпиграфическая чужая речь обычно употребляется в составе того или другого произведения.

Эпиграфическая чужая речь вводится в авторский контекст с помощью строго ограниченных форм вводящего компонента:

а) репрезентирующий компонент выступает в форме именительного падежа, например: *Кишига зебу зийнат ҳикмат ва донишдир* (А. Навоий) 'Мудрость и знание украшают человека';

б) репрезентирующий компонент выступает в форме исходного падежа, например: *Етти ўлча, бир кес* (народная поговорка) 'Семь раз отмерь, один раз отрежь';

в) репрезентирующий компонент вообще отсутствует. В этом случае эпиграф считается общеизвестным и поэтому не требует указания на автора или источник.

Эпиграфы в основном употребляются в художественных произведениях, но иногда встречаются и в публицистической, научной и политической литературе. Эпиграфы широко использовались В. И. Лениным в его многочисленных трудах.

Особую синтаксическую конструкцию составляют заголовки, которые состоят либо из конструкции с чужой речью, либо из репрезентирующего компонента, либо же только из одной чужой речи. Такие конструкции в синтаксисе узбекского языка не изучены. По своим функциям и семантике они отличаются от обычных заголовков. Чужая речь-заголовок близка к эпиграфу, то есть частично выражает идейный замысел писателя. Встречаются заголовки, взятые из речи персонажей [*Майиз емаган хотин* 'Женщина не евшая кишмиш', *Тирилган мурда* 'Оживленный труп', *Шоҳи сўзана* 'Шелковая скатерть' (А. Ғаффор)].

Иногда роль заголовка выполняет полная конструкция с чужой речью. В таких случаях обычная структура конструкции изменяется: в составе репрезентирующего компонента опускаются глаголы, и он приобретает номинативный характер, указывая на лицо, которому принад-

лежит высказывание, например: *Сора Эшонтураева: — Нон азиз* (газ. «Совет Ўзбекистони») *‘Сора Эшонтураева: — Берегите хлеб’*. Подобные заголовки характерны для газетных материалов.

Итак, заголовки, представляющие собой чужую речь, как по своей структуре, так и по композиционной функции очень разнообразны: «Любое изречение и в любой синтаксической оболочке — в виде члена предложения, оборота речи или целого предложения и групп предложений — может быть использовано в качестве заголовка»¹. С этим замечанием Г. М. Чумакова нельзя не согласиться.

¹ См.: Г. М. Чумаков. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975, стр. 191.

Н. МАМАТОВ

ОБРАЗОВАНИЕ СОБСТВЕННОСЛОЖНЫХ СЛОВ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Собственносложные слова (узб. *қўшма сўзлар*) являются одним из видов сложных слов (узб. *мураккаб сўзлар*) в тюркских языках, отличающиеся от других (например, от парных слов и повторов), особенно от словосочетаний, цельюоформленностью, монолитностью¹. Образование сложных слов в тюркских языках — один из самых древних² и продуктивных³ способов словообразования. Однако процессы образования сложных, особенно собственносложных, слов в тюркских языках до сих пор не стали объектом специального исследования.

Способ образования сложных (точнее — собственносложных слов) в тюркологии обозначается разнообразными терминами, такими, например, как «синтаксический способ», «словосложение», «основосложение», «аналитический способ», «способ лексического примыкания», «морфологический способ», «композиция» и др. Отсутствие единого общепринятого термина объясняется, во-первых, недостаточной изученностью данной темы, во-вторых, разнообразием путей образования самих собственносложных слов. Для обобщенного названия путей возникновения и способов образования сложных слов мы предлагаем термин «композиция».

Собственносложные слова образуются разными путями и способами. Одни из них возникают из синтаксических единиц (словосо-

¹ Н. Маматов. О классификации сложных слов в узбекском языке. — «Советская тюркология», 1976, № 4, стр. 38—45; *его же*. Об отличии собственносложных слов от синтаксических сочетаний. — «Советская тюркология», 1979, № 4, стр. 38—46.

² А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 93; Б. Бафеев. Сложные существительные в лирике Алишера Навои. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1968, стр. 9.

³ Ф. А. Ганиев. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974, стр. 38; *его же*. К вопросу о сложных словах в современном татарском языке. — В сб.: «Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка». Казань, 1976, стр. 109; З. И. Будагова, Г. И. Исмаилова. Орфография азербайджанского языка. — В кн.: «Орфографии тюркских литературных языков СССР». М., 1973, стр. 56; Ср.: Е. А. Васильевская. Словосложение в русском языке. М., 1962, стр. 7 и 58; З. А. Потиха. Современное русское словообразование. М., 1970, стр. 161 и др.

четаний и предложений), которые постепенно превращаются в монологические единицы языка; а другие — образуются из них или из самих сложных слов непосредственно, определенными способами.

Превращение синтаксического комплекса в слово, в том числе в сложное, называется, как известно, лексикализацией⁴. Кроме того, собственносложные слова могут создаваться аффиксацией, аналитическим способом и по аналогии (по моделям имеющихся слов), а также появляться в результате заимствования или калькирования из других языков.

А. Лексикализация происходит в основном двумя путями: опрошением синтаксических единиц и превращением их в слово целиком — без внешних изменений. Последнее явление можно называть собственной лексикализацией.

1. Опрошение. Этот термин здесь обозначает «укорочение» словосочетания, из состава которого выпадают слова, аффиксы, звуки и т. п., что приводит к нарушению смысловой и синтаксической связи между компонентами. В зависимости от характера выпадающих элементов опрошение имеет несколько видов. Главные из них следующие:

1) **Деаффиксация** — утрата или опущение аффиксов, указывающих на синтаксическую связь между компонентами словосочетания. От *изафета III* (а по С. С. Майзелю — I) типа выпадают оба аффикса: *гулнинг тожи* 'венец цветка' > *гултож* 'венчик', *қиличнинг боғи* (досл. 'шнурок сабли') > *қиличбоғ* 'портупея', *газнинг ажралиши* 'выделение газа' > *газажралиш* 'газовыделение' и т. п.

Выпадение аффикса только из одного компонента (например, *иш плани* 'план работы', *бизнинг колхоз* 'наш колхоз') обычно не превращает такое словосочетание в собственносложное слово. Но сложные слова типа *мингбоши* 'тысяцкий', *қуштили* 'хворост' (кушанье), сохранившие аффикс принадлежности, отличаются от обычного *изафета II* типа семантической монологичностью, идиоматичностью, и их первый компонент не принимает суффикса генитива (*-нинг*), а если принимает, то эти сложные слова превращаются в словосочетания, выражающие другие, более сложные понятия. Например: *бойўғли* 'сыч' — *бойнинг ўғли* 'сын богача', *ҳўкизтили* 'воловик' (бот.) — *ҳўкизнинг тили* 'язык вола'.

Из словосочетания с прямым дополнением выпадает суффикс винительного падежа (*-ни*), например: *ўғилни кўрмоқ* 'увидеть сына' > *ўғилкўрмоқ* 'займать сына', *ишни ташламоқ* 'бросить работу' > *ишташламоқ* 'забастовать', *ишташлаш* 'забастовка'. Такие слова отличаются от словосочетаний, от которых они произошли, своими грамматическими свойствами, во многих случаях и по смыслу, а в форме имени действия выступают как научные или технические термины. Например: *негизқўиши* 'основосложение', *нурчиқариш* 'лучеиспускание', *нурқайтариш* 'лучеотражение', *қонқўйиш клиникаси* 'клиника переливания крови', *пахтатериш машинаси* 'хлопкоуборочная машина'.

Многочисленные сложные глаголы типа *ёнбосмоқ* 'заступаться (за кого-либо)', *бойбермоқ* 'проиграть' претерпели значительные изменения и стали монологическими словами; поэтому трудно представить, что они произошли от дополнительных словосочетаний.

Из первого компонента определительного словосочетания выпадает аффикс, образующий прилагательное от основы существи-

⁴ А. А. Реформатский пишет: «Лексикализировать — от греческого *lexikos* 'словесный' через немецкое *lexikalisieren* 'превращать в одно слово'» (см.: А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1960, стр. 95).

тельного. Например: *қайчисимон барг* > *қайчибарг* 'ланцетовидный лист', *қандли чой* > *қантчай*⁵ 'чай с сахаром', *илонхўр бургут* (досл. 'орел, питающийся змеями') > *илонбургут* 'змеед', *ички кўйлак* (досл. 'внутренняя рубашка') > *ичкўйлак* 'комбинация' или 'нижняя рубашка', *тепадаги туйнук* > *тепатуйнук* 'отверстие в крыше', *лемудек сарик* > *лемусариқ* 'желтый, как лимон'. Ср. русск.: *пионерский лагерь* > *пионерлагерь*, *томасовый шлак* > *томасшлак*, *электрическая станция* > *электростанция*; нем. *winterlicher Tag* > *Wintertag* 'зимний день', *goldene Kette* > *Goldkette* 'золотая цепь' и т. п.

Из первого компонента обстоятельственного словосочетания выпадает аффикс, образующий наречие от основы существительного: *тошдек қотмоқ* > *тошқотмоқ* 'затвердегь, как камень', *окаменеть*, *ғоздек юрмоқ* > *ғозюрмоқ* 'ходить прямо (не горбясь)'. Процесс деаффиксации происходит в основном в двухкомпонентных словосочетаниях.

2) Эллипсис. Собственносложные слова образуются в результате выпадения из словосочетания отдельных слов (а вместе с ними и аффиксов). Например: *чўлда ўсадиган яллиз* 'мята, растущая в степи' > *чўлаллиз* 'зизифора тонкая' и т. п.

Из трехкомпонентного словосочетания, первый компонент которого имеет падежную форму, обычно выпадает средний компонент, выраженный причастием, и таким образом возникает сложное слово по модели «*имя существительное + имя существительное* с нулевым показателем». Например: *йўтални қолдирадиган дори* 'средство, останавливающее кашель' > *йўталдори* 'средство от кашля', *анжирга ўхшаган шафтоли* > *анжиршафтоли* 'инжировидный персик', *шишадан ясалган кўз* > *шишакўз* 'стеклянный глаз' и т. п.⁶

Многочисленные сложные слова также образуются от словосочетаний, отличающихся от приведенных выше своей синтаксической структурой. Выпадает не только средний компонент, но и последний, а иногда и первый, например: *тошдек қаттиқ кўмир* > *тошкўмир* 'каменный уголь', *оловга бардош берадиган* > *оловбардош* 'огнеупорный', *анор донасидек қизил* > *анорқизил* 'ярко-красный', 'гранатно-красный', *қирқ-тача оёғи бор ҳашарот* > *қирқоёғ* 'сороконожка', *ғозга ўхшаб юрмоқ* (досл.: 'ходить, как гусь') > *ғозюрмоқ* 'ходить прямо, подняв голову'.

Из четырехкомпонентных словосочетаний обычно выпадают средние или последние компоненты: *шамол воситасида ишлайдиган тегирмон* 'мельница, работающая силой ветра' > *шамолтегирмон* 'ветряная мельница', *келининг бармоғига ўхшаган узум* > *келинбармоқ* 'дамский пальчик' и т. п. Встречаются сложные слова, образованные от основ первого и третьего или второго и четвертого компонентов, например: *денгизда яшайдиган мушуксимон ҳайвон* 'кошкovidное животное, живущее в море' > *денгизмушук* 'морской кот', *меваси қовунга ўхшаган дарахт* 'дерево, плод которого похож на дыню' > *қовундарахт* 'дынное дерево' и т. п.

Порядок слов словосочетаний в сложных словах (см. примеры) может сохраниться, но может и нарушиться, то есть происходит инверсия и оставшиеся компоненты меняются местами: *қаноти ўроққа ўх-*

⁵ Фонетические изменения, происходящие в произношении сложных слов, учитываются при их написании, как, например, *қовоқ + ари* = *қовоғари* 'шмель', *искаб + топар* = *искаптопар* 'комар'.

⁶ См.: М. К. Шарипов. Ҳозирги ўзбек тилида сўз бирикмалари синтаксиси масаласи. Тошкент, 1978, стр. 42—43.

шаган капалак 'бабочка, крылья которой похожи на серп' > *ўроққанот* зоол. 'серпокрыл', *қовоғи бодомга ўхшаган* > *бодомқовоқ* (қиз) 'девушка' с миндалевидными веками'. Ср. нем. blau wie Himmel > himmelblau (досл. 'синий, как небо' > 'небесно-синий' или 'небесно-голубой').

Следует подчеркнуть, что структура словосочетания, от которого образуется сложное слово, может быть различной⁷, например, слово *турнақатор* 'вереницей' могло происходить от следующих словосочетаний: *турнадек қатор*, *турнасимон қатор*, *турналардай қатор*, *турналар каби қатор*, *турналарга ўхшаб қатор* 'как журавли, один за другим'.

Необходимо отличать лексический эллипсис от метанимического или стилистического явления, в результате которого предложение сокращается, но сложное слово не образуется, так как между оставшимися компонентами возникают новые синтаксические отношения. Ср.: Пушкиннинг асарини ўқидим 'Я читал произведение Пушкина' и Пушкинни ўқидим 'Я читал Пушкина'.

3) Фонетическое опрощение. В узбекском языке весьма продуктивен фонетический способ образования новых слов. Например: *тобланмоқ* 'закаляться' > *товланмоқ* 'переливаться разными цветами', *артмоқ* 'обтереть' > *арчмоқ* 'обдирать, очищать (от кожуры)' и т. д. Этим же способом образуются и собственносложные слова из соответствующих словосочетаний: *бу кун* 'этот день' > *бугун* 'сегодня', *ола буқа* 'пегий бык' > *олабуға* 'окунь' и т. п. В приведенных примерах уменьшилось количество словесных ударений: в словосочетаниях — на два, а в словах — на одно, что свидетельствует об опрощении словосочетаний в фонетико-просодическом и интонационном отношениях. Нередко сокращается и количество звуков, в результате чего образуются этимологически сложные слова⁸, например: *қуйи муча* 'нижний член' > *қуймуч* анат. 'крестец' *қирма ош* 'еда, соскабливаемая (со дна котла)' > *қирмоч* 'корка пиши, приставшая к котлу', *ясси муғ* 'плоское зерно' > *яссиқ* 'чечевица'.

Возникновение в узбекском языке сложных слов типа *бозоршаб* 'ночной базар', *гулбеор* 'портулак крупноцветный', вследствие выпадения показателя изафета из персидских словосочетаний типа *бозори шаб* 'ночной базар', *гули беор* 'неприхотливый цветок', также следует считать примером образования слов путем фонетического опрощения словосочетания, так как в узбекском языке нет аффикса (-и, -ий), образующего изафетное словосочетание.

2. Собственная лексикализация — употребление словосочетания или предложения в качестве слова для выражения одного определенного понятия (предмета, признака предмета или действия). Например:

1) Определительные словосочетания: *янги ер* 'новая земля' > *Янгиер*, *Оққўрғон*, *Учқўприк* (топонимы). Употребление словосочетания *оқ қуш* 'белая птица' в значении 'лебедь' — *оққуш* также служит примером лексикализации синтаксических единиц. Сюда же относятся слова типа *қорақуш* 'орел степной', *қорақурт* 'каракурт', *қўқурт* 'гусеница озимой совки', *семизўт* 'портулак огородный', *қўқўт* 'черноголовник многобрачный' (досл.: 'синяя трава') и т. п.

2) Существительные словосочетания: *ёлғончаққирди* (досл.: 'ложно пригласил' — название обычая), *гурскетти* (сорт дыни),

⁷ Читаем у И. И. Срезневского: «...Слово *ветрогон* могло произойти из выражений: *гнать по ветру*, *гнать ветер*, *гнать ветром*...» (См.: И. И. Срезневский. Замечания об образовании слов из выражений. Сборник ОРЯС (Отделения русского языка и словесности), том X, 1873, стр. LXXI (71)).

⁸ См.: Н. Маматов. Этимологик мураккаб сўзлар. — «Ўзбек тили ва адабиёти», 1978, № 1, стр. 7—11.

Чинберди (имя), *чамандагул* (досл.: 'цветок в цветнике' — название узора). Таких примеров немного.

3) Словосочетания с дополнением: *кунгабоғар* (досл.: 'смотрящее на солнце' или 'обращенное к солнцу') 'подсолнух', *эргакўтарди* 'приданое невесты, относимое в дом мужа'. Ср. азерб. *кунбахан*, *адамаохшар*, *адамаохшамас*, *атадангалма*. Сюда же относятся слова *кирювди* (досл. 'стирали белье'), *оққийди*, *куёвчақирди* (названия обычаев), *бешиктерват* зоол. 'богомол', *дунёкўрган одам* 'видавший виды' (досл. 'познавший мир человек'), *Олтинтопган* (топоним) и др. В последних примерах произошла и деаффиксация — опущение аффикса винительного падежа -ни. Ср. русск. *воробей*, *медведь*, нем. *Springfeld*, бот. 'перекати-поле', *Vergißmeinnicht* (досл. 'не забудь меня'), бот. 'незабудка', тур. *albeni* (досл. 'возьми меня') 'привлекательность'.

4) Простые (нераспространенные) предложения: *Илонўтти* (досл. 'змея прошла'), *Қорёғди* (топоним), *келинтушти*, *қорёғди*, *идишқайтти* (названия обычаев), *ғўштқуйти* (название еды), *ҳолбуки* 'тогда как', *барибир* 'все равно', туркм. *ичигара* 'злонамеренный' и др. Об образовании сложных слов типа *оғзибўш* 'болтун', *бағритош* 'бессердечный', азерб. *ағзыйртыг* 'не умеющий хранить тайны' писал Э. В. Севортян: «Заметное число сложных слов — существительных, прилагательных и наречий — могут быть возведены к предикативным сочетаниям, в том числе не зависимым и придаточным предложениям⁹. Таковыми же словами являются прилагательные типа *кўлиқициган (чол)* '(старик), у которого чешутся (просят работы) руки', *худоурган ёлғончи* 'отъявленный (досл. 'богом наказанный') лгун'; кирг. *антурган* («Киргизско-русский словарь», 1965) и топонимы узб. *Қизкетган* '(место, куда) ушла девушка', карачаево-балк. *Домбай* < *Домбайёлген* '(место, где) сдох як' и т. п.

5) Предложения с обращением: «*Ёрилтош*» (досл. 'расколись, камень'), «*Очилдастурхон*», «*Уртўқмоқ*», «*Қайнахумча*» (названия сказок), *Юрингобола* (топоним), *тўхтатувалоқ* 'дрофа'¹⁰, *сакрабодом* (< *Сакра*, *Бодом* досл.: 'Прыгай, Бадам' — детская игра) 'прыгалка'.

6) Сложные предложения: *тегманозик* (*Тегма*, *нозик* досл.: 'Не тронь, нежный') бот. 'недотрога', *Борсакелмас* (топоним), *урсакўпар* 'ванька-встанька' (игрушка), тур. *Vurdumduymaz* 'толстокожий' [досл. 'Я ударил, (а) он не чувствует']. Ср. туркм. *оқарыңы-гетир-суйт-берейин*¹¹.

7) Прямая речь: *ҳадеб* 'без конца', 'беспрерывно' (> «*Ха!*» — *деб* — 'сказав: «Да!»'), *ҳадеганда* 'скоро', 'при любом удобном случае', *ҳадемай*, *ҳадемасдан*, *ҳадегунча* 'скоро', 'вот-вот' (досл. 'пока не успеешь сказать «да»'). Все эти слова возникли на базе предложения: «*Ха*», *де* — 'скажи: «да»'.

Собственная лексикализация отличается от других видов лексикализации тем, что новые лексические единицы образуются из готовых синтаксических конструкций; при этом внешним, фонетическим, изменениям они почти не подвергаются.

Здесь следует подчеркнуть, что не всякие синтаксические конструкции, употребленные для выражения одного понятия, превращаются в слова, так как одно понятие может быть выражено словом или слово-

⁹ Э. В. Севортян. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. — В кн.: «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». М., 1952, стр. 317.

¹⁰ Б. Мадалиев. Ҳозирги ўзбек тилида кўшма сўзлар. Тошкент, 1966, стр. 78—79.

¹¹ «Ҳазирки заман туркмен дили». Ашгабат, 1960, стр. 121.

сочетанием. Ср., например, *жимжилоқ* 'мизинец' и *ўртнча бармоқ* 'средний палец'. В сочетаниях, подвергшихся лексикализации, происходят семантические, грамматические и фонетико-интонационные изменения; они целиком приобретают переносные значения, становятся идиоматичными. В этом случае значение сочетания не выводится из значений составляющих его компонентов. Например, *Янгийўл* (Янгиюль) уже не «новая дорога», а наименование определенного города; *тегманозик* не предложение со значением «не тронь, нежный», а название растения — «недотрога». Помимо этого, грамматические показатели (аффиксы) теряют свое грамматическое значение. Это явление ярко демонстрирует склонение собственносложных слов, происшедших от нераспространенных предложений типа *Қорёғди* (топоним, досл. 'снег выпал'): р. п. *Қорёғдининг*, д. п. *Қорёғдига*, в. п. *Қорёғдини*, м. п. *Қорёғдиди*, исх. п. *Қорёғдидан*. Если бы между компонентами таких сочетаний имелась синтаксическая связь, то словоформа глагола, оформленная аффиксом прошедшего времени единственного числа (-ди), не могла бы принять падежные аффиксы.

Б. Аналитическим (или безаффиксным) способом называется образование сложных слов путем непосредственного соединения между собой двух (редко более) слов, основ или корней слов; при этом морфемы, в том числе и аффиксы, не прибавляются и не выпадают. В качестве примера можно привести сложные глаголы: *шикоят қилмоқ*, *хурсанд бўлмоқ*, *баён айламоқ*, *олиб келмоқ*, *сотиб олмақ*, *фидо этмоқ*, *жавоб бермоқ*¹². В таких сочетаниях вторые компоненты — вспомогательные глаголы, выступают в функции словообразующего аффикса. Ср.: *тасдиқ қилмоқ* — *тасдиқламоқ* 'утверждать', *тасдиқ бўлмоқ* — *тасдиқланмоқ* 'утверждаться'.

Этим же способом образованы «аналитические формы глагола в тюркских языках», среди которых значительная часть — сложные глаголы¹³. Эти слова (лексемы) отличаются от действительных аналитических форм глагола (словоформы) тем, что они, как всякие глаголы, имеют форму инфинитива — оформляются показателем инфинитива, переводятся на другие языки в форме инфинитива. Например, узб. *кулиб юбормоқ* 'вдруг рассмеяться', 'расхохотаться', тат. *елаб алу* 'поплакать', каз. *жазып тастау* 'написать', башк. *дартләнен киту* 'вдохновиться', ккалп. *толып қалу* 'наполниться', туркм. *языбилмек* 'уметь писать', *санабермек* 'продолжать считать', тур. *ahdetmek* 'обязываться', *sabreylemek* 'терпеть'.

Все признаки сложного слова, отличающие его от словосочетания (их более двадцати)¹⁴, подтверждают цельнооформленность, монолитность глагольных сочетаний, образованных по модели **деепричастие+глагол** и по модели **существительное+глагол**. В отличие от обстоятельственных словосочетаний типа *кулиб гапирмоқ* (досл. 'смеясь говорить') между компонентами сложных глаголов типа *кулиб юбормоқ* синтаксическая связь отсутствует, так как первый компонент этого сочетания не может выступить в качестве обстоятельства ко второму глаголу

¹² «Узбек тили грамматикаси». I том. Тошкент, 1975, стр. 371. Хотя сложные глаголы в узбекском языке, как и другие собственносложные слова, являются цельнооформленными, монолитными единицами языка, здесь они приводятся в традиционном (раздельном) написании.

¹³ См.: А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 39—113.

¹⁴ Н. Маматов. Об отличии собственносложных слов от синтаксических сочетаний. — «Советская тюркология», 1979, № 4, стр. 38—46.

(*юбормоқ* 'отправить'); он вносит лишь дополнительное значение, выражая внезапность или исчерпанность действия, выраженного первым глаголом (*кулмоқ* 'смеяться'); сочетание *кулиб юбормоқ* целиком относится к одной части речи и как глагол выполняет одну синтаксическую функцию, имеет одно объединяющее словесное ударение как всякое простое слово.

Один из признаков сложных глаголов, образованных по модели **деепричастие+глагол**, по нашему мнению, заключается в том, что последний компонент таких сочетаний выступает не в своем основном лексическом значении. Например, сочетания *кулиб юбормоқ*, *ўқиб чиқмоқ* 'прочитать', *чўчиб кетмоқ* 'испугаться' осознаются как слово благодаря тому, что последний компонент в них не имеет ничего общего со своим основным значением: *юбормоқ* 'отправить', *чиқмоқ* 'выйти', *кетмоқ* 'уйти'.

Признаки, свойства, указывающие на цельнооформленность, монолитность сочетаний типа *кулиб юбормоқ*, вышесказанным не исчерпываются. Монолитность сложных глаголов в узбекском языке была убедительно показана А. Н. Кононовым в следующем их слитном написании: *кўлибюбўрдйлар* все вдруг засмеялись, *яхшйкўрмоқ* 'любить'¹⁵.

Аналитическим (или безаффиксальным) способом образованы и имена существительные типа *дадажон*, *аяжон*, *отахон*, *Каримжон*, *Дехшонбой*, *Сарварбек*, *Халимахон*, *Тамарахоним* и др., в которых последние компоненты, как аффиксонды, выполняют служебную функцию и придают словам значение уважения, ласки и т. п. Ср. еще: *Асрорбобо*, *Саксонота*, *Анорхола*, *Анорбиби*, *Каримака*, *устапочча*, *қорипочча*, *куёвтўра*, *келинпошиша*. А в следующих именах последний компонент обозначает прозвище: *Тожитажанг*, *Солисовуқ*, *Обидкетмон*; *Қамбарқасоб*, *Долимдаллол* и др. Пример: *Хамдамформа... ўзига таниш бўлган бир деразадан ичкарига қаради* (С. Айний. «Қуллар») 'Хамдамформа... заглянул через знакомое ему окно внутрь (комнаты)'.

К данному способу относится образование сложных местоимений типа *ҳарким* 'каждый', *ҳарқачон* 'всегда', *ҳарқадерда* 'везде'; *ҳечким* 'никто', *ҳечқанча* 'несколько', *ҳечқаерга* 'никуда'; сложные наречия типа *уер(да)* 'там', *шуер(да)* 'здесь', *биркун(и)* 'однажды', *бирвақт* 'вдруг', *ҳарвақт* 'всегда', *ҳарсафар* 'каждый раз' и сложные числительные типа *ўнбир* 'одиннадцать', *йигирмабеш* 'двадцать пять', *юзқирқсаккиз* 'сто сорок восемь', имеющие все основные признаки монолитных лексических единиц¹⁶.

Следует отметить, что сложные слова типа *гулбарг*, *қирқўғим*, *қизилуруғ* (сорт дыни), башк. *кырыкбыуын* 'хвощ', *кызылганат* 'красноперка', состоящие из двух корней, на первый взгляд могут показаться образованными аналитическим способом (или способом лексического примыкания). В действительности же они во многих случаях возникают из словосочетаний путем их опрощения (лексикализация).

В. Аффиксация — один из самых продуктивных способов образования собственносложных слов. Новые слова образуются в основном

¹⁵ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 55.

¹⁶ См.: Насим Маматов. Қўшма сўзнинг сўз бирикмасидан фарқлари. — В журн.: «Ўзбек тили ва адабиёти», 1978, № 3, стр. 17—20. Составные числительные типа *уч юз* ('триста', нем. dreihundert), *олти минг* ('шесть тысяч', нем. sechstausend), *саккиз миллион* ('восемь миллионов'), где первыми компонентами выступают малые (единичные) числительные, а вторыми — большие (десятичные), не являются сложными словами, так как они не отличаются по своей семантической и грамматической природе от определенных словосочетаний типа *уч дераза* ('три окна'), *олти тонна* ('шесть тонн'), *саккиз вагон* ('восемь вагонов').

от словосочетаний и сложных слов, в том числе и от собственносложных. Об образовании сложных слов от словосочетаний при помощи словообразующих аффиксов писали такие ученые, как Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, Э. В. Севортян, С. Н. Муратов и др.

Путем аффиксации сложные слова образуются в большинстве случаев от определительных словосочетаний, в которых определение выражено: а) именем прилагательным, например: (*қизил гвардия*) + *чи* = *қизилгвардиячи* 'красногвардеец', (*қизил байроқ*) + *ли* = *қизилбайроқли* 'краснознаменный', (*Ўрта Осиё*) + *лик* = *ўртаосиёлик* 'среднеазиат'; б) именем числительным, например: (*эллик центнер*) + *чи* = *элликцентнерчи* 'пятидесятицентнерщик' (передовой бригадир колхоза), (*тўрт мотор*) + *ли* = *тўртмоторли* 'четыремоторный', (*минг йил*) + *лик* = *мингйиллик* 'тысячелетний', (*беш юз йил*) + *лик* = *бешюзйиллик* 'пятисотлетний'.

В образовании собственносложных слов из определительных словосочетаний, кроме аффиксов *-чи*, *-ли*, *-лик*, могут участвовать и другие аффиксы, например: суффиксы *-лама*, *-лаб*, *-ги*, *-ча*, *-(в)ий*, *-зор* и т. п.: (*уч томон* 'три стороны') + *лама* = *учтомонлама* 'трехсторонний', (*ўн йил*) + *лаб* = *ўнйиллаб* 'по десять лет', (*майда буржуа*) + *ча* = *майдабуржуача* 'мелкобуржуазный' (*ўтган йил*) + *ги* = *ўтганйилги* 'прошлогодний', (*кўп фаза*) + *вий* = *кўпфазавий* 'многофазный', (*ярим доира*) + *вий* = *яримдоиравий* 'полукруговой', (*майда дарахт*) + *зор* = *майдадарахтзор* 'мелколесье' и др.

От словосочетаний с прямым дополнением собственносложные слова образуются в основном при помощи *-гич* (*-кич*, *-гич*, *-кич*): (*нинани ушла* 'держи иглу') + *гич* = *нинаушлагич* 'иглодержатель'. Как видно из примера, одновременно с аффиксацией происходит и деаффиксация. Таким же сложным путем образованы многочисленные сложные имена существительные, означающие орудия труда, машины, аппараты, приспособления и т. п.: *ариққазгич* 'канавокопатель', *ғўзапояюлгич* 'гузакорчеватель', *бензинташигич* 'бензовоз' и т. п. Ср. тат. *майсыккыч* или *майчыгаргыч* 'маслобойка', уйг. *музчаққуч* — каз. *муз жарғыш* — башк. *бозватқыс* 'ледокол', алт. *коларткыш* 'плотенце', тат. *алъяпкыч* — уйг. *алйапкыч* — башк. *алъяпкыс* — кирг. *алжапкыч* — каз. *алжапкыш* 'фартук'.

Путем аффиксации из словосочетаний образуются в основном собственносложные имена существительные и прилагательные.

При помощи аффиксов собственносложные слова могут образоваться из (а) парных слов и (б) повторов:

а) *паст-баланд* (досл. 'низкий-высокий') 'неровный', 'ухабиственный' + *лик* = *пастбаландлик* 'неровность', 'ухабищность', *иссиқ-совуқ* (досл. 'теплый-холодный', перен. 'отворотное или приворотное средство') + *чи* = *иссиқсовуқчи* 'ворожея', 'знахарь', *ошна-оғайни* 'друзья-приятели' + *чилик* = *ошнаоғайничилик* 'приятельские отношения', 'дружба'; б) *чақма-чақар* 'ябеда', 'доносчик' > *чақмачақарлик* 'ябедничество', *балли-балли* (междометие одобрения) > *баллибалличи* 'аллилуйщик'; *баллибалличилик* 'аллилуйщина' и т. д.

При помощи суффиксов *-ла*, *-лат*, *-лаш* могут образоваться собственносложные глаголы от парных слов и повторов; например, *суф-куф* + *ла(моқ)* = *суфкуфламоқ* 'заклинать', *ай-ҳай* (межд.) 'окрик' + *ла(моқ)* = *айҳайламоқ* 'окликать', *айҳайлатмоқ* (понуд.), *айҳайлашмоқ* (совм.); *бай-бай* (междометие восхищения или удивления) + *ла(моқ)* = *байбайламоқ* 'восхищаться', 'удивляться', *байбайлашмоқ* (совм.), *беҳ-беҳ* (межд.) 'цып-цып' + *ла(моқ)* = *беҳбеҳламоқ* 'подзывать кур'. В аффиксации повторов участвуют и другие суффиксы, например, *-а*, *-ак*: *дик-дик* (звукоподражание) + *а* = *дикдика* 'полупопона', *биз-биз* (звуко-

подражание)+ак=бизбизак 'жужжалка' (дет. игра), тар-тар (звукоподражание)+ак=тартарак 'трещотка', хир-хир (звукоподражание)+а (моқ)=хирхирамоқ 'хрипло дышать' и т. п. Следует подчеркнуть, что собственносложные слова образуются лишь тогда, когда суффикс присоединяется ко всему парному слову, а не к каждому компоненту.

Образование собственносложных слов при помощи аффиксов от самих собственносложных слов не отличается от аффиксации простых слов. Это самый активный и продуктивный способ образования новых слов. Они образуются почти от всех собственносложных слов, причем в большинстве случаев возникают 2—3 и более новых слова, например: чойхона — чойхоначи — чойхоначилик 'занятие чайханщика'; бййсунмоқ 'покоряться' — бййсундирмоқ (понуд.) 'покорять' — бййсундирилмоқ (страд.) — бййсундиришмоқ (совм.) — бййсундирмоқлик 'покорение' — бййсунув — бййсундирув — бййсуниш (имя действия) — бййсунувчи 'попослушный' — бййсундирилган 'покоренный' — бййсундирувчи 'покоритель' и т. д.

В образовании собственносложных слов от самих собственносложных слов активнее участвуют многочисленные аффиксы, в том числе -чи: дорихоначи 'аптекарь', -лик: янгийўлик 'проживающий в Янгиоле', -шунос: сувўтшунос 'альголог', -фуруш: қўзқоринфуруш 'продавец грибов', -истон: Ўзбекистон, Қорақалпоғистон, -кор: маккажўхорикор 'кукурузовод', -зор: маймунжонзор 'заросли ежевики', -дош: гултожихўроз дошлар 'амарантовые', -хўр: қисқичбақхўр 'любитель раков', -ли: электромагнитли 'электромагнитный', -сиз: бошпанасиз 'бездомный, бесприютный', -дор: игнабаргдорлар 'хвойные', темирйўлдор давлат 'железнодорожная держава', -ларча: сурбетларча 'нахально, нагло', -(в)ий радиотехникавий 'радиотехнический', -лама: ҳартарафлама 'всесторонний', 'всесторонне', иккиёқлама 'двусторонний', -ги: оқшомги 'вечерний', бугунги 'сегодняшний', -даги: ҳамзаободдаги 'находящийся в Хамзабаде', -она: собитқадамона 'стойко', -намо: учбурчакнамо 'похожий на треугольник', қирқжулоқнамолар 'папоротниковые', -симон: қўзқоринсимон 'грибовидный', 'грибообразный', сувмошаксимонлар 'водянопапушковые' и т. д.

Следует добавить, что последние компоненты многих собственносложных слов типа мингпудчи 'тысячепудовец', четэллик 'иностранец', бештомли 'пятитомный', марзаолгич 'бороздоделатель', ембергич 'кормодатель', иккиюзламачи 'лицемер', юзтомонлама 'стосторонний', 'стосторонне', суфкуфчи иссиқсуюқча, байбайчи, баллибалличилик, юзхотирчилик, дутдутламоқ, айҳайлатмоқ, байбайломоқ и т. д., образованных из словосочетаний и сложных слов, не могут употребляться самостоятельно. Этот факт также подтверждает, что при аффиксации суффикс присоединяется ко всему сочетанию, а не к одному из компонентов¹⁷.

Способы и процессы образования собственносложных слов свидетельствуют о том, что между компонентами сложных слов отсутствует синтаксическая связь, а компоненты сложного слова в его составе являются не словами, а основами или корнями слов¹⁸, то есть морфема-

¹⁷ См.: С. Н. Муратов. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961, стр. 55; Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 323.

¹⁸ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика (1881), М., 1959, стр. 91; Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды. М., 1956, стр. 175; К. Ф. Петров. Русский язык... (Под ред. проф. Д. Н. Ушакова), М., —Пг., 1923, стр. 25; Е. А. Земская. Современный русский язык, М., 1973, стр. 133; А. Usman va B. Əvizoʻv. Oʻzbek tili grammatikasi, Morfologiya. Tashkent, 1939, стр. 62; Р. М. Мулина. Сложные слова в языках тюркской системы. — «Ученые записки Казахского государственного университета», том. XIII, вып. 5. Алма-Ата, 1950, стр. 27; «Ҳозирги замон ўзбек тили». Тошкент, 1957, стр. 340; У. Турсун, Ж. Мухторов. Ҳозирги замон ўзбек тили. Самарканд, 1960, стр. 52 и сл.

ми¹⁹. Это положение, в свою очередь, определяет орфографию собственносложных слов, так как морфемы одного слова обычно пишутся слитно.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что основные способы и процессы образования собственносложных слов требуют дальнейшего, более тщательного, подробного и всестороннего изучения.

¹⁹ А. Ҳожиёв. *Ўзбек тилида кўшма, жуфт такрорий сўзлар*. Тошкент, 1963, стр. 10, 15—16. См. еще: Б. Аганин. *Введение в языковедение*. Ереван, 1960, стр. 343—344; В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. О некоторых принципах морфемного анализа. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», том XXII, вып. 3, стр. 194; О. С. Ахманова. *Словарь лингвистических терминов*. М., 1966, стр. 426, 430 и др.

М. А. МАХМУДОВ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ АВТОМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЮРКСКОГО ТЕКСТА

(НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Автоматический морфологический анализ (АМА) — один из наиболее важных и необходимых этапов лингвистического анализа (ЛА) в системе машинного перевода (МП). В результате АМА при обработке отдельно взятых словоформ обеспечивается получение первичных грамматических характеристик, необходимых для последующих этапов анализа. Формализация морфологического анализа дает также возможность автоматизировать процесс сбора, накопления, поиска, обобщения и передачи информации в автоматизированных информационных системах (АИС).

В процессе автоматического морфологического анализа тюркского текста на первый план выдвигается обработка словоизменяющих аффиксов, ибо словообразующие форманты создают отдельные лексические единицы, которые включаются в автоматический словарь (АС) и не подвергаются морфологическому анализу.

Основная задача при проведении автоматического морфологического анализа тюркского текста — это выявление оптимального способа отделения в словоформе словоизменяющих аффиксов от основы. При этом следует учитывать, что отделение аффиксов от корня это не просто механический процесс, а один из важных этапов морфологического анализа. Для каждого выделенного аффикса с помощью соответствующего кода фиксируется его грамматическая характеристика.

В индоевропейской группе языков любая словоформа употребляется с одним или двумя аффиксами. Составление алгоритма с целью приведения этих словоформ к словарному виду не представляет особых трудностей. Что же касается тюркских языков, то здесь словоформы могут содержать значительное число морфологических показателей, причем от каждой основы можно образовать тысячи форм. Так, максимальное число словоизменятельных форм, которые могут быть образованы от одной глагольной основы, для татарского языка составляет 17947, для турецкого 11390, для узбекского 13592¹. Даже при цепочке аффиксов, ограниченной пятью формантами, соответствующий показатель для азербайджанского языка превышает 8000.

¹ См.: Х. Ф. Исхакова. Исследования в области формальной морфологии тюркских языков (на материале татарского литературного языка в сопоставлении с турецким и узбекским). Автореф. канд. дисс. М., 1972, стр. 17.

Предложенная нами система автоматического морфологического анализа тюркского текста (на материале азербайджанского языка) состоит из трех компонентов: 1) словника наиболее употребительных основ, 2) списка аффиксов и 3) алгоритма АМА.

1. **Словник наиболее употребительных основ**². Автоматический словник основ азербайджанского языка состоит из 1943 единиц. Сюда входят слова с частотой употребления от 2535 до 4, отобранные из частотного словаря азербайджанской газетной лексики, составленного сотрудниками Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР.

Слова в словнике расположены не по алфавиту, а в зависимости от количества букв в словах. Это намного ускоряет и упрощает процесс поиска словоформы в словнике.

Словник разбит на 16 групп лексических единиц. В первую группу входят единицы, состоящие из 16 букв, а в 16-ю — состоящие из одной буквы.

В связи с тем, что печатающее устройство ЭВМ работает на основе только русской и латинской график, отсутствующие буквы азербайджанского алфавита заменены соответственно русскими и латинскими литерами: *j—й, ə—э, ү—и, ö—о, h—г, ч—з, k—у, f—ф*. Глагол в словнике представлен без формального признака инфинитива, например: *кэл, вер* и т. д.

Формальный признак инфинитива *-маг, -мак* включен в список аффиксов.

При составлении автоматического словника учитываются нижеследующие морфологические особенности азербайджанского языка.

1. В азербайджанском, как и в других тюркских языках, во многих случаях наблюдается изменение глагольных основ и недифференцированность основ и аффиксов. Как указывает А. Н. Кононов, «в силу динамической природы аффиксальных морфем структура тюркского слова — в части деления на корневую и аффиксальную морфемы, чрезвычайно трудно поддается анализу»³. Отмеченная особенность часто усложняет автоматический морфологический анализ тюркских языков по формальным признакам. Так, например, конечный гласный многосложных глагольных основ на *-т*, а также глаголов *ет, кет* при присоединении аффикса, начинающегося с гласного, подвергается чередованию *т ~ д*. Например: *ет—едир, едэк* и т. д., *кет—кедир, кедэк* и т. д., *гајыт—гајыдыр, гајыдаг* и т. д.

Поэтому глаголы типа *ет, гајыт* в словнике даны в двух вариантах, имеющих один и тот же грамматический признак; варианты на звонкий согласный как отдельные лексические единицы в азербайджанском языке не фиксируются: *ет/ед, гајыт/гајыд* и т. д.

² Мы считаем нецелесообразным проводить анализ на основе автоматического двуязычного словаря с последующим получением образцов машинного перевода, так как качественный машинный перевод можно осуществлять только после полного лингвистического анализа (ЛА). Автоматический морфологический анализ — лишь первичный этап лингвистического анализа и, естественно, полученные образцы машинного перевода на основе автоматического морфологического анализа будут менее качественными и слишком грубыми. Мы ограничились приведением полного автоматического морфологического анализа тюркского текста (на материале азербайджанского языка) по формальным признакам с использованием ЭВМ. При этом, однако, учитывалось, что автоматический морфологический анализ — это первичный этап автоматического лингвистического анализа, который входит в систему машинного перевода и автоматизированных информационных систем.

³ А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках. — «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 120.

2. В азербайджанском языке узкие гласные *-ы, -и, -у, -ү* конечного закрытого слога в двусложных словах выпадают при присоединении к слову аффиксов принадлежности в родительном, дательном-направительном и винительном падежах. Например, слово *шәкил* 'картина' при склонении (в родительном, дательном-направительном и винительном падежах) и присоединении аффиксов принадлежности принимает следующие формы: *шәклин, шәклә, шәкли, шәклим* и т. д.

Эта группа слов, включающая всего 36 единиц, в автоматическом словнике представлена двумя вариантами: *шәкил/шәкл, синиф/синф* и т. д.

3. Конечные согласные *-г, -к* в многосложных словах при прибавлении аффиксов, начинающихся с гласных, подвергаются чередованию *г > ґ, к > қ*. Например: *ајаг* 'нога' — *ајағым, ајаға, ајағы*; *чичәк* 'цветок' — *чичәґә, чичәґи* и т. д. Исключение составляют заимствования из западноевропейских языков, оканчивающиеся на *-олог* и *-ик*, и слова арабского происхождения, оканчивающиеся на *-иг* и *-ик*.

В связи с тем, что глагол в словнике представлен без формального признака инфинитива (*-маг, -мәк*), количество слов, оканчивающихся на *-г, -к*, намного уменьшается и становится возможным дать все эти слова в словнике в виде двух вариантов: *ајаг/ајағ, чичәк/чичәґ* и т. д.

При построении подобных словников или словарей для других тюркских языков необходимо, учитывая своеобразие и специфику того или иного языка, произвести соответствующую корректировку.

При кодировании грамматической и лексико-грамматической информации для основ и аффиксов использованы материалы и инструкции по кодированию информации, разработанные сотрудниками всесоюзной группы «Статистика речи» под руководством Р. Г. Пиотровского.

В информации к основам отмечается принадлежность основ к частям речи, что необходимо для последующего этапа лингвистического анализа. Если слово омонимично, то фиксируется его возможная принадлежность к разным частям речи. Например:

Основы	Часть речи
<i>кәл</i> 'приходи'	глагол
<i>кет</i> 'иди'	глагол
<i>газ</i> 'копай', 'гусь', 'газ'	глагол, существительные
<i>сағ</i> 'дой', 'живой'	глагол, прилагательное.

Другая грамматическая информация при основах не фиксируется, так как в тюркских языках основы приобретают новые грамматические характеристики при помощи аффиксов.

Для фиксирования грамматических признаков аффиксов используются четыре позиции. В первой позиции отмечается морфологическая функция аффиксов, а в остальных трех — дополнительные морфологические характеристики; например: *-јаґағымыз* — причастие, 1-е лицо, множественное число, будущее категорическое время; *-аґағын* — причастие, 2-е лицо, единственное число, будущее категорическое время.

II. Список аффиксов. Качество автоматического морфологического анализа во многом зависит и от тщательного, системного исследования и классификации существующих в языке аффиксов. Используемая в данной работе классификация аффиксов отличается от традиционной, что обусловлено необходимостью учета в них целого ряда фонетических явлений (чередование и выпадение согласных, появление соединитель-

ного согласного и т. д.) и обеспечения максимальной экономичности автоматического морфологического анализа азербайджанского текста.

1. В связи с наличием чередования $k > j$, $g > f$ аффиксы, оканчивающиеся на -к, -г, представлены двумя вариантами:

-маг/-мағ	} инфинитив	-ачаг/-ачағ	} будущее категорическое время
-мак/-мај		-эчак/-эчәј	

2. Во избежание смещения аффиксов в некоторых случаях в качестве отдельных формантов фиксируются часто употребляемые сочетания аффиксов, например:

-сынын, -сунун, -сүнүн, -синин (принадлежность 3-го лица единственного числа + родительный падеж);

-сынын, -сунун, -сүнүн, -синин (принадлежность 3-го лица единственного числа + предложный падеж).

В противном случае при формальном анализе некоторые из указанных аффиксов -сын, -сун, -син, -сүн могут быть восприняты как аффиксы повелительного наклонения, имеющего аналогичные форманты.

Ряд аффиксов в составе словоформы в результате выпадения гласных или согласных приобретает упрощенную форму. Например, аффикс отрицания -ма, -мә в сочетании с показателем настоящего времени утрачивает гласный: алм(а)ырсынынз 'не получаете', кәлм(ә)ирсән 'не приходишь' и т. д.

В результате возникает контаминированный элемент -мыр, -мир, -мур, -мүр (отрицание + настоящее время), который целесообразно подать в качестве самостоятельной единицы словаря аффиксов.

3. Аффикс прошедшего повествовательного времени -мыш, -муш, -миш, -мүш может употребляться без конечного -ш: көрмүшсән, көрмүсән 'ты видел'. Первая часть этого аффикса -мы, -му, -ми, -мү совпадает с тождественным по форме аффиксом вопроса, что может привести к ошибкам при автоматическом анализе. Поэтому данная форма аффикса -мыш фиксируется не самостоятельно, а в сочетании с показателем второго лица: -мысан, -мусан, -мисән, -мүсән (прошедшее повествовательное время + единственное число).

4. Недостаточные глаголы-связки или и имиш представлены в списке основ. Однако они часто выступают (с соответствующими фонетическими изменениями) в форме аффиксов; например:

алмалы иди	} 'должен был получить',
алмалыјды	
кәлмәли иди	} 'должен был прийти',
кәлмәлијди	
алмалы имиш	} 'говорят, должен был получить',
алмалыјмыш	
кәлмәли имиш	} 'говорят, должен был прийти'.
кәлмәлијмиш	

Сказанное относится и к послелогу илә. Поэтому мы сочли целесообразным включить в список аффиксов следующие элементы:

-јды, -јди (связка, прошедшее время),
-јмыш, -јмиш (связка, пересказательность),
-јла, -јлә (послелог, наречие образа действия).

В предлагаемой классификации аффиксы азербайджанского языка в зависимости от количества букв распределены по девяти группам: каждая группа подразделяется на подгруппы.

К первой группе относятся аффиксы, состоящие из девяти букв, а к девятой группе — аффиксы, состоящие из одной буквы.

В списке аффиксов для некоторых из них фиксируется одновременно несколько грамматических признаков. Дело в том, что на уровне морфологии точная идентификация словоформы, образованной, например, при помощи аффиксов *-ачаг*, *-эчэк*, *-ачаг*, *-эчэј*, невозможна. Так, словоформа *кэлэчэк* является формой будущего категорического времени («он придет»), вместе с тем и причастием («будущий»). Различение омонимичных форм с аффиксом *-ачаг* возможно только на синтаксическом уровне: *охуначаг китаб* «книга, которая будет прочитана», *китаб охуначаг* «книга будет прочитана». Поэтому для указанного аффикса фиксируются обе морфологические характеристики: *-ачаг*, *-эчэк*, *-ачаг*, *-эчэј* (будущее категорическое время/причастие).

Информация при таком аффиксе как *-ын*, *-ун*, *-ин*, *-үн* содержит уже три признака, поскольку этот аффикс, присоединяясь к именам, образует формы родительного падежа или принадлежности 2-го лица единственного числа, а присоединяясь к глаголам, — форму повелительного наклонения.

III. Алгоритм АМА тюркского текста⁴.

1. Выделить словоформу (Сф) из текста.
2. Определить длину (N) Сф; $N > 16$ $\begin{cases} \text{Да} \rightarrow 5 \\ \text{Нет} \rightarrow 3. \end{cases}$
3. Сравнить словоформу с соответствующей группой слов в автоматическом словнике $\begin{cases} \text{Да} \rightarrow 4 \\ \text{Нет} \rightarrow 6. \end{cases}$
4. Записать признак слов в рабочее поле (РП) $\rightarrow 7$.
5. Выделить словоформу ($N=16$) $\rightarrow 3$.
6. Уменьшить длину словоформы на одну букву ($N=N-1$)
 $N=0$ $\begin{cases} \text{Да} \rightarrow 13. \\ \text{Нет} \rightarrow 3 \end{cases}$
7. Проверить наличие остатка (L); $L=0$ $\begin{cases} \text{Да} \rightarrow 14 \\ \text{Нет} \rightarrow 8. \end{cases}$
8. Определить длину остатка $L > 9$ $\begin{cases} \text{Да} \rightarrow 12 \\ \text{Нет} \rightarrow 9. \end{cases}$
9. Сравнить остаток с соответствующей группой аффиксов: $\begin{cases} \text{Да} \rightarrow 10 \\ \text{Нет} \rightarrow 11 \end{cases}$
10. Записать признаки аффикса после признаков слов $\rightarrow 7$.
11. Уменьшить длину остатка (L) на одну букву ($L=L-1$);
 $L=0$ $\begin{cases} \text{Да} \rightarrow 13 \\ \text{Нет} \rightarrow 9. \end{cases}$
12. Выделить остаток ($L=9$) $L \rightarrow 9$.
13. Записать Сф в список незнакомых слов $\rightarrow 15$.
14. Печатать Сф с грамматическими признаками $\rightarrow 15$.
15. Проверить наличие знака конца (*). $\begin{cases} \text{Да} \rightarrow 16 \\ \text{Нет} \rightarrow 1. \end{cases}$
16. Закончить анализ (см. рис. 1).

В качестве примера проследим ход автоматического анализа словоформы *дафтэрларин* «твой тетради».

Прежде всего определим длину этой словоформы. Поскольку по-

⁴ Программа автоматического морфологического анализа составлена А. А. Пиотровской на языке PL—I, реализована на ЕС — ЭВМ.

следняя состоит из одиннадцати букв, то есть меньше 16-ти, то на следующем этапе алгоритма она сравнивается с соответствующими по длине группами слов и основ автоматического словника.

Наша цепочка не представлена в автоматическом словнике. Поэтому на последующих этапах анализа ее длина последовательно уменьшается на одну букву и полученная часть сравнивается со словником до тех пор, пока не будет приведена к словарному виду *дафтэр*. После этого слово и его грамматический признак «существительное» записывается в рабочее поле.

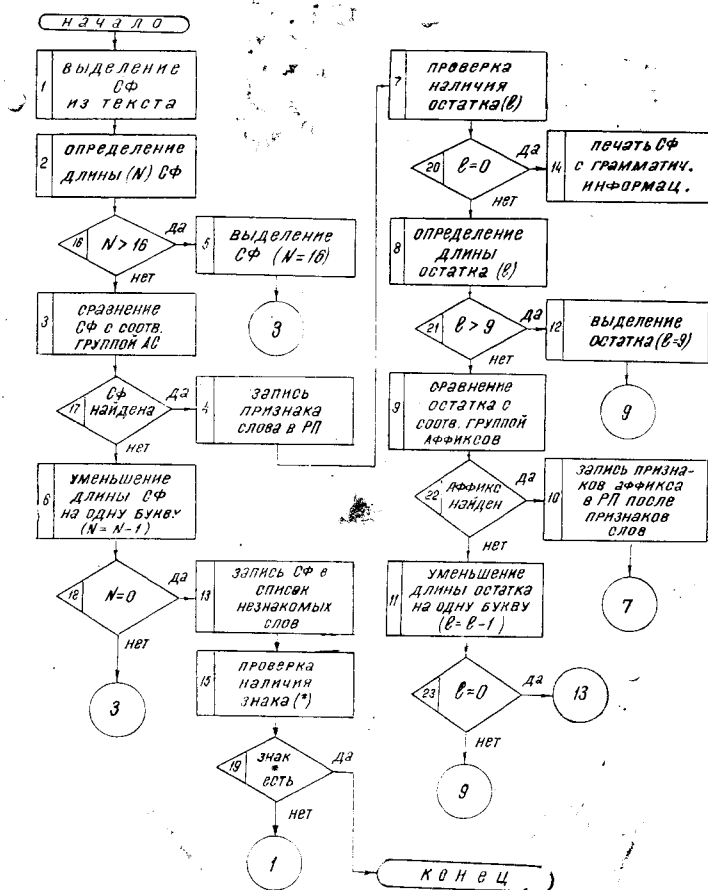


Рис. 1

Далее следует проверка на наличие остатка в словоформе после выделения в ней канонической формы *дафтэр*. В нашем случае остаток (сочетание аффиксов) состоит из пяти букв: *-ларин*. Поскольку такого аффикса в списке нет, то, как и при анализе основы, осуществляется последовательное уменьшение указанного сочетания букв отсечением одного знака справа и сравнение оставшейся части с соответствующими аффиксами списка. Эта операция повторяется вплоть до выделения аффикса *-лар*, представленного в автоматическом словнике.

Если конечным результатом отсечения букв было бы $L=0$, то анализ закончился бы записью словоформы в список незнакомых слов.

Аналогичным образом выделяются и остальные аффиксы, которым приписываются соответствующие грамматические признаки (см. рис. 2).

```

SLOVO1='ДЭФТЭРАЭРИН' N= 11;
OSNOVA='ДЭФТЭРАЭРИН' N= 11;
SLWI='';
SLV='';
OSNOVA='ДЭФТЭРАЭРИ' N= 10;
SLWI='';
SLV='';
OSNOVA='ДЭФТЭРАЭР' N= 9;
SLWI='';
SLV='';
OSNOVA='ДЭФТЭРАЭ' N= 8;
SLWI='';
SLV='';
OSNOVA='ДЭФТЭРА' N= 7;
SLWI='';
SLV='';
OSNOVA='ДЭФТЭР' N= 6;
SLWI='';
SLV='ДЭФТЭР';
OSNOVA='ДЭФТЭР' SLOVO='ОСНОВА СРАВНЛ
AFFL='ЭРИН';
AFFL='ЭРИН';
*
AFFL='ЭР';
*
AFFL='ЭР';
ЭР
L= 3;
AFFL='ЭР'; SLOVO='Афф. НАИДЕН
AFFL='ИН'; L= 3 K= 5;
K= 2;
AFFL='ИН';
ИН
L= 2;
AFFL='ИН'; SLOVO='Афф. НАИДЕН
AFFL=''; L= 2 K= 'ИН'; 2;
SLOVO='ПОСЛЕАН. Афф
КОНЕЦ ФАЙЛА

```

Рис. 2

В результате на выходе алгоритма получается словоформа, записанная в терминах грамматических признаков основы и аффиксов. Следует отметить, что наблюдаемая иногда омонимичность основ устраняется после анализа аффиксов, которые указывают на принадлежность данной основы к определенной части речи.

С. АТАНИЯЗОВ

СЛОВА, ОЗНАЧАЮЩИЕ ФУТЛЯР ДЛЯ ПИАЛ В ДИАЛЕКТАХ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА)

В период средневековья и в более позднюю эпоху фарфоровая посуда была в Средней Азии предметом роскоши и для хранения ее делали специальные футляры из кожи, войлока, дерева. Это было необходимо в условиях кочевой жизни. Футляр для пиал, например, изготовлялся так, чтобы его можно было привязать к седлу или носить на поясе. Форма этих футляров, а также их названия в разных диалектах были различными. В литературном туркменском языке они назывались *serkeç*, словом, которое в современных словарях дается с пометой *ист.* (историзм)¹. Однако в диалектах встречаются и другие названия. Например, из 341 объекта, включенного в сетку диалектологического атласа туркменского языка, в 117 употребляется слово *gobdy* с различными фонетическими вариантами (*govdy*, *govdū* и т. д.), что составляет 34,3%, в 85 объектах — *terkeç* (24,9%), в 81 объекте — *terkeç* (23,7%), а в отдельных населенных пунктах — *čyn̄a:p*, *gyla:p*, *ga:li:p*, *da:šlyq*, *ro:šek* и т. д. В 28 объектах атласа, характеризующихся в основном ставропольским и астраханским говорами туркменского языка, данное понятие и его название отсутствуют. Каждое из вышеназванных слов имеет свой четко ограниченный ареал.

Остановимся на словах со значением «футляр для пиал» в диалектах туркменского языка.

Өеркеç, terkeç. Являясь фонетическими вариантами одного слова, эти слова тем не менее имеют свой обособленный ареал. Например, *terkeç* охватывает большую территорию, включающую Чарджоускую область (кроме Дарганатинского района), Пендинский оазис Марыйской области, туркменские селения Узбекской и Таджикской ССР. В этом ареале живут носители диалектов эрсары, сакар, сарык, зеги, арабачы, олам, сурхы, хатап, мукры, кырач, а также локальных говоров Дейнауского, Чарджоуского и Фарабского районов.

Слово *terkeç* является производным от *terkeç*, ибо, во-первых, звуковое соответствие *θ* (*δ*) — *t* (*d*) не чуждо тюркским языкам, в том числе туркменскому. Например, *θoqmaq* 'бить' и 'жалить' (*э змея*) — *toqmaq* 'колотушка', *θy:rmaq*—*ty:rmaq* 'скользнуть', *g'ütürdi* — звук, возникающий при вспарывании птиц — *g'ütürdi* 'скрип, хруст', *telki*—*felki* 'перьяшливый' и т. д.² Во-вторых, в некоторых тюркских, а также персидско-таджикских языках встречается слово *terkeç*, а не *Өerkeç*.

¹ «Туркмен дилинин сөзлүги». Ашгабат, 1962, стр. 594.

² «Туркмен дилинин диалектлеринин очерки». Ашгабат, 1970, стр. 144; Б. Вейсов. Чередования звуков — один из видов словообразования. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1974, стр. 19.

Например, в узбекском языке *tarkaš* означает «деревянный или кожаный футляр для пиалы или чашки»³, в киргизском языке — *tarkeš, tärkäš* «мешочек для посуды, для мелких домашних вещей»⁴, в иранских языках *tarkaš, tarkeš* «колчан»⁵. Данное слово в том же значении встречается в произведениях Фирдоуси и Низами⁶. Видимо, учитывая это обстоятельство, К. К. Юдахин считал слово *tarkaš* иранским заимствованием в тюркских языках⁷. Но, по нашему мнению, оно является исконно тюркским словом. Это подтверждается тем, что в «Диване» Махмуда Кашгари (XI век) встречается слово *terkäk, tergäk* в значении «сумка», «узел», «сверток»⁸, по своему фонетическому облику почти аналогичное слову *terkeš*, ибо звуки *k, g* — *č* взаимозаменяемы в тюркских языках.

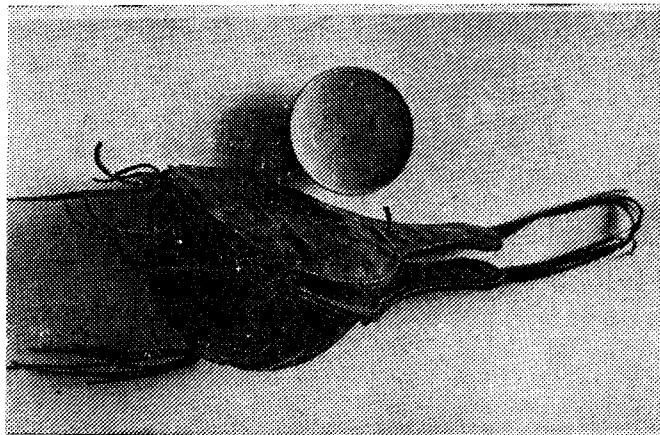


Рис. 1. Футляр для пиалы.

Сравним, например, туркменские слова *qatmaq* «забивать, прибивать» — *šaqmaq* 1. «жалить»; 2. «чиркать»; 3. «разбивать (яйцо)»; *künč—čünk* «угол»; *golaq* «безрукий, однорукий» — *čolaq* «калека»; *qaqlyšmaq* «задевать, касаться» — *čaqlušmaq* «сталкиваться с кем-то»; *gagaq* «глаз» — *g'ögeč* «зрачок»; *kertmek* (диал. *kirtmek*) «грызть» — *čirtmek* «щипать, пощипывать» и т. д.⁹ Кроме того, тюркское слово *gobdu* является не только синонимом, но и прямой калькой слова *terkeš*. Последнее слово, по нашему мнению, исторически состоит из двух: *ter(i)* и *keš*. Первая часть его — *teri* «кожа» указывает на то, что футляры для посуды первоначально делались из кожи. Вторая часть слова — *keš*, видимо, образовалась от древнетюркского *keša* или *gaša*. Махмуд Кашгари слово *keša* толкует как «корзина», «корзина для перевозки овощей»¹⁰, а *gaša* как «сосуд, мешок, сумка»¹¹. В словаре В. В. Радлова *кача* «глиняная по-

³ «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 409.

⁴ «Киргизско-русский словарь». М., 1965, стр. 87 и 707.

⁵ «Таджикско-русский словарь». М., 1954, стр. 382; «Персидско-русский словарь». Т. 2. М., 1970.

⁶ «Фарханги забони тоҷики». Т. 2. М., 1969, стр. 330.

⁷ «Киргизско-русский словарь», стр. 707.

⁸ Махмуд Кашгарий. Девону луготит турк. Т. 2. Тошкент, 1962, стр. 29; «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 554 (далее ДТС).

⁹ «Туркменско-русский словарь». М., 1968.

¹⁰ В эрсаринском диалекте слово *kešše* или *jekenkešše* означает плетенку из рогозы для трав и грубых кормов.

¹¹ Махмуд Кашгарий. Указ. раб., т. 3, стр. 239, 255.

суда', а *качак* 'горшок, посуда'¹². Слово *гаџа* вышло из употребления в современном туркменском языке, но сохранилось как вторая часть парного слова *га:р—га:џ* 'посуда, утварь'.

Таким образом, слово *terkeџ* 'тара' исторически претерпело следующие изменения: *teri keџа > teri keџ > terkeџ*.

Gobdy (govdy, govdu). Ареал этого слова охватывает Ташаузскую область, многие туркменские селения Хорезмской области и Каракалпакской АССР, большинство районов Красноводской области, Дарганатинский район Чарджоуской области и некоторые селения Каахкинского района Ашхабадской области. На этой территории живут носители ёмудского, човдурского, емрелинского, карадашлинского, атинского, алилинского, нохурского диалектов. Условным знаком слова *gobdy* отмечены на карте селения Атгыран Тедженского, Ата Серахского, Сакарчаге Сакарчагинского, Май Дейнауского районов, где также проживают носители диалекта ата, включающего слово *gobdy*.

Данное слово в несколько иных фонетических вариантах встречается и в других тюркских языках. Например, в каракалпакском языке *kobduj* 'шкатулка, коробка, ящик'¹³; в произведениях Алишера Навои слово *govga* 'ведро, которым носят воду'¹⁴, в хазараспском говоре узбекского языка *kovda* 'чехол'¹⁵; в некоторых говорах башкирского языка слово *gəbə* 'деревянный сосуд' а *haba* 'большой кожаный сосуд для кумыса'¹⁶ и т. д. Эти слова близки не только по фонетическому облику, но и по назначению предметов, которые они означают.

На наш взгляд, *gobdy* этимологически также состоит из двух частей: *gov* (*gov, gab, göbö, haba*) и *dy* (*idi, iđi, idiš*). Слово *gov* первоначально означало «кожу», ибо в древнетюркских языках *qoγuŝ* 'кожа, сыромять'¹⁷, а в туркменском языке *gov* 'чешуя, кожа змеи, одежда', *goва* 'кожаное ведро', *govqa* 'остриженная и опаленная шкура свежесбитой овцы', *g'ā:р* 'чучело, набитое соломой', *га:р* 'мешок, тара, посуда, сосуд, футляр' и т. д.

Вторая часть слова *gobdy//govdy—dy//dy* является, видимо, усеченной и палатализованной формой древнетюркского слова *idiš* 'посуда'. Оно употреблено Махмудом Кашгари в форме *idiš*¹⁸, а в кайрской рукописи «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни — *idiš*¹⁹. Многократно *idiš* встречается в памятнике туркменского языка XV века «Ровнак-ул-ислам».

Таким образом, слово *gobdy*, как и *terkeџ*, первоначально означало «кожаную посуду» и претерпело следующую фонетическую эволюцию: *gov idis (idiš) > gov idi (iđi) > govdy (govdu) > gobdy (gobdu)*.

В некоторых диалектах (эрсары, арабачы и т. д.) до сих пор сохранилось слово *g'övdüŝ*, означающее «кувшин с широким горлышком и с двумя ручками для надоенного молока» и являющееся архетипом исследуемого нами слова *gobdy*.

Супҭа:р. Супҭа:р досл. 'китайская посуда', ибо в прошлом во многих языках, в том числе и в туркменском, Китай назывался Суп или Сип. В названиях фарфоровой посуды, завезенной из Китая, также фи-

¹² В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. СПб., 1899, стр. 333—334.

¹³ «Каракалпакско-русский словарь». М., 1958, стр. 395.

¹⁴ А. К. Боровков. Бада-и ал-лугат. Словарь Тали Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961, стр. 211.

¹⁵ «Узбек халк шеваляри лугати». Тошкент, 1971, стр. 163.

¹⁶ «Башкорт һейләштеренең һүзлегә». Т. 2. Өфө, 1970, стр. 65.

¹⁷ ДТС, стр. 452.

¹⁸ ДТС, стр. 203.

¹⁹ ДТС, стр. 217.

гурировало слово *суп* или *сип*. Например, в эрсаринском диалекте туркменского языка до сих пор употребительно слово *сипкә:әе* (или *сипкә:әе*), означающее одну из разновидностей пиял для питья чая. Это слово в форме персидского изафета встречается и в произведениях классика туркменской литературы Сейитназара Сейди (XVIII век):

*Палав ийип, ичмәге гаймаклы чайы,
Кәсейи-чыныдан ченданы бардыр*²⁰

‘Чтобы пить чай со сливками после плова,
У него имеется много китайских пиял’.

Слово *супуа:р*, являющееся первым типом тюркского изафета (*суп+га:р*), зафиксировано в човдурском диалекте (в селениях Кызылтакыр, Гёкчаге, Дышкы, Томмакъяб Калининского района Ташаузской области) и в говоре мурчели текинского диалекта (в селе Мурче Бахарденского района Ашхабадской области).

Кроме указанных слов, в некоторых пунктах, отмеченных в атласе, употребляются различные слова в значении «футляр для пиялы». Например, в селе Карабогаз Кызыл-Арватского района *kä:ðeγa:р* ‘футляр для пиялы’, в селе Маныш Гяурского района слово *qasadan* выражает то же значение, в некоторых селениях Фарабского района и Бухарской области Узбекской ССР — *halta* ‘мешок’, *gačsup* — в том же значении, *ga:ly:р*, *gula:р* ‘форма, шаблон’, *čajneкро:šek* ‘футляр чайника’ и т. д.

Таким образом, в результате долгих и интенсивных контактов с различными родственными и неродственными языками в диалектах туркменского языка стали употребляться различные слова в значении «футляр для пиял». Некоторые из них этимологически восходят к древним тюркским словам и имеют параллели в других тюркских языках.

²⁰ Сейди. Сайланан әсерлер. Ашгабат, 1976, стр. 49.

Н. А. БАСКАКОВ

К ЭТИМОЛОГИИ oğuz, oğuz-qağan

Происхождение слова oğuz и связанных с ним собственных имен до сих пор не нашло единого решения, хотя некоторые этимологии этого слова получили довольно широкое признание тюркологов¹.

Одной из первых попыток объяснения этого собственного имени — названия одного из крупнейших родоплеменных объединений тюрков, было предложенное И. Н. Березиным² и позднее поддержанное французским исследователем П. Пеллио³, сближение названия племени oğuz с oğuz (ДТС, 365) ~ oğuz 'молозиво'.

Многие из исследователей видели в составе названия oğuz словопонятие oq 'стрела', перен. 'род, племя, подразделение племени' + uz 'человек', таким образом oq uz 'стрела человек'⁴ или -uz — аффикс множественного числа oq-uz > oğuz 'роды, племена'⁵.

Не менее популярной является также этимологизация oğuz из ögüz ~ höküz 'бык' > ögüz ~ oğuz 'племя, имеющее своим тотемом быка'⁶.

Существуют также и иные, менее вероятные предположения, например гипотеза С. П. Толстова об идентичности названия племени oğuz с названием массагетского племени *aygassiv*⁷.

При системном подходе к оценке древних этнонимов и соответствующих антропонимов анализ каждого из них должен быть основан на сопоставлении с близкими им, исторически связанными между собой, другими названиями. Так, с этнонимом oğuz ~ ögüz, с одной стороны,

¹ Относительно полную сводку всех гипотез о происхождении этнонима oğuz см.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л Гази-хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 82—84.

² И. Н. Березин. История монголов. Сочинение Рашид-Эддина, СПб., 1861.

³ P. Pelliot. Sur la legende d'Oguz-khan en ecriture ouigour. T'oung Pao, v. XXVII, 1930, № 4—5.

⁴ J. Marquart. Über das Volkstum der Komanen. Abh. der Königl. Gesel. der Wiss. zu Göttingen. Phil.-hist. Kl. N. F., XIII, Berlin, 1914.

⁵ O. Pritsak. Stammesnamen und Titulaturen der altaischen Völker. — Ural-Altaische Jahrbücher. XXIV, 1952; L. Ligeti. Die Herkunft des Volksnamens Kirgiz. K. Cs. Archivum, vol. I, Leiden, 1925; А. Н. Кононов. Указ. раб.

⁶ А. Н. Бернштам. К семантике термина oğul 'сын'. — «Язык и мышление», т. IX, 1940; D. Sinor. Oğuz kağan destanı üzerinde bazı mülahazalar. İstanbul Üniversitesi, Edebiyat Fakültesi. Türk Dil ve Edebiyatı Dergisi, c. IV, İstanbul, 1950, № 1—2; L. Bazin. Notes sur les mots oğuz et türk. — «Oriens», v. 6, 1953, № 2.

⁷ С. П. Толстов. Огузы, печенеги, море Даукара. — «Советская этнография», 1950, № 4.

связаны названия, встречающиеся в русских летописях — *uġuz* ~ *uuz* ~ *uz*, а с другой — древние этнонимы *oġur*: *op oġur* ‘десять огуров’; *kotriġur* ~ *hoturġur* ‘тридцать огуров’; *saġaġur* ‘желтые огуры’ и прочие, встречающиеся в составе родов и племен древних булгар (протобулгар).

Названия *oġuz* ~ *oġur* представляют собой варианты одного и того же слова, различающиеся фонетическим соответствием *г* ~ *z*, характерным для некоторых тюркских языков. Что же касается других вариантов названия того же племени, то одни из них, например, *uġuz* ~ *uuz* ~ *uz* представляют собой различные степени адаптации названия *oġuz* в древнерусских памятниках письменности и в летописях, а другие, например, *opoġur* < *op oġur* (~ *oġuz*) ‘десять огуров (огузов)’; *saġaġur* < *sarġu oġur* ‘желтые огуры’, *kotriġur* < *hoturġ* (~ *otuz*) *oġur* ‘тридцать огуров (огузов)’ — названия более мелких родовых объединений огуров.

Этноним *oġuz* ~ *oġur*/*ögüz* ~ *ögür* и связанный с ним антропоним *Oġuz qaġan* восходят, как нам представляется, к основе, имеющей по различным тюркским языкам многообразное фонетическое оформление, ср. например: 1) *ö-* ‘думать, размышлять’ (ДТС, 375); *ög* ‘разум, мысль’; *ög-bilig* ‘разум-знание’; *ögä* ‘мудрый, мудрец’ (ДТС, 378, 379); *ögsüz* ‘безумный, лишенный разума’ (ДТС, 381); ср. более полную форму: *bögü* ‘мудрый, мудрец’; *bögä* ‘герой, сильный’ (ДТС, 116); 2) *uq-* ‘понимать, разуметь’; *uqtaq* ‘понимание, разумение’; *uquš* ‘разум’; *uquy* ‘разум’; *uqušsuz* ‘неразумный, глупый’ (ДТС, 613—614); 3) *oġaġ-* (ДТС, 362) ‘понимать, разуметь’; алт. *oj* ‘ум, разум, смысл’; алт. *oġuġ* ‘умный, разумный, мудрый, сильный, могучий, богатырь’ (Радлов, I, 969, 971; «Ойротско-русский словарь», М., 1947, стр. 114).

Со всеми указанными фонетическими вариантами связаны соответствующие собственные имена различных тюркских и монгольских каганов, ханов, беков, ср. например: *Ögä-daj qaġan* (ДТС, 379); *Bögü-qaġan* (ДТС, 116); *Bilgä-qaġan*, *Bilgä-beg*, *Oġuz-bilgä* (ДТС, 99), то есть все собственные имена со значением «мудрый каган, хан, бек».

Представляется весьма вероятным, что этноним *oġuz* ~ *ögüz*, *oġur* ~ *ögür* восходит к основе *ö-* ‘думать, размышлять’ и *ög* ‘разум, мысль’ или *oj* ‘ум, разум, смысл’ + *-yuz/-güz* ~ *-uz/-üz*, *-yur/-gür* ~ *ur/-ür* — аффикс имени действующего лица > *ö-güz* ~ *ög-üz*, *ö-gür* ~ *ög-ür* ‘мудрый, мудрец’ ~ алт. *ögüs* ‘мудрец’ (ср. фразу: *neme biler köksinde içkirim sanaalu djaan ulusty ögüs* — *der ajdar* ‘знающих, мудрых, старших людей называют почетными, почтенными старцами — мудрецами’)⁸, или *oj-yur* ~ *oj-yuġ* ‘умный, разумный, мудрый, мудрец’ (Радлов, I, 971, «Ойротско-русский словарь», М., 1947, стр. 114).

Традицией наименования каганов, ханов «мудрыми, мудрейшими, героями, сильными, могучими» и т. д. [ср. *Bögü qaġan* ‘мудрый, могучий каган’ (ДТС, 116); *Bilgä qaġan* ‘знающий, мудрый каган’ (ДТС, 99); *Ogädaġ qaġan* ‘мудроподобный хан’ (ДТС, 379); и т. д.] может быть объяснена также и основа *ögüz* ~ *oġuz* в собственном имени *Ögüz* ~ *Oġuz-qaġan* ‘мудрый каган’, а также основа в названии племени *oġuz* ~ *ögüz* ‘огуз’.

Не исключена возможность также наличия основы *oġuġ* ‘мудрый’ в этнониме *uġuġ*, происхождение которого объясняется либо основой *uġuġ* ‘послушный, поддающийся, следующий за кем-либо, последователь, сообщник’ (Радлов, I, 1598), либо *uġuġ* < *uj-* ‘присоединяться, за-

⁸ Записано в Эликманарском районе Горно-Алтайской Автономной области и сообщено Н. А. Кудачиной.

ключить союз' + -γug/-güg — аффикс имени действия > uγ-γug 'присоединившийся, заключивший союз'⁹.

Возможно, что этнонимы: 1) oγuz ~ ögüz; 2) oγug ~ ögüg и 3) uγ-γug ~ jöγug представляют собой одно и то же название со значением «мудрый, могучий, сильный», но фонетически дифференцировавшимся в зависимости от того, от какого племени это название исходило, от племени с *γ*-языком или от племени с *z*-языком.

⁹ См. подробный разбор этого этнонима: В. В. Радлов. К вопросу об уйгурах. — В приложении к т. XXII Записок Академии наук, № 2, СПб... 1893; E. Bretschneider. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, Vol. I—II, London, 1910; Дж. Клонсон. О названии *уйгур*. Исследования по уйгурскому языку, Алма-Ата, 1965.

Л. Г. ТИМОНИНА

О НЕКОТОРЫХ ДРЕВНИХ ЕНИСЕЙСКО-ТЮРКСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

В состав некоторых енисейских слов входит в качестве инициального компонента загадочный элемент *il-/al-*. В настоящей статье предпринята попытка установить значение этого компонента и рассмотреть его с точки зрения возможности сопоставления с тюркской основой *i:l ~ il ~ el*¹.

Енисейские слова со значением «человек» (ср.: ар. *qit*, *k'it*, асс. *hit*, *hyt*, имб. *ke:t*, *ket*, кот. *ilit*, ост. *ket*, пумп. *kit*²) восходят к единой общенисейской основе **ke?t*. Среди этих слов выделяется своей формой кот. *ilit*, которое, как становится очевидным из их сравнения, состоит из двух компонентов *il+hit*. По поводу состава кот. *ilit* высказывалось мнение, что его первый компонент является тюркским по происхождению. А. Йоки возводит его к тюркской основе *il*³. Такое объяснение может показаться вполне вероятным, если учесть, что в коттском языке вообще много тюркских заимствований, поскольку котты, как и другие южные енисейцы, находились в длительном и тесном контакте с тюркскими народами. Однако данное толкование осложняется тем фактом, что компонент *il-/al-* встречается в составе целого ряда исконно енисейских слов, а это не согласуется с тем, что *-il-/al-* является заимствованием.

Попытаемся остановиться подробнее на этом компоненте и выяснить, какую роль он играет в составе сложных слов.

Впервые этот загадочный компонент привлек внимание А. Шифнера⁴, который заметил, что некоторые коттские слова имеют наращение *al-*, а аринские — *il-*, в то время как соответствующие им кетские слова этого компонента не имеют. Однако следует отметить нерегулярность такого соответствия. Больше всего слов с инициальным *il-/al-* зафиксировано в коттском языке.

Енисейские слова с интересующим нас компонентом образуют определенные семантические группы, среди которых заметно выделяются две: названия людей и названия животных.

Что касается названий людей, то кроме кот. *ilit* «человек», этот компонент встречается в следующих словах: кот. *a'lit*, асс. *alit*, пумп. *il'sem*,

¹ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 339—343.

² А. П. Дульзон. Словарные материалы XVIII века по кетским наречиям. — «Ученые записки Томского пединститута», 1961, т. 19, вып. II, стр. 187.

³ A. J. Jokl. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. Helsinki, 1952, стр. 138.

⁴ A. Schiefner. Vorwort zu M. A. Castrén's Versuch einer jénissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. SPb., 1858, стр. XV.

ilzem 'жена'⁵, пумп. il'set, ilzet 'муж'⁶. В современных говорах кетского языка находим также сул. *Лл'гет* (мн. ч. *Лл'дэң*), кет. *ыл'гАт^h* 'холостяк', кур., бак. *бЛс'ал'гет* 'вдовец', кел. *Лтэкет^h* 'свояк' ('спутник', 'товарищ')⁷ (ср. кот. *alt^{hi}t*, *alt^{hi}t* 'спутник', 'товарищ'⁸).

Среди названий животных компонент *il-/al-* содержат следующие: кот. *'alčip*, асс. *al'čip*, ар. *'ilčar* (ср. имб. *ti:p*, čip, tip, typ, ост. čip, пумп. су, čур) 'собака'⁹, кот. *altuma* (ср. кет. *dum*) 'птичка'¹⁰, кот. *alt^hax* (ср. кет. *to:x*, *to:g*) 'утка-кряква'¹¹, кот. *alt^hai* (ср. кет. *t'o:gor*, *total*, *t'u:gor*) 'шнепель'¹², ар. *'ilti* (ср. кот. *tig*, асс. *tyg*, *tyk*) 'рыба'¹³, кот. *ačanš*, *ačanš*, асс. *alčanš*, *alčanši* 'лось'¹⁴, кот. *alpuga*, *alpuka*, *alpaка* (ср. кет. *kor*, *kuor*) 'белка-летяга'¹⁵, кот. *alt^{hi}:tega*, **alt^{hi}:teka* 'муравей'¹⁶.

Пытаясь объяснить наличие этого компонента в составе енисейских слов, А. Шифнер высказал предположение, что *il-/al-* мог выполнять функцию артикля, или же, полагал он, в нем заложено значение рода. Тщательное рассмотрение всех енисейских слов, содержащих данный компонент, показывает, что последний не несет никакого грамматического значения, а является чем-то вроде лексического реликта. Можно предположить, что он когда-то имел вполне определенное лексическое значение, которое со временем было полностью утрачено.

В результате десемантизации *il-/al-* структура некогда сложных слов перестала осознаваться носителями языка. Эти слова потеряли свою мотивацию, и в них произошли различные структурные изменения. Некоторые из этих слов подверглись процессу опрощения, другие же, возможно, вообще утратили этот компонент. Вероятно, этим объясняется тот факт, что в XIX веке М. А. Кастрен зафиксировал кот. *hit* 'человек' уже без инициального *il-*.

Древность компонента *il-/al-* подтверждается в какой-то мере тем, что он сохранился в некоторых словах, относящихся к области мифологической терминологии. Он, например, встречается в названиях первых упоминаемых в мифах земных жителей.

Согласно кетской мифологии первую женщину на земле звали *iḡhup* 'дочь солнца' (*hi?n* 'дочь'). Называют ее также *ilam* ~ *ilym* 'солнечная женщина' (*il+qim* 'женщина'), *iril^a* *ket* 'солнцем рожденный человек' и *kAṇesam* 'светлая женщина', 'утренней зари женщина'¹⁷. Еще одного персонажа кетской мифологии звали *il'get* 'сын земли'¹⁸. Имена этих мифологических персонажей представлены сложными словами, структура которых соответствует той же словообразовательной модели, что и кот. *ilit*.

⁵ А. П. Дульзон. Указ. раб., стр. 167.

⁶ Там же, стр. 173.

⁷ Примеры из современных говоров кетского языка взяты из картотеки, хранящейся в кабинете языкознания Томского пединститута.

⁸ М. А. Castrén. Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. SPb., 1858, стр. 239.

⁹ А. П. Дульзон. Указ. раб., стр. 182.

¹⁰ М. А. Castrén. Указ. раб., стр. 259.

¹¹ Там же, стр. 236, 250.

¹² Там же, стр. 259.

¹³ А. П. Дульзон. Указ. раб., стр. 180.

¹⁴ Там же, стр. 171.

¹⁵ М. А. Castrén. Указ. раб., стр. 236.

¹⁶ Там же, стр. 231.

¹⁷ Е. А. Алексеев. Представление кетов о мире. — В кн.: «Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера». Л., 1976, стр. 82.

¹⁸ Там же, стр. 87.

По такой же модели построено слово *ilwaŋ*¹⁹ или *ilbä'ŋ*²⁰ (*baʔŋ* 'земля'). Его нельзя перевести однозначно — «земля». Необходимо в качестве пояснения добавить, что это мир, где живут люди, это все, что окружает человека, вместе взятое. Данное слово отражает религиозные представления древних енисейцев об устройстве вселенной, которая, по их понятиям, состояла из нескольких миров. Словом *ilbä'ŋ* назывался «средний мир», то есть мир людей, в отличие от нижнего мира, который был миром мертвых, и верхнего мира, населенного небожителями. И, если небесные люди, согласно кетской мифологии, назывались *es'deŋ* (*es'* 'небо' + *deŋ* 'люди'), то живущие в земном мире, можно полагать, назывались словами, имеющими в инициальной позиции компонент *il-/al-*.

Интересно, что это предположение совершенно неожиданно находит убедительное подтверждение в кетской сказке о сыне бога, записанной Э. И. Белимовым в 1978 году²¹. В сказке несколько раз упоминается слово *baʔŋ* 'земля'. Рассказывая сказку, информантка в некоторых случаях прибавляла к слову *baʔŋ* инициальный *il-*. Почему она так делала, она не могла объяснить. На вопрос, можно ли прибавить *il-* к каким-нибудь другим словам, ответила, что можно. Например, объяснила она, можно сказать *ilti:r* 'собака'. Судя по контексту сказки, действие которой происходит в двух мирах — земном и небесном, *ilbaʔŋ* употребляется в том случае, когда нужно точно указать, что действие происходит в мире людей, то есть чтобы не внести путаницу в повествование и не перепутать «земную» землю с «небесной» землей.

Таким образом, можно восстановить утерянное значение *il-/al-*, предположив, что эта древняя основа имела когда-то значение «земной», «живущий на земле (в „среднем” мире)». Но этим, как нам кажется, не ограничивается значение данного компонента.

В содержание компонента *il-/al-*, по-видимому, входит также и значение, отражающее связь живущих на земле с солнцем. Это значение особенно четко выступает в названиях первой женщины на земле — «солнечная», «солнцем рожденная». То, что именно эту идею несет первый компонент, подтверждается и семантикой другого названия первой женщины *kʷesam* 'светлая женщина', 'утренней зари женщина', имеющего в качестве инициального компонента совсем другую основу, но передающую тот же смысл: первая женщина на земле произошла от солнца, солнечного света. Подтверждение находим и в кетской мифологии: кетские сказки объясняют, что первая женщина была создана солнцем и послана жить на землю²².

Итак, можно сказать, что инициальный компонент *il-/al-*, который в качестве некоего реликта сохранился в составе некоторых енисейских слов, имел когда-то лексическое значение «созданный солнцем и живущий на земле». В значении и употреблении этого компонента отразились древнейшие представления енисейцев о мире.

¹⁹ В. И. Ануцин. Очерк шаманства у енисейских остяков. — Сб. Музея антропологии и этнографии, 1914, т. 2, вып. II, стр. 13—14.

²⁰ K. Donner. Ethnological Notes about the Jenissey-Ostjak (in Turukhansk Region). MsFOu. vol. 66, Helsinki, 1933, стр. 83.

²¹ Пользуемся случаем принести глубокую благодарность Э. И. Белимову за сообщенные нам сведения.

²² Интересно заметить, что самоназвание кетов утверждает ту же самую идею о происхождении енисейцев от солнца, утренней зари. Самоназвание кетов *ʔkʷand'eŋ* (*kʷan* 'светлый' + *d'eŋ* 'люди') 'кеты' (*ʔkʷanas'kəʔt* 'кет', *ʔkʷanassem* 'кетка') (Г. К. Вернер. Акцентированные сравнительные словарные материалы по современным енисейским диалектам. — В кн.: «Языки и топонимия», вып. 4. Томск, 1977, стр. 156) переводится дословно «светлые люди», что следует понимать как «происходящие от солнечного света, утренней зари».

При таком толковании значения *il-/al-* становится объяснимым наличие этого компонента в названиях некоторых животных. В основном этот компонент сохранился в названиях животных, которые в кетской мифологии называются «земляные звери», «земляные птицы». Само это название как бы предполагает, что эти животные были созданы землей-прародительницей. Этому, однако, противоречит другое известное из кетской мифологии представление о том, что эти самые животные были посланы на землю Есем (*es* 'бог', 'небо')²³. К числу «земляных» животных относятся, как правило, промысловые животные, такие, как лось, соболь, утка, и т. п. Наличие компонента *il-/al-* в названиях этих животных, на наш взгляд, объясняет очевидное, казалось бы, несоответствие в представлениях енисейцев о происхождении этих животных.

Обратимся теперь к тюркскому материалу. Приведем несколько примеров параллелизма тюркских и енисейских форм, поразительное структурное и материальное сходство которых трудно отнести к случайным совпадениям. Нельзя, например, оставить без внимания сходство построения кот. *ilit* и некоторых тюркских образований с основой *il* в своем составе. Например, в современном хакасском языке с древних времен сохранилась сложная форма *ил-чон* 'народ', где в отличие от таких сочетаний, как *халых-чон*, *албаты-чон* (*халых*, *албаты* 'плата') 'народ-плательщик', 'народ-данник' и *арга-чон* (*арга* 'спина') 'трудящийся народ', первый компонент не переводится²⁴.

Подобные древние образования сохранились и в некоторых других современных тюркских языках: ср., например, туркм. *ил-гун* или более позднее *ил-халг* 'народ', азерб. *ел-гун* 'родня', 'родственники'²⁵.

В плане сравнения рассматриваемых енисейской и тюркской основ интересно и следующее замечание А. Раджабова.

Говоря о переводе слова *äl* в древнетюркских рунических памятниках, А. Раджабов высказывает мнение, что содержание этого слова шире, чем просто «народ». Это слово включает понятие не только народа, но и территории, на которой данный народ живет²⁶. На наш взгляд, это значение весьма близко енисейскому *il-/al-* в таком его употреблении, как кет. *ilbaʔŋ* 'мир, где живут люди'.

Что касается названий животных, то здесь тоже можно привести пример удивительного совпадения с енисейскими названиями животных, содержащими инициальный *il-/al-*. В тюрк. *ilbirs* 'барс', 'тигр', 'пантера', 'леопард', 'ягуар', 'рысь'²⁷ мы встречаемся, как нам кажется, с аналогичным построением и наличием общего материального компонента.

Сравнение енисейской основы *il-/al-* и тюркской основы *i:l ~ il ~ el* наводит на мысль о едином источнике этих основ, которые в обоих языках настолько древние, что, несомненно, принадлежат к исконному слою лексики каждого из них. Тем не менее это не исключает возможности их происхождения из общего древнейшего неизвестного нам источника. Эти основы имели разные судьбы в указанных языках, различные линии развития, но та точка, в которой енисейская и тюркская основы соприкасаются, раскрывает прошлое этой древней основы в неожиданном и интересном ракурсе.

²³ Е. А. Алексеенко. Указ. раб., стр. 78.

²⁴ С. В. Киселев. Древнехакасский «эль». — «Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории», вып. 1. Абакан, 1948, стр. 32.

²⁵ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 342.

²⁶ А. Раджабов. О переводе слова *äl* в древнетюркских рунических памятниках. — «Ученые записки Азербайджанского пединститута», XI серия, № 3. Баку, 1967, стр. 116—117.

²⁷ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 346.

Данная основа, как отмечалось, отражает древнейшие представления человека о мире. Однако, как нам кажется, она намного древнее тех религиозных представлений и культов, отзвуки которых мы в ней находим. Возможно, она восходит к той далекой древности, когда человек воспринимал окружающий мир нерасчлененно, во всей его целостности и единстве.

Судя по следам, которые эта основа оставила в енисейских языках, а также учитывая ее значения в тюркских языках, она может быть отнесена к числу основ типологически сходных с тунг.-маньч. *буа*. Круг значений слова *буа* в тунгусо-маньчжурских языках очень широк, хотя и разнится в отдельных из них. Это слово имеет множество значений, в том числе: «местность», «окружающий район», «родина», «земля», «мир», «природа», «климат», «погода», «небо»²⁸. С развитием и изменением мировоззренческих представлений человека происходило расширение семантики слова *буа*, появились новые его значения: «дух-хозяин верхнего мира», «дух-хозяин нижнего мира», «бог», «икона» и др.²⁹ Словом, генетически близким к *буа*, называется в тунгусо-маньчжурских языках копытный зверь (олень, изюбр, лось)³⁰.

Все это множество значений развилось позже, а исходной семантикой слова *буа* было, как нам представляется, общее обозначение окружающей человека природы и действующих в ней сил в их совокупности, недифференцированности. Об этом говорит уже сам набор значений этого слова, а также некоторые реликтовые его употребления. Например, использование тунгусами слова *буа* в предложениях типа *буга агдыдыран* (букв. 'буга гремит'), хотя слово *агдыдыран* само по себе означает «гром гремит»³¹. Следы раннего, первичного значения *буа* сохранились и в слове *бугады* (букв.: 'относящиеся к буга'), которым эвенки называют родовые священные деревья и скалы³².

Инициальное употребление *il-/al-* в составе сложных енисейских слов сохраняло такой же оттенок значения, как и эвенкийское *бугады*, то есть этот компонент, выступая в составе слов как универсальный определитель, указывал на то, что понятие, называемое словом с инициальным *il-/al-* является, так сказать, «относящимся к *il-/al-*», то есть включается в объем понятия, обозначаемого основой *il-/al-*, который, как нам представляется, менялся в процессе развития языка. Значение основы *il-/al-* наполнялось новым содержанием в зависимости от изменений мировоззренческих представлений человека. Вначале этим словом мог обозначаться весь непосредственно окружающий человека мир, потом, вероятно, могущественные природные силы, действующие в этом мире, а еще позже — божества, которым эти силы стали приписываться.

Интересно, что сама модель номинации, обнаруживаемая в подобных наименованиях, оказалась стойкой в языке, хотя она и реализуется через другие элементы. Например, в енисейских языках есть аналогичные образования с основой *es* 'небо', 'бог': имб. *ʰasʰʰel* 'дикий олень', 'зверь', кет. *ʰassup/ʰassup* 'куропатка'³³, кур. *ʰassél* 'птица', 'зверь'. *Es* в составе этих слов подчеркивает, что понятие, обозначаемое данным словом, является «относящимся к *es*», то есть к обожествляемому небу, бо-

²⁸ «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», т. I. Л., 1975, стр. 100.

²⁹ Г. М. Василевич. Ранние представления о мире у эвенков. — В кн.: «Исследования и материалы по вопросам первичных религиозных верований. Труды института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. I. М., 1959, стр. 160.

³⁰ А. Ф. Анисимов. Космологические представления народов Севера. М.—Л., 1959, стр. 37.

³¹ Г. М. Василевич. Указ. раб., стр. 160.

³² А. Ф. Анисимов. Указ. раб., стр. 34.

³³ Г. К. Вернер. Указ. раб., стр. 136.

гу. Хотя компонент *es* в составе приводимых слов не переводится, эти слова не утратили своей мотивации, так как в отличие от основы *il-/al-*, основа *es* функционирует в языке самостоятельно.

В подтверждение высказанного выше предположения о широкой исходной семантике сопоставляемой основы приведем тюркский материал. Большой интерес в этом плане представляют подставные слова тюркских народов Алтая: *алды*, *албаҕа* 'дикий зверь', использовавшиеся охотниками вместо табуированных названий промысловых животных (чаще всего соболя)³⁴. Охотники избегали упоминать конкретные названия промысловых животных, а вместо них употребляли общие, родовые названия. Основа *al* (ср. *алды* 'дикий зверь') оказалась вполне подходящей для передачи такого общего значения (как и тунг.-маньч. *бууа* в *бугады*). Слово *алды* близко по значению к енисейским словам, в которых, как нам представляется, вариант основы *il-/al-* выступает в качестве самостоятельной основы: ю.-имб. ⁴*с'эл'*, кур. ⁴*с'э:л'и*, бак. ⁴*с'э:л'э*, сым. ⁴*сэ^h:р* 'олень'³⁵, кот. *šeli*, **šele*, **šel'e* 'дичь'³⁶.

Что касается тюрк. *албаҕа* 'дикий зверь', 'дичь', то оно по структуре и инициальному компоненту идентично приводившимся выше енисейским названиям животных, имеющим *il-/al-* в качестве начального компонента. Поразительно сходство тюрк. *албаҕа* с кот. *alpuḡa* 'белка-летяга', которое А. Йоки относит к тюркским заимствованиям³⁷, что, однако, как и в случае с кот. *ilit*, можно подвергнуть сомнению (ср. кет. *кор*, *киор* 'белка-летяга'³⁸).

Таким образом, сравнение тюркского и енисейского материала показало, что сопоставляемая основа является очень древней, и, хотя в каждой из этих языковых семей она является исконной, как отмечалось выше, можно предположить, что как тюркские, так и енисейские формы восходят к единому очень древнему неизвестному нам источнику. Думается, что выявление и изучение подобных параллелей представляет большой интерес как для тюркологии, так и для енисейского языкознания.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ар. — аринский,
асс. — ассанский,
бак. — бакулихский,
имб. — имбатский,
кел. — келлогский,
кот. — коттский,

кур. — курейский,
ост. — остяцкий,
пумп. — пумпокольский,
сул. — суломайский,
сур. — сургутинский,
тунг.-маньч. — тунгусо-маньчжурский,

³⁴ Д. К. Зеленин. Табу слов у народов восточной Европы и Северной Азии. — «Сборник музея антропологии и этнографии», т. VIII. Л., 1929, стр. 91.

³⁵ Г. К. Вернер. Указ. раб., стр. 175.

³⁶ М. А. Castrén. Указ. раб., стр. 257.

³⁷ А. J. Jokii. Указ. раб., стр. 62.

³⁸ М. А. Castrén. Указ. раб., стр. 236.

Я. И. СУНЧУГАШЕВ

О СВЯЗИ МЕЖДОМЕТИЯ «ЫЙУ» ХАКАССКОГО ЯЗЫКА С ДРЕВНЕТЮРКСКИМ ују

В настоящем сообщении сделана попытка рассмотреть связь междометия *ыйу* хакасского языка с элементом *ују*, встречающимся в текстах древнетюркской письменности.

В исследовании С. Е. Малова «Енисейская письменность тюрков» (М.—Л., 1952) приведен древнетюркский текст первого памятника Чакуля:

«1) *Кадашым адырылдым, ы ју кюда*
кунчујым адырылдым, сәкіз оглым
адырылдым ы ју (выделено нами).

1) 'От своих товарищей я отделился (т. е. умер).
Увы! От своих принцесс в теремах я
отделился (т. е. умер). От восьми своих
сыновей я отделился (т. е. умер). Увы!'¹.

В примечании к переводу С. Е. Малов писал: «Слово *ыју* для меня очень затруднительно перевести... Я перевожу по общему контексту: „увы“, „о горе!“»². По нашему мнению, последнее точнее передает содержание поминального текста, если учесть наличие междометий современного хакасского языка: *йо-йо*, *йу-йу*, *ыйу-ыйу*³, которые, как правило, употребляются для выражения глубокого горя, несчастья, а также присутствуют в поминальном плаче — *сыыте*. Сыыты с указанными выше междометиями до сегодняшнего дня сохранились у хакасов, носителей сагайского диалекта, Аскизского и Таштыпского районов⁴.

Приведенный выше текст памятника по-хакасски звучит как *сыыт* весьма выразительно:

(1) *Арғыстарымнаң азырлым (чарыл пардым),*
Ыйу.
Хуйдағы хуйчыларымнаң азырлым
(чарыл пардым), сисіс оолғымнаң
азырлым (чарыл пардым),
Ыйу.

¹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 35.

² Там же, стр. 36. Ср. переводы текста первого памятника с Алтын-Кёля в кн.: И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII веков. М., 1966, стр. 100, 140—141.

³ «Грамматика хакасского языка». Под редакцией проф. Н. А. Баскакова. М., 1975, стр. 126—127.

⁴ Несмотря на многочисленные информации о погребальном обряде хакасов, поминальный плач — *сыыт*, несомненно, имеющий древнейшие истоки, все еще не описан.

⁵ «Советская тюркология», № 1.

Несомненно, древнетюркский *сыыт* передан в стихотворной форме. Данные междометия употребляются хакасами и для выражения острой физической боли: *Йо или ыйу, азаам!* 'Ой, ноги мои!' У носителей качинского диалекта хакасского языка (Ширинский район) междометия сохранились и в лирических тахпах (частушках):

*Ах пайзаң ибниң истін чарытчатхан
Алты листыг көзенек
Ала хараамны чейнетчеткен
Алған кізім Людечеем.
Оо, паарымай, чўремей!..'*

Красивую белую юрту
Пребольшое окно освещает.
Из черных очей слезы мои льет
Людочка — жена моя.
Оо, печенка моя, сердце мое!..⁵.

При исполнении этих и других тахпахов произносят либо *йо*, либо его другие варианты.

С интересными сообщениями о некоторых связях хакасского языка с древнетюркскими текстами выступили в 50—60-х годах Н. Г. Доможаков⁶ и М. И. Боргояков⁷. Как известно, датировка и определение исторической принадлежности памятников древнетюркской письменности, найденных в Туве и Хакасии, даны достаточно полно в исследованиях Л. Р. Кызласова⁸.

Таким образом, употребление *уји* в древнетюркских эпитафиях идентично с употреблением *ыйу-ыйу*, *йо-йо* в хакасском *сыыте*. Это еще раз указывает на исторические связи хакасского языка с древнетюркским.

⁵ П. А. Трояков. Слеты сказителей и певцов. — «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VIII. Абакан, 1960, стр. 222. Последняя строка переведена нами дословно.

⁶ Н. Г. Доможаков. Заметка о слове «Уйс». — «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. V. Абакан, 1957, стр. 184—185.

⁷ М. И. Боргояков. Об одной особенности сагайского диалекта хакасского языка. — «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VIII. Абакан, 1960, стр. 185—186; его же. Материалы по лексике хакасского языка. — «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. XI, 1965, стр. 174—185.

⁸ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1960, № 3; его же. О датировке памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1965, № 3; его же. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 114—116 и др.

РЕЦЕНЗИИ

«КЫРГЫЗ АДАБИЙ ТИЛИНИН ГРАММАТИКАСЫ. 1 БӨЛҮМ. ФОНЕТИКА ЖАНА МОРФОЛОГИЯ»

«ИЛИМ» БАСМАСЫ, ФРУНЗЕ, 1980, 539 стр.

Убедительным доказательством интенсивного, плодотворного развития киргизского языка в советскую эпоху является выход в свет целого ряда капитальных научных трудов, посвященных различным проблемам киргизского языкознания.

К ним относится и рецензируемая книга, созданная большим авторским коллективом. Над ней работали четырнадцать ученых и среди них К. К. Сартбаев, Б. О. Орузбаева, Т. К. Акматов, С. Кудайбергенов, А. Турсунов и другие.

Книга представляет собой первую наиболее полную академическую грамматику киргизского языка, содержит обширный иллюстративный материал, взятый из произведений киргизской литературы и устного народного творчества. Она существенно отличается как по своей полноте, так и научной глубине от учебного пособия для вузов, изданного во Фрунзе в 1964 году под названием «Кыргыз тилинин грамматикасы. Морфология».

В рецензируемой работе глубоко исследованы не только исконные особенности грамматики киргизского языка, но и новые явления, возникшие в последние десятилетия под воздействием изменений социальных условий, в которых функционирует язык, например, появление множества структурных типов сложных слов, вновь сложившиеся произносительные нормы и т. д.

Раздел фонетики (стр. 8—80) охватывает важнейшие вопросы описательной фонетики киргизского языка. Рассматриваются три основных аспекта фонетики киргизского языка: акустический, анатомо-физиологический и лингвистический. Подробно характеризуются системы гласных и согласных, различные фонетические явления в киргизском слове в целом (закон гармонии гласных: небной и губной), а также возникающие обычно при сочетании слов и морфем на их стыках и в других позициях: ассимиляция, диссимиляция, озвончение глухих, выпадение звуков, протеза и т. д.

Говорится о таких категориях фонетики, как строение слова, словесное и фразовое ударение, интонация.

В данном разделе читатель найдет много новых сведений о фонетике киргизского языка. Одной из особенностей структуры киргизской фонетической системы является наличие долгих гласных, так же как в туркменском, якутском и тувинском языках. Однако о количестве долгих гласных фонем в киргизском языке пока еще нет единого мнения. В рецензируемой книге принята точка зрения, согласно которой систему киргизских гласных составляют восемь кратких и шесть долгих. Устанавливая систему киргизских гласных и согласных, авторы грамматики исходят не только из фонологических противопоставлений, но и из данных экспериментальной фонетики. Интересным в работе является также подробное объяснение истории происхождения каждой из долгих гласных фонем. Как правило, они возникают из сочетания ГСГ, где гласные — идентичны, а интервокальный согласный — сонант или спондизированный смычный. Однако этим не ограничиваются исторические пути возникновения долгих гласных. Иногда это происходит посредством удлинения краткого гласного (стр. 35). Данные экспериментального изучения фонетики киргизского языка позволили точнее установить продолжительность звуков и состояние артикуляционных органов при их произнесении. Киргизский язык отличается от многих тюркских языков также наличием сильной губной гармонии. В книге хорошо показаны эти особенности. Отмечены и новые явления, приводящие к нарушению как губной, так и небной гармонии гласных. Хотя общепринято считать постоянным местом словесного ударения конец слова, в книге убедительно показано, что наряду с этим киргизское ударение, как и в других тюркских языках, может фактически падать на любой слог, в зависимости от наличия ряда морфологических категорий, не принимающих на себя ударения.

Основную часть книги составляет раздел «Морфология» (стр. 81—535). В нем достаточно места отведено основным теоретическим вопросам морфологии киргизского языка: объекту морфологии, определению грамматических категорий, соотношению грамматической формы и грамматического значения, проблеме состава слова; большое внимание уделяется одному из сложных вопросов грамматики и лексикологии тюркских языков — определению границ сложного слова, парных слов, повторов, общим вопросам словообразования на материале киргизского языка.

Последовательно дана в работе классификация частей речи на фоне современных достижений тюркской морфологии, рассмотрены все выделяемые в современном киргизском языкознании части речи. Положения и выводы иллюстрируются материалами живого киргизского языка, в необходимых случаях привлекаются и исторические материалы.

В вопросе классификации частей речи авторы исходят из научно обоснованного положения о том, что грамматические категории одной группы языков могут не совпадать с грамматическими категориями другой группы. Поэтому схема грамматических категорий одной группы языков не всегда применима к другой группе. К сожалению, это положение в современной тюркологии не всегда учитывается — на грамматические категории тюркских языков во многих академических и учебных грамматиках переносятся названия категорий других, в особенности — индоевропейских языков, несмотря на порой существенные различия и специфику.

В данном разделе рассматривается также вопрос о границах корня, развитии аффиксов и служебных слов. Как известно, структура корня и его история были глубоко исследованы Б. М. Юнусалиевым в его книге «Киргизская лексикология». Авторы данной грамматики стремились изложить вопросы структуры слова и корня в свете положений этого труда.

В классификации аффиксов авторы книги придерживаются концепции о существовании трех групп аффиксов (словообразовательных, словоизменяющих и формообразующих), заимствованной из индоевропеистики, хотя подобное деление в тюркологии еще не находит единодушного одобрения.

Авторы стремились также разобраться в сложном вопросе определения специфики парных слов, и выдвигаемые ими критерии вполне заслуживают внимания тюркологов. Специальный раздел во вступительной части морфологии посвящен словообразованию.

В классификации частей речи в общей части грамматики принимается широко распространенный в тюркологии тройной принцип: определение частей речи на основе морфологических, семантических и синтаксических признаков. Однако при конкретном рассмотрении отдельных частей речи

авторы руководствуются, главным образом, семантическим критерием их выделения. Например, имя существительное (*зат ато-оч*) определяется как часть речи, выражающая название предметов и понятий (стр. 145). В киргизоведении до сих пор нет единого мнения относительно числа частей речи. В учебниках, грамматиках выделяется от восьми до двенадцати частей речи. Думается, что в дальнейшей работе над учебниками киргизского языка основные принципы выделения частей речи (12 частей речи), разработанные в данной грамматике, должны сыграть положительную научно-теоретическую роль. Заслуживает внимания рассмотрение в главе об именах существительных их лексико-семантических групп.

Как и во многих других грамматиках, основное место в рецензируемой работе занимают имя существительное (стр. 145—222) и глагол (стр. 286—453). Другим частям речи отведено сравнительно скромное место. Например, лишь по тринадцать страниц выделено для таких именных частей речи, как прилагательное, числительное, наречие, что не позволило авторам полнее раскрыть их особенности.

Главенствующая роль семантических критериев отражается и на выделении служебных или несамостоятельных частей речи, объединенных в книге под общим названием «Части речи, лишенные значения» («Мани бербөөчү сөз түркүмдөрү»), куда входят послелоги, союзы, частицы и модальные слова. Описаны в книге и основные свойства подражательных слов, составляющих одну из особенностей лексики киргизского языка, сохранившей древние структуры, а также междометия.

Рецензируемый труд свидетельствует не только о возросшем уровне лингвистики в Киргизии, но и о степени развития уже состоявшейся киргизской лингвистической терминологии.

Издание не лишено некоторых недостатков. Таблица гласных (стр. 16) выглядит несколько громоздкой, она могла быть заменена более простой и легкодоступной схемой. Выделение в составе сложных слов (*татаал сөздөр*) двух групп — современных и исторических, с точки зрения теории слова не до конца обосновано (стр. 100—102). Некоторые части грамматики явно нуждаются во вводной пояснительной части, см., например, словообразование имен существительных (стр. 152); прежде чем приступить к конкретному изложению таких категорий, как категория множественного числа, принадлежности, склонения, следовало бы привести общие положения о словоизменении имен существительных (стр. 168); служебные имена (поскольку они рассматриваются как одна из служебных частей речи) целесообразнее было бы расположить рядом с послелогами, а не с именами существительными.

Авторы должны были принять какую-то общую схему порядка подачи категорий словообразования и словоизменения (предпочтительнее сначала описать словообразо-

вание, а затем словоизменение), как это сделано в отношении ряда знаменательных частей речи.

В целом «Грамматика киргизского литературного языка» является значительным

достижением киргизской лингвистики, отражающим современный уровень развития этой науки в Киргизии.

К. Мусаев

ГАБИБ БАБАЕВ. САМЕД ВУРГУН. ОЧЕРК ТВОРЧЕСТВА

ИЗД-ВО «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ», М., 1981, 272 стр.

Многогранное творчество выдающегося азербайджанского советского поэта Самеда Вургуну воплотило в себе характерные особенности, присущие не только азербайджанской, но и всей советской многонациональной литературе.

Различным сторонам поэтического творчества С. Вургуну посвящены исследования таких видных азербайджанских литературоведов и критиков, как М. Ариф, Мир Джалал, М. Гусейн, М. Дж. Джафаров и многие другие. Ныне к числу существующих прибавилась оригинальная рецензируемая работа Г. Бабаева. В ней использован обширный печатный и архивный материал.

Во введении, где дан обзор литературы о творчестве С. Вургуну, автор останавливается на их достоинствах и недостатках. В частности, Г. Бабаев полемизирует с теми из исследователей, которые не учитывают характерного для поэзии С. Вургуну синтеза реализма и романтизма.

С именем С. Вургуну связаны общепризнанные успехи азербайджанской советской поэзии, ее всеоюзное и международное признание. В творчестве С. Вургуну реалистическое и романтическое начала сливаются в единое целое, и этому новаторскому методу поэтического творчества автором монографии уделяется особое внимание. Реалистическое отображение действительности, важных событий эпохи в сочетании с высокой революционной романтикой, как отмечается автором, всегда было присуще творчеству поэта и развивалось, совершенствовалось на протяжении всей его жизни.

Романтический «вургуновский» пафос особенно ярко проявляется и тогда, когда поэт пишет о светлых сторонах народной жизни, и тогда, когда он гневно выступает против всего, мешающего поступательному развитию нашего общества.

Г. Бабаев справедливо упрекает тех исследователей, которые избегали говорить о С. Вургуне как романтике. Он правомерно считает, что подлинная революционная романтика — неотъемлемая черта советской поэзии в целом и азербайджанской —

в частности. Г. Бабаев критикует и тех литературоведов, которые преувеличивают роль романтики в произведениях С. Вургуну. Вместе с тем он обоснованно считает, что романтика характерна не для какого-то отдельного периода, а для всего творчества поэта. С этих позиций Г. Бабаев раскрывает особенности поэзии С. Вургуну, неразрывно связанные с личностью самого поэта, широко используя для этого воспоминания о С. Вургуне Н. Тихонова, П. Антокольского, Ю. Либединского, А. Первенцева и многих других известных советских писателей.

К достоинствам работы Г. Бабаева относится и то, что поэзия С. Вургуну рассматривается им на фоне не только азербайджанской, но и всей советской литературы. Он возражает исследователям, обвинявшим поэта в абстрактном романтизме, в уходе от актуальной тематики. Г. Бабаев подробно останавливается и на литературно-критических взглядах С. Вургуну.

Первая глава рецензируемой книги «Поэт высоких идеалов» составляет почти половину работы. В ее пяти разделах приводятся основные вехи биографии поэта, раскрываются истоки его творчества, которое автор условно делит на пять периодов. В первый период творчество поэта отличалось неровностью, встречались и слабые, в художественном отношении несовершенные стихотворения, проникнутые пессимистическими настроениями. Автор анализирует произведения тех лет, прослеживает постепенное освобождение С. Вургуну от элементов абстрактно-романтического стиха, преодоление им недостатков поэтической формы, отход от пессимистических мотивов. Становление поэта, его творческие поиски рассматриваются на фоне общего процесса развития советской литературы, хотя автор и не всегда достаточно подробно говорит о формировании художественного метода С. Вургуну в первый период его творчества.

Оценивая раннюю поэзию С. Вургуну, Г. Бабаев цитирует статью М. Рафили «Азербайджанская литература в период диктатуры пролетариата» (1930), в кото-

рой говорится о преобладании в творчестве раннего Самеда Вургуня крестьянских реалий, о его слепой влюбленности в природу, об идеализации им отсталой сельской действительности, враждебном отношении к городу и т. д.

Трудно безоговорочно согласиться с этими утверждениями, разделяемыми и Г. Бабаевым. С подобными глубоко ошибочными взглядами на творчество С. Вургуня выступала часть литературной критики не только в 30-е годы.

Г. Бабаев рассматривает творчество С. Вургуня в его развитии, прослеживает сложный процесс постепенного превращения поэта-лирика в поэта-философа, мыслителя, выразителя передовых идей своего времени. Анализируя наиболее характерные для творчества С. Вургуня мотивы, автор отдельно останавливается на больших заслугах поэта в развитии жанра поэмы, его работе над созданием эпопеи «Азербайджан». В первой главе книги раскрывается своеобразие формы и содержания поэзии С. Вургуня. Автор показывает глубину гуманизма, патриотизма и интернационализма поэта, его смелое новаторство в деле обогащения художественной формы. По замыслу С. Вургуня эпопея «Азербайджан», начинающаяся знаменитым одноименным стихотворением, должна была состоять из тридцати поэм. В ней поэт намеревался отразить славное историческое прошлое азербайджанского народа, его замечательные успехи, достигнутые за годы Советской власти.

Вторая глава монографии посвящена драматургии С. Вургуня. Автор подробно пишет о мастерстве поэта в создании жизненных характеров, о героике, романтике, философской глубине и других особенностях его драматургического творчества. Значительное место в работе отводится сценическим воплощениям вургуновских произведений. Автор, рассматривая драматургию С. Вургуня, приходит к ряду интересных выводов. Однако анализ пьес «Вагиф» и «Ханлар», на наш взгляд, недостаточно глубок, поскольку Г. Бабаев не только должным образом не освещает проблемы историзма, исторической правды и их художественного воплощения в этих произведениях, но и не отходит от традиционных оценок, сделанных задолго до него в азербайджанском литературоведении. Кроме того, нельзя признать правильным то, что Г. Бабаев, говоря о драме «Ханлар», по существу повторяет необоснованную критику последних лет, считая образы большевиков в этом произведении недостаточно убедительными.

Большой интерес представляет данный в монографии анализ пьес «Фархад и Ширин», «Инсан» («Человек»). Автор раскрывает своеобразие драматургического мастерства С. Вургуня, пишет о его обращении к народному эпосу, к героическим мотивам последнего, о создании поэтом образа положительного героя и романтическом

пафосе его произведений. Поиски и находки автора в этом направлении весьма значительны. Заслуживает одобрения и то, что Г. Бабаев драматургию С. Вургуня исследует в русле развития многонационального советского драматургического искусства.

В монографии определенное внимание уделяется переводческой деятельности С. Вургуня. Автор отмечает исключительно высокое переводческое мастерство поэта, с которым он работал над переводом таких классических произведений, как «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели, «Лейли и Меджнун» Низами Гянджеви, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Девушка и смерть» М. Горького и др. Г. Бабаев справедливо утверждает, что и в этой области С. Вургунь был новатором, обогатившим современное азербайджанское переводческое искусство и раскрывшим богатейшие изобразительные возможности родного языка.

Четвертая глава охватывает литературно-критические и публицистические произведения С. Вургуня. Эта глава, как и книга в целом, свидетельствует о методологической вооруженности автора исследования. Г. Бабаев отмечает, что богатейшее литературно-критическое и публицистическое наследие поэта до сих пор, к сожалению, не стало достоянием широкой общественности.

В главе литературно-критические взгляды С. Вургуня рассматриваются Г. Бабаевым с позиций современного литературоведения. Привлечение автором большого фактического материала и обширной научной литературы делает эту часть работы весьма ценной и содержательной. Правда, анализ многочисленных точек зрения других авторов порой заслоняет собственные суждения и выводы Г. Бабаева. Тем не менее весьма интересно стремление исследователя показать место, занимаемое эстетическими воззрениями С. Вургуня в истории советской литературной критической мысли. Автор правильно отмечает, что «после М. Горького ни один из советских писателей так страстно, последовательно, настойчиво не отстаивал романтизм в советской литературе, как С. Вургун».

В последней, пятой главе монографии автор пишет о распространении поэзии С. Вургуня на языках народов СССР и зарубежных стран. Значение творчества народного поэта Азербайджана давно вышло за национальные рамки. Автор останавливается на высокой оценке поэзии С. Вургуня А. Фадеевым, Н. Тихоновым, К. Симоновым, П. Антокольским, К. Каладзе, Г. Гулямом, А. Исаакином, Р. Гамзатовым, А. Зайончковским, Х. Радевским и другими видными деятелями литературы и науки, на ее влиянии на литературу народов Востока. Автор высоко оценивает общественно-политическое, литературное значение труда отечественных и зарубежных переводчиков произведений С. Вургуня.

Ныне произведения С. Вургуня читают на языках братских народов СССР и многих зарубежных стран. Рассматривая достижения и недостатки работы в этой области, Г. Бабаев приходит к заключению, что «русские переводчики произведений национальных писателей несут тройную ответственность: перед своим народом, перед народом оригинала и перед теми народами,

на языки которых делается затем перевод с русского».

Монография Г. Бабаева «Самед Вургун. Очерк творчества» представляет собой обстоятельное и содержательное исследование о народном поэте Азербайджана, об одном из виднейших представителей многонациональной советской литературы.

Г. Халилов

P. B. GOLDEN. AN HISTORICO-PHILOLOGICAL INQUIRY
INTO THE ORIGINS OF THE KHAZARS. I—II.
BIBLIOTHECA ORIENTALIS HUNGARICA XXV.

BUDAPEST, 1980, 291 стр. (I), XXV стр.+252 фрагмента факсимиле (II)

Хазарская проблема на протяжении уже многих лет неизменно привлекает к себе внимание как филологов, так и историков. Одно из проявлений повышенного интереса к ней — периодическая публикация в разных странах, начиная приблизительно с середины прошлого столетия, статей и монографий. В числе авторов этих работ такие ученые, как Д. А. Хвольсон, И. Маркварт, П. К. Коковцов, А. Н. Самойлович, В. Мошин, М. И. Артамонов, Д. М. Данлоп, А. А. Зайончковский и многие другие. Рецензируемое издание — последнее по времени выхода в свет — результат многолетней работы П. Б. Голдена, профессора Ратгерского университета (США).

Все суждения о хазарах, их истории, религии, языке и культуре основываются на сведениях, почерпнутых из арабских, армянских, византийских и других источников. Эти сведения, как правило, отрывочны и нередко противоречивы. Например, с одной стороны, указывается на близость хазарского языка к языку булгар, с другой, подчеркивается отличие его от «тюркского» и персидского языков или вообще отсутствие сходства с каким-либо иным языком. Тем не менее специалисты, изучавшие упомянутые источники, за редкими исключениями, единодушны в том, что хазары — тюркоязычный народ. Так, А. Н. Самойлович, признавая тюркоязычность хазар, но затрудняясь окончательно определить характер их языка, был склонен думать, что наследниками хазарской культуры являются дагестанские евреи, крымчаки и каранмы¹. В связи с этим напомним, что В. Ф. Миллер считал кавказских евреев наиболее

вероятными «виновниками» принятия хазарами иудаизма². По мнению А. Зайончковского, хазары являлись представителями команского (не болгарского!) типа, потомки же их и наследники хазарской культуры — караимы. Возражая против сближения хазарского языка с древнечувашским, А. Зайончковский устанавливал наличие некоторого числа общих караимско-хазарских элементов³. Согласно другой точке зрения, хазары — шестое (из девяти) уйгурское племя, называвшееся в китайских источниках *ко-ча*⁴. П. Б. Голден в одной из своих ранних статей поддержал тезис о связи хазар с сабирами, сославшись при этом на следующее высказывание Мас'уди в «Китаб ут-Танбих»: «на языке тюрков имя хазар — сабиры»⁵. Примечательно, что в письме «Хазарского царя Иосифа» среди десяти сыновей Тогармы упомянуты авар,

² В. Ф. Миллер. Материалы для изучения еврейско-татского языка. СПб., 1892, стр. X — XI.

³ A. Zajączkowski. Khazarian culture and its inheritors. — «Acta Orientalia Acad. Scientiarum Hungaricae», XII, 1—3, Budapest, 1961, стр. 306; *его же*. Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim. Kraków, 1947, стр. 54—55, 72 и сл.

⁴ О концепции уйгурского происхождения хазар см. в кн.: D. M. Dunlop. The history of the Jewish Khazars. — «Princeton Oriental Studies», 16. Princeton, 1954, стр. 34—40. Ср.: V. Minorsky. A new book on the Khazars. — «Oriens», XI, 1—2, Leiden, 1958, стр. 125.

⁵ P. B. Golden. Hazar dili. — «Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten». Ankara, 1971, стр. 151.

¹ А. Самойлович. К вопросу о наследниках хазар и их культуры. — «Еврейская старина», XI. Л., 1924, стр. 208 и сл.

хазар, булгав (булгар?) и савир⁶. К этому остается добавить, что Д. Синор, относивший сабиров к булгарской группе, «без малейшего колебания» отождествил этноним *сабир* с этнонимом *сувар*⁷.

Первый том монографии П. Б. Голдена состоит из введения и четырех глав. К тому приложены библиографический список и две карты, отражающие географическое положение Хазарии и ее соседей в середине IX века и расселение племен и племенных объединений в евразийской степи в середине X века.

Второй том включает в себя данные о рукописях и расположенные в алфавитном порядке 252 фрагмента факсимильных изданий арабских, армянских, византийских, древнееврейских и персидских источников, имеющие прямое или косвенное отношение к хазарской проблеме.

Вводная часть первого тома (стр. 13—26) содержит сведения о времени существования хазарского каганата, о его границах, о венгеро-хазарских отношениях, о принятии хазарами иудаизма. Образование хазарского каганата датируется серединой VII века, прекращение его существования — 965 годом, то есть временем разгрома хазар Святославом и захвата Белой Вежи. П. Б. Голден подчеркивает, что это был период интенсивной тюркизации Северного Кавказа и примыкающих к нему территорий. Действительно, есть основания считать, что как раз к этому времени относятся оседание в указанном регионе тюркских племен, сыгравших главную роль в этногенезе карачаевцев, балкар, кумыков и караймов.

Ясно, что достоверность сообщаемых сведений не может быть во всех случаях одинаково надежной: многие события и факты не получили глубокого освещения в источниках. И все же нельзя не отметить крайнюю неопределенность этих данных в той части, где речь идет о границах хазарского каганата («...от Киева на западе до Хорезма на востоке, от Волжской Булгарии на севере до Кавказа на юге»). Налицо явное несоответствие приведенного описания тщательно сопоставленным и критически осмысленным данным других источников, позволяющим более или менее уверенно установить местонахождение Хазарии в районе, ограниченном с востока нижним течением Волги и Каспийским морем, с запада — Доном, с севера — излучиной Волги и Дона, с юга — предгорьями Восточного и Центрального Кавказа (предгорья Западного Кавказа — территория Кубанской Булгарии). Именно в этом районе находились упоминаемые в географических сочинениях и исторических хрониках хазар-

ские города: Баланджар, Байда, Итиль, Саркел, Самандар (Семендер), Хамлыдж. Разумеется, нередко хазары выходили за пределы относительно стабильных границ в низовьях Волги, захватывали Крым и Приазовье, и данниками их в отдельные периоды становились племена, располагавшиеся западнее Дона и севернее его излучины. Такие периодические перемещения, получившие наименование полукоочевого образа жизни («*seminomadism*»), были обычными для многих тюркских народностей⁸.

Большое значение в данном разделе придается вопросу о роли хазарского каганата в ранней истории Киевской Руси, весьма важной, по мнению П. Б. Голдена. Эта точка зрения, разделяемая и некоторыми его предшественниками, не подкрепляется однако какими-либо аргументами, а все то, что так или иначе противоречит ей, по существу, обойдено автором молчанием. Нет четкого ответа на вопрос, почему сведения о хазарах в русских летописях скудны и несоизмеримы с приписываемой им ролью. Кстати, хазары не названы ни в одном из доступных нам тюркских текстов, не упомянуты в диване Махмуда Кашгари, в эпических произведениях тюрков, в традиционных генеалогиях. Некогда существовавшее в науке представление о том, что хазары это народ без предков и без потомков⁹, конечно, не соответствует исторической действительности, хотя лишний раз и подчеркивает необычайную сложность хазарской проблемы, преждевременность каких-либо категорических выводов и необходимость продолжать давно начатые поиски. Скорее всего, оценка хазарского каганата как крупнейшей политической единицы своего времени, «настоящей» империи, является такой же крайностью, как и отнесение его к числу обычных объединений кочевых племен, неожиданно появлявшихся и бесследно исчезающих в бурном потоке миграционных процессов средневековья.

Завершается введение выделением нескольких аспектов хазарской проблемы и перечнем задач, связанных с ее окончательным решением. Среди последних — исследование новых эпиграфических материалов, анализ тюркских топонимов, обнаруженных на территории Венгрии, выяснение роли хазар в этногенезе карачаевцев, балкар и кумыков, поиски местонахождения Итиля и раскопки его.

Особого внимания заслуживает изучение письменных памятников. Количество их в последние годы заметно возросло за счет новых находок, что создает реальные предпосылки для их дешифровки. Важная ступень на пути к достижению этой цели — издание корпуса надписей юго-восточной

⁶ См.: П. К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 74.

⁷ D. Sinor. Autour d'une migration des peuples au Ve siècle. — «Journal Asiatique», CCXXXV, 1946—1947, Paris, 1947, стр. 23, 33—34.

⁸ См.: A. Zajaczkowski. Khazarian culture and its inheritors, стр. 299.

⁹ См.: Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии. (Историко-географический этюд). М., 1966, стр. 10.

Европы: рунических, рунообразных¹⁰ и таких, которые написаны кириллицей¹¹, но не поддаются прочтению. Заметим сразу же, что любая попытка установить принадлежность рунических и рунообразных надписей, найденных в европейской части СССР, хазарам сопряжена с большими трудностями. Известно, что хазары появились в Европе не позднее конца VI века, тогда как руническое письмо получило распространение лишь в VIII веке, причем колыбелью рунической письменности был Восточный каганат. Правда, отдельные тюркологи допускают возможность его появления в V—VI веках, аргументируя свою позицию ссылкой на высокую степень совершенства алфавита, предполагающую длительность его использования. Однако такой чисто умозрительной аргументации противостоит совершенно очевидный конкретный факт: если от второго тюркского каганата (VIII в.) унаследовано огромное количество надписей, то первый каганат (VI в.) не представлен ни одной рунической надписью. Отсюда следует, что руника могла быть перенесена в Европу только в IX или в начале X века, то есть значительно позднее переселения туда хазар, и что поэтому использование ее хазарами маловероятно. Несколькими иначе обстоит дело с кириллицей. Здесь уместно воспроизвести сообщение Фахр ад-дина Мубаракшаха Марварруди (конец XII в.) о том, что «хазары ... пишут слева направо и буквы не соединяются между собой», что «у них 21 буква...» и что «ветвь хазар, которая пользуется этим письмом, исповедует иудаизм»¹². Не исключено, что в данном случае имеется в виду кириллица или глаголица. В X веке, как сообщает ан-Надим, хазары пользовались древнееврейским алфавитом¹³.

В первой главе (стр. 27—48) перечислены и кратко охарактеризованы тюркские

племенные объединения, перемещавшиеся в Европу в дохазарское время: гунны, огуры (ширагуры, кутургуры, отугуры, оногуры), сабиры, авары, болгары. Возвышение хазар и монополизацию их власти на Северном Кавказе П. Б. Голден связывает с распадом болгарской федерации. Отправной точкой при написании этой главы послужили хорошо известные сообщения византийских авторов, в частности рассказ Приска, подробно разобранный и прокомментированный в аналогичной работе Д. Синора¹⁴.

Вторая глава (стр. 49—85) посвящена критическому обзору гипотез о происхождении хазар, анализу исторических условий образования хазарского каганата. Касаясь предположения Д. М. Данлопа об уйгурском происхождении хазар, П. Б. Голден отмечает отсутствие доказательств миграции уйгуров на запад в гунское время и приходит к выводу, что гипотеза Д. М. Данлопа основана на смешении этнических наименований огул и уйгур.

В связи с обсуждением причин строительства Саркела рассматриваются венгеро-хазарские отношения, уточняются место и время пребывания венгров на Северном Кавказе.

В вопросе о судьбе хазар П. Б. Голден придерживается той точки зрения, что хазары после разгрома каганата остались на своей территории, присоединились к более сильным племенам и приняли их наименование.

Содержание третьей главы (стр. 86—111) — описание подчиненных народов, государственное устройство каганата, хозяйственная жизнь — мало чем отличается от изложенного в трудах предшественников П. Б. Голдена.

Четвертую главу (стр. 112—263) составляют толкование и филологическое комментирование более чем пятидесяти хазарских слов, подразделенных на четыре группы: 1) этнонимы; 2) личные имена и титулы; 3) топонимы; 4) прочие слова.

Хотя мы и разделяем мнение П. Б. Голдена относительно принадлежности хазар к тюркским племенам, тем не менее не можем не отметить, что собранных материалов еще недостаточно ни для определения типа хазарского языка, ни для доказательства тюркоязычности хазар. Единственное слово, которое может служить и общеязыковым и частным классификационным признаком, — топоним *Саркел*. Его компоненты *сар* и *кел* сравнительно легко опознаются как тюркские слова, ср.: азерб. *sar* 'желтый', *gil* — компонент, обозначающий в составе имен существительных 'дом', 'семью'; чуваш. *sağ* 'желтый', *kil* 'дом, жилище'. И все же нельзя сказать определенно, чему соответствует первый компонент — древнетюркскому *saγu* 'желтый', 'бледный' или болгарскому **saγu* (ср. чуваш. *šarā*) 'белый'. А. Зайончковский, например, считал, что оба компонента явля-

¹⁰ Имеются в виду надписи на камнях Маничкого и Хумаринского городищ, на баклажках из Новочеркасского музея, на черепе коровы из-под Элисты и некоторые другие. Подробнее о них см.: А. М. Шербак. О рунической письменности в юго-восточной Европе. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 76 и сл. Ср.: Э. Ленц. О глиняных сосудах с коническим дном, находимых в пределах мусульманского Востока. — «Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества», XV, 1. СПб., 1903, стр. 0101—0112.

¹¹ См.: А. М. Шербак. Знаки на керамике и кирпиче из Саркела—Белой Вежи. (К вопросу о языке и письменности печенегов). — «Материалы и исследования по археологии СССР, № 75. Труды Волго-Донской археологической экспедиции», II. М.—Л., 1959, стр. 366, табл. XVII.

¹² См.: «Ta'rikh-i Fakhru'ddin Mubarakshah». Ed. by R. Denison Ross (James G. Forlong Fund). London, 1927, стр. 46.

¹³ См.: A. Zajaczkowski. Khazarian culture and its inheritors, стр. 306.

¹⁴ D. Sinor. Указ. раб., стр. 1—77.

ются общетюркскими, что ни один из них нельзя считать типичным булгаризмом¹⁵.

Абсолютное большинство вошедших в список слов — личные имена и титулы: *alp*, *tarḡap*, **bayatur*, *bāg*, *čul* (*čur*), *žabyu*, *šad*, *tudup*, *qaḡap*, *qatup* и т. д. В таком же виде они встречаются в древнетюркских текстах и, пожалуй, все или почти все представляют собой заимствования из нетюркских языков. В нашем распоряжении пока нет, к сожалению, ни одного фразового примера и даже ни одного обычного хазарского слова. Понятно, что судить о хазарском языке и давать классификационную характеристику его, опираясь лишь на топонимы, личные имена и титулы, едва ли возможно.

Недостатками монографии П. Б. Голдена следует считать отсутствие перевода на английский язык фрагментов факсимильных изданий и неполноту библиографического указателя, в который не вошли, помимо названных выше статей А. Н. Самой-

ловича и Д. Синора, десятки других специальных работ¹⁶.

В целом монография П. Б. Голдена заслуживает положительной оценки. Являясь наиболее полной работой о хазарах, написанной с учетом исторических, археологических и языковых фактов, она, несомненно, будет способствовать дальнейшему углублению хазарских штудий.

¹⁵ Назовем некоторые из них: *M. Kmoskó. Die Quellen İstachri's in seinem Berichte über die Chasaren.* — «Körösi Csoma—Archivum», I, 2, Budapest, 1921, стр. 141—148; *его же. Araber und Chasaren.* — «Körösi Csoma—Archivum», I, 4, Budapest, 1924, стр. 280—292; *его же. Araber und Chasaren.* II. — «Körösi Csoma—Archivum», I, 5, Budapest, 1925, стр. 356—368; *G. Fehér. Bulgarisch-ungarische Beziehungen in dem V—XI Jahrhundert.* — «Keleti Szemle», XIX, Budapest, 1921, 190 и сл.; *Ю. В. Готье. Хазарская культура.* — «Новый Восток», № 8—9, М., 1925, стр. 277—294; *Л. Н. Гумилев. Открытие Хазарии.* М., 1966; *С. А. Плетнева. Хазары.* М., 1976. Ряд работ, посвященных хазарам, назван в рецензиях О. Прицака на книгу А. Зайончковского («Der Islam», 29/1, Berlin, 1949, стр. 97—98) и К. Б. Старковой на книгу Д. М. Данлопа («Палестинский сборник», 4[67], М.—Л., 1959, стр. 246).

¹⁶ *A. Zajčczkowski. Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim,* стр. 54—55.

А. М. Щербак

Х Р О Н И К А

«СИНТАКСИС ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА»



25 января 1982 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации

«Синтаксис диалектов и говоров азербайджанского языка», представленной старшим преподавателем Кировабадского государственного педагогического института им. Г. Зардаби **Джафарзаде Мамедом Мамед оглы.**

Данная диссертация является первым комплексным исследованием диалектного синтаксиса одного из тюркских языков. В работе установлены синтаксические различия между диалектами и говорами азербайджанского языка на уровне словосочетаний, простого предложения и сложных конструкций. Диссертант впервые классифицировал диалекты на основе их синтаксических признаков.

В работе выявлены многочисленные новые диалектные факты: различные типы именных словосочетаний, глагольных обо-

ротов, структур простого предложения, средств связи между компонентами сложных предложений.

Диалектные различия исследованы диссертантом в сравнении с данными современного литературного азербайджанского языка, языка древнетюркских письменных памятников, других тюркских и алтайских языков и их диалектов, а также иностемных языков. Это позволило пролить свет на некоторые спорные вопросы тюркского языкознания, связанные с историей развития синтаксического строя тюркских языков, в частности, со становлением структуры сложноподчиненных предложений.

Официальные оппоненты — академик АН Узбекской ССР Ш. Ш. Шаабдурахманов, д-р филол. наук, проф. А. Г. Велиев, д-ра филол. наук В. Л. Гукасян и С. М. Моллазаде, а также выступившие на заседании академик АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиев, д-р филол. наук, проф. А. З. Абдуллаев, д-р филол. наук В. И. Асланов и другие отметили, что диссертационная работа М. М. Джафарзаде является ценным исследованием, вносящим много нового в изучение тюркской диалектологии.

Специализированный совет единогласно решил ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении М. М. Джафарзаде ученой степени доктора филологических наук.

Р. Дж. Маггеррамова

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- П. И. Кузнецов** (Москва). Система функциональных форм глагола в современном турецком языке 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Э. Н. Болонина** (Каменец-Подольский). Тюркизмы в восточнославянской деловой письменности XV — XVI веков 22

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- А.-К. Ю. Абдуллатипов** (Махачкала). Романтизм в дореволюционной кумыкской литературе 28

ОНОМАСТИКА

- А. Ахундов** (Баку). Об однорядных (чистых) омонимах в топонимии Азербайджана 35

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- И. С. Сеидов** (Баку). Об орфографировании составных терминов, включающих имя собственное 40

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- А. Н. Кононов** (Ленинград). Из истории кумыкского языкознания 48
- Г. Д. Ажибекова** (Алма-Ата). Место плеоназмов в системе средств языковой избыточности 51
- А. Б. Абдуллаев** (Бухара). Семантико-структурная характеристика чужой речи в узбекском языке 62
- Н. Маматов** (Ташкент). Образование собственносложных слов в узбекском языке 67
- М. А. Махмудов** (Баку). Морфологический компонент автоматического анализа тюркского текста 76
- С. Атаниязов** (Ашхабад). Слова, означающие футляр для пиал в диалектах туркменского языка 84

<i>Н. А. Баскаков</i> (Москва). К этимологии oguz, oguz-Qaraqan	88
<i>Л. Г. Тимонина</i> (Таганрог). О некоторых древних енисейско-тюркских параллелях в словообразовании	91
<i>Я. И. Сунчугашев</i> (Абакан). О связи междоимения «ыйу» хакасского языка с древнетюркским ују	97

РЕЦЕНЗИИ

<i>К. Мусаев</i> (Москва). «Кыргыз адабий тилинин грамматикасы»	99
<i>Г. Халилов</i> (Баку). Габиб Бабаев. Самед Вургун. Очерк творчества	101
<i>А. М. Щербак</i> (Ленинград). P. B. Golden. An historico-philological inquiry into the origins of the Khazars	103

ХРОНИКА

«Синтаксис диалектов и говоров азербайджанского языка»	107
--	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>P. I. Kuznetsov</i> (Moscow). System of functional verbal forms in modern Turkish	3
--	---

LANGUAGES IN CONTACT

<i>E. N. Bolonina</i> (Kamenets-Podolsk). Turkisms in the East-Slav official written records in the XV — XVI	22
--	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>A. Yu. Abdullatipov</i> (Makhach-Kala). Romanticism in prerevolutionary Koumyk literature	28
--	----

ONOMASTICS

<i>A. Akhundov</i> (Baku). On pure homonyms in Azerbaijan toponymy	35
--	----

DISCUSSIONS

<i>I. S. Seidov</i> (Baku). On compound terms spelling including the proper name	40
--	----

REPORTS, SURVEYS

<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad). Some aspects of the history of Koumyk linguistics	48
<i>G. D. Azhibekova</i> (Alma-Ata). Place of pleonasm in the system of means of linguistic redundancy	51
<i>A. B. Abdullayev</i> (Bukhara). Semantic-structural characteristics of indirect speech in Uzbek	62
<i>N. Mamatov</i> (Tashkent). Formation of compound words in Uzbek	67
<i>M. A. Makhmudov</i> (Baku). Morphological component of automatic analysis in the Turkic text	76

<i>S. Ataniyazov</i> (Ashkhabad). Words with the meaning «a case for pials» in Turkmen dialects	84
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow). Etymology of oruz, oruz-Qaran	88
<i>L. G. Tiņonina</i> (Taganrog). Some ancient Yenisei-Turkic parallels in word-formation	91
<i>Ya. I. Sunchugashev</i> (Abakan). On the connection of the interjection «yju» in Khakass with the old Turkic one	97

REVIEWS

<i>K. Musayev</i> (Moscow). «Кыргыз адабий тилинин грамматикасы»	99
<i>G. Khalilov</i> (Baku). Габиб Бабаев. Самед Вургун. Очерк творчества	101
<i>A. M. Sherbak</i> (Leningrad). P. B. Golden. An historico-philological inquiry into the origins of the Khazars	103

CHRONICLE

«Syntax of dialects and subdialects of Azerbaijan»	107
--	-----

**МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНЕТИЧЕСКАЯ
ТРАНСКРИПЦИЯ НА ОСНОВЕ ЛАТИНСКОЙ
ГРАФИКИ, ПРИНЯТАЯ РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ»**

ГЛАСНЫЕ

A a — а
Ä ä — э
E e — е
U u — у
I i — и
O o — о
Ö ö — ө
U u — у
Ü ü — ү

СОГЛАСНЫЕ

B b — б
V v — в
G g — г
G' g' — к (گ)
Y y — ғ (غ)
D d — д
Ž ž — ж
Ž ž — ч, дж (ج)
Z z — з
Δ δ — 3 (ذ)
J j — j
Q q — ка (ق)
K k — ке (ك)
L l — л
M m — м

N n — н
ŋ — н
ng — н (ڭ)
P p — п
R r — р
S s — с
T t — т
F f — ф
X x — х (خ)
H h — h, x (ح, ه)
C c — ц
Č č — ч (چ)
θ ð — ʧ (ث)
Š š — ш

ДИАКРИТИЧЕСКИЕ ЗНАКИ

—, : долгота
˘ краткость
~ носовой
' мягкость

© «Советская тюркология» 1982 г.

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Рукописи не возвращаются

Корректоры Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова

Сдано в набор 24.12.82 г. Подписано к печати 19.7.82 г. ФГ 09824. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Тип. 1. Гарнитур литературный корпус. Офсетная печать. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Уч. изд. л. 9,4. Заказ 8803. Тираж 2875. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.